

Валерий Иванов-Таганский

Любовь со взломом

пьесы

Валерий Иванов-Таганский
Любовь со взломом (пьесы)

«У Никитских ворот»

2017

УДК 82-2

ББК 84(2Рос=Рус)6.6

Иванов-Таганский В. А.

Любовь со взломом (пьесы) / В. А. Иванов-Таганский — «У Никитских ворот», 2017

ISBN 978-5-00095-400-3

Театр всегда служил спасительным маяком в жизни русского человека. В свое время таким «островом спасения» был Театр на Таганке, откуда родом Валерий Иванов-Таганский – драматург, прозаик, режиссер, актер... Если ведущие московские театры за последние годы повергают в глубокое разочарование, раздражение и скуку выбором драматургии, то пьесы и постановки Иванова-Таганского стали потрясением, невероятным открытием, глотком свежего воздуха! С первых страниц эта драматургия захватывает настолько, что отрешаешься от всех мирских забот, следишь за каждым движением персонажей, за каждым словом, уже чувствуя повышающийся градус нервного напряжения, который зашкаливает к кульминации. В наибольшей степени потрясают и восхищают блестящие, построенные с математической точностью, глубокие диалоги главных героев, вскрывающих неприглядную правду о «болезнях» современного российского общества. Драматургия Иванова-Таганского – о глубокой и неподдельной любви к Родине, о боли за «нравственные увечья», поразившие ее народ, но главное – о вере в ее немеркнущее величие и победу над всеми темными силами. Это настоящее искусство, достойное стать культурным наследием XXI века!

УДК 82-2

ББК 84(2Рос=Рус)6.6

ISBN 978-5-00095-400-3

© Иванов-Таганский В. А., 2017

© У Никитских ворот, 2017

Содержание

Певец правды жизни	7
Барашек в бумажке	11
Первое действие	12
Второе действие	36
Волчий круг	54
Первое действие	55
Второе действие	73
Пикник под старой крышей	89
Первое действие	90
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Валерий Иванов-Таганский

Любовь со взломом

© Иванов-Таганский В.А., 2017

© ИПО «У Никитских ворот», 2017

* * *

Певец правды жизни

В «Гамлете», в сцене с актерами, Шекспир так определяет задачу театра: «Каждое нарушение меры отступает от назначения театра, цель которого во все времена была и будет: держать, так сказать, зеркало перед природой, показывать доблести ее истинное лицо и ее истинное – низости, и каждому веку истории – его неприкрашенный облик».

В поставленной на подмостках Московского театра «Сопричастность» пьесе Валерия Иванова-Таганского «Волчий круг» это «зеркало» с точностью до микрона запечатлело нашу действительность. И зритель молниеносно принял и полюбил этого автора: «С первых минут происходящее на сцене захватывает настолько, что следишь за каждым словом, за каждым движением актеров, чувствуя повышающийся градус нервного напряжения, который зашкаливает к развязке. Ваша пьеса стала потрясением, невероятным открытием, глотком свежего воздуха. Это зеркало, в котором мы увидели нашу действительность, блестяще, с математической точностью вскрывающее неприглядную правду о болезнях современного российского общества».

А вот еще одно суждение. Оно, безусловно, преувеличенное, но искреннее: «Я хорошо знаю драматургию Арбузова, Розова, Вампилова... На мой взгляд, вы сегодня единственный в России драматург, кого Антон Павлович бы обнял. С победой Вас!»

Нельзя не вспомнить и тот факт, что перевод Иванова-Таганского пьесы болгарского драматурга Христо Бойчева (впервые эта пьеса была поставлена самим переводчиком в театре «Содружества актеров Таганки» в 2001 году) многие годы играет по всей стране, что по его сценарию, в той же Таганке, пятнадцать лет при переполненном зале идет спектакль «Исповедь хулигана». Таким же долгожителем является постановка «Диалог с Эдит Пиаф», великолепно принятая во Франции и поставленная для Заслуженной артистки России Тамары Селезневой. Несомненно, все эти постановки, в которых слово автора становится ярким и действенным, принесли Иванову-Таганскому заслуженное признание и благодарность зрителей.

На наш взгляд, безусловной победой является и выход предложенного издательством «У Никитских ворот» сборника пьес Валерия Иванова-Таганского «Любовь со взломом», в который включена пьеса «Пикник под старой крышей», победившая на 12-ом Международном конкурсе современной драматургии «Время драмы».

У неискушенного театрала может возникнуть вопрос: «А зачем, собственно, пьесы вкладывать в книжный формат?» Посмотреть пьесу в театре, неужели этого недостаточно? Нет, недостаточно! И, прежде всего, потому, что драматургия – один из самых древних, сложных и самых прекрасных жанров литературы. Кроме того, изданное в печатном виде драматическое произведение вызывает у продюсеров и режиссеров неподдельный интерес и уважение. Вот почему появление этого сборника – явление закономерное и необходимое.

Тем более что здесь, под обложкой, восемь невероятных историй для театра. Причем большая их часть написана за последние два года, ставшие в высшей степени удачными для автора.

Пустое занятие пускаться в подробный пересказ сюжетов предложенных автором пьес. Скажу лишь, что в шести пьесах речь идет о наших современниках, в жизни которых разлад и сумятица, трагическая безысходность, борьба за выживание и поиски выхода под пером автора становятся неисчерпаемым драматургическим источником, берущим начало в лаконичной толстовской формулировке: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему».

Выносимые автором на свет Божий противоречия, конфликты, недовольство жизнью, попытки найти решение своих проблем сообщают пьесам Валерия Иванова-Таганского напряженный драматизм. Действие захватывает зрителя с первой сцены, и неуклонно нарастающее напряжение его развития не отпускает отвлечься и расслабиться до финала.

К нашей беде, у поколений, рожденных в девяностых годах, нет ничего, кроме яростного отрицания предыдущего опыта. На наших глазах и, к сожалению, при нашем молчаливом соучастии в то время в России начала складываться новая социокультурная ситуация. («Прощеное воскресенье». **Рогова**. «Прошу тебя, не надо им признаваться! Саша, не всякий грех прощается. Они сделают вид, что поймут, но не простят. Они бессердечны и бездушны».)

Подобное мировоззрение на фоне экономической и социальной деградации привело общество в состояние мощного обвала. Что произошло с основным населением страны после того, как рухнул социалистический мир? Как изменился нравственный климат в обществе? Почему понятия честности, порядочности были поставлены под сомнение или практически отменены? На эти и другие подобные вопросы автор ищет и находит ответы.

В «перестроечные» годы, эпоху постмодерна, образовался и стал шириться так называемый феномен «новой драмы». Она продуманно и вызывающе отказалась от прежних норм жизни и духовных представлений. «Новая драма» развивалась в русле показа жестокости, «чернухи». Она демонстрировала жизнь постсоветского общества именно со стороны ее недостатков, грубости, бедности, бессердечности. «Жизнь жестока, и мы не можем быть мягкими» – эта фраза из «Трехгрошовой оперы» могла бы стать лозунгом «новой драмы».

Драматург Валерий Иванов-Таганский не подвержен влиянию литературной и театральной «моды», но уверенно идет своим путем. В его произведениях не доминирует привычный набор продажных ментов, бомжей, проституток, олигархов и вороватых чиновников. Его пьесы, прежде всего, о любви, о людях несломленных, сохранивших силы и волю противостоять гнусным проявлениям несправедливости и неправды. («Волчий круг». «**Петрович**. Я дом свой защищаю! Ты – моль, черная моль, которая жрет эту страну».)

Сюда же, к месту, приходится реплика **Ани** из пьесы «Любовь со взломом»: «...Сегодня многое переменялось, вчерашние фальшивки заменились новыми. Или мы их победим, или они похоронят нас. Всех-всех, и страну в том числе. У нас последний шанс».

Образ Ани, как и других персонажей, противоречив в своей целостности. Герои Валерия Иванова-Таганского изъясняются нормальным человеческим языком, без излишней лихости, густого жаргона или усердной эксплуатации компьютерных терминов. И вместе с тем стиль, строй, манера письма, проблематика его пьес вполне современны. В них отражаются боль, надежды, искания и вера живых людей. Именно живых, потому что персонажи этих пьес – живые, и это знак большого литературного мастерства.

Как тут не вспомнить о давних прочных традициях русской драмы, главной из которых, по словам Михаила Щепкина, является утверждение на сцене «правды жизни».

Одним словом, произведения, включенные в сборник, ее-то, правду жизни, и отражают. Так в свое время имел основания утверждать шестидесятник О. Ефремов, подразумевая пьесы В. Розова, А. Володина и других.

Сценическое действие сильно тесным контактом со зрительным залом. Когда публика принимает пьесу, то в аудитории проявляется та эмоционально-нравственная атмосфера, которая свидетельствует о возникновении духовной связи актеров и зрителей, совместно творящих спектакль. Эта метафизическая связь рождается, прежде всего, благодаря звучащему со сцены слову. Вот почему столь важен высокий уровень драматургии. И тут недостаточно одной злободневности. Одним из главных критериев выступает сущностное, высокохудожественное постижение жизни автором пьесы, режиссером, актерами.

В 90-е, годы воинствующего разрушения культурных традиций, российский театр выстоял, углубившись в классику, сберег профессиональный уровень. С некоторыми собственными времени перекосами сохранена традиционная репертуарная и стационарная инфраструктура.

Но для дальнейшего развития театра, возрождения интереса к нему многочисленной зрительской аудитории, одной классики явно недостаточно. Необходима современная драматургия, и ее истоки, как водится, следует искать в современной литературе. Радостно, что такой многогранно одаренный человек как Валерий Иванов-Таганский обратился к драматургии.

В каждой из своих работ он не только разрабатывает новые темы, но ищет особые театральные приемы. В отличие от многих «новаторов» последних лет автор сборника – Человек Театра, виртуозно владеющий техникой драмы. Экономными и точными средствами, хорошим, ясным, свойственным Валерию Иванову-Таганскому языком, он ваяет конструкцию пьесы, оттачивает характеры ее персонажей и строит диалоги без скабрёзностей и игривых амфиболий. Отраднo, что в пьесах не ощущается вакуума действия, нет второстепенных, «проходных» персонажей.

Одна из новых пьес Валерия Иванова-Таганского, «Волчий круг», уже обрела жизнь на сцене, тепло принята зрителем и заняла почетное место в репертуаре Московского театра «Сопричастность».

Помимо «Волчий круг», ждут своего сценического воплощения «Любовь со взломом», «Пикник под старой крышей», «Прощеное воскресенье», «Почем бивень мамонта», «Барашек в бумажке» и «Королева в доме Достоевского» – произведения разных жанров, затрагивающие разные временные периоды, но звучащие свежо и актуально.

Эпиграфом ко всему сборнику могла бы послужить одна из финальных реплик пьесы «Барашек в бумажке» – «Фарс начинается там, где умирают герои».

Восстать против фарса жизни, сделаться пусть не героем в эпическом смысле этого понятия, но приличным, порядочным человеком, отогнать удушающий морок крохоборства и обывательщины... Не к этому ли подводит автор будущих зрителей его пьес на примерах Поступков персонажей?

Читая завершающие сцены пьесы «Почем бивень мамонта», невольно вспомнил эпизод из фильма «Шумный день», поставленный Анатолием Эфросом по комедии В. Розова «В поисках радости». Спонтанный бунт незрелого юноши против мещанского настроения близких, вылившийся в сабельную атаку на полированную мебель.

Сколь же труднее взрослому, сформировавшемуся человеку собственными руками сокрушить мнимую основу семейного благополучия!

«Павлов. Говоришь, не затеряется? Получай тогда! *(Срывает со стены бивень мамонта и бросается в комнату-музей.)*

Слышно, как там все разбивается. Долетают реплики: «Бери, уноси, для таких, как ты, старался! Вот тебе, приданое! Возьми!» Павлова бросается вслед за мужем и пытается его удержать. Реплики Павловой: «Остановись! Что ты делаешь? Витя, ты с ума сошел». Реплики Павлова: «И, это! И, это!. *(Звон разбивающегося фарфора.)* Вот, вот еще! Бе-е-ри!» Выходит. **Павлов** *(задыхаясь)*. Иди, теперь все твое! *(Бросает бивень мамонта в сторону.)* Он потрясен тем, что натворил. Еле передвигая ноги, садится в кресло. Павлова тихо плачет...»

Казалось бы, о какой актуальности может идти речь в отношении пьесы, касающейся давно миновавших событий, – «Королева в доме Достоевского»? Однако мастерство творческой лаборатории Валерия Иванова-Таганского явило чудо: мы соприкоснулись не с делами давних дней, но с вечно молодой историей любви, человечности, честности по отношению друг к другу.

Разве не сегодняшнего дня коллизия: Аполлинария Прокофьевна Сулова долго не понимала, что, как бы ни любил ее Достоевский, он все равно не расстанется с тающей на глазах чахоточной Марией Дмитриевной. Или несовременно звучат слова заключающего пьесу монолога Достоевского: «Господа, будем, во-первых, и прежде всего, добры, потом честны, а потом – не будем никогда забывать друг о друге...»

Девятая работа, включенная автором в сборник, – «Полковник-птица», хорошо известна российскому зрителю. Замечательный перевод Валерия Иванова-Таганского одной из самых ярких пьес болгарского драматурга Христо Бойчева открыл ей дорогу на российскую сцену. Эта пьеса стала мировым победителем в международном конкурсе Британского Совета.

Когда издательство уже приступило к набору книги, автор завершил работу над трагифарсом в двух действиях «Психушка под снос». Казалось бы, тема судеб умалишенных и представляющихся таковыми рассмотрена и до Валерия Иванова-Таганского под всеми возможными ракурсами. Не касаясь отечественных классиков, вспомним, например, пьесу Д. Вассермана «Полет над гнездом кукушки» по роману Кена Кизи, шедшую в середине восьмидесятых во многих российских театрах. Мне, к слову, памятна постановка этой пьесы Вячеславом Гвоздковым в ташкентском русском академическом театре имени Горького.

Тем не менее, автора это обстоятельство не смутило, и, взявшись за тему поистине с шекспировским замахом, он с честью разрешил непростую задачу.

У Валерия Иванова-Таганского в отношениях персонажей, пока не относящихся по какой-то странной иронии судьбы к пациентам скорбного лечебного учреждения прорастает, подобно раковой опухоли, своекорыстие, окрашивая собой все их чувства. Совсем иначе с чистотой взаимоотношений дело обстоит у «опекаемого» контингента. Все верно – часто случается, что признаваемый психически неполноценным оказывается на порядок разумнее, приличнее и достойнее многих, так называемых «нормальных». Многие авторы отмечали этот факт и предостерегали, как, например, сделала это английская писательница Мюриэл Спарк, вложив в уста одному из персонажей реплику: «Нельзя быть чересчур нормальным, а то вы невесть куда угодите». Но – не внимают и попадают-таки как кур в ошип!

В этой пьесе, как и других работах Валерия Иванова-Таганского, читателя (не сомневаюсь, что и зрителя!) ожидает благополучный финал.

Похоже, нездоровый ажиотаж, возникший вокруг шоковых спектаклей трех минувших десятилетий, сходит на нет. Зритель, уставший от «драматургии беспощадности», демонстрирующей крайнюю степень падения нравов, миропорядок, основанный на криминале, жаждет иного. Пришло время нового героя, сохранившего в душе свойственные человеку добрые чувства, способного противостоять ужасу и неприглядности общественных болезней. («Пикник под старой крышей». Реставратор Валентин: «...научат трем вещам: не прогибаться перед властью, она – не вечная, не размениваться на деньги, они – медные, и беречь честь, она дороже жизни!»)

Вот почему новые пьесы Валерия Иванова-Таганского обречены на успех. Автор – не равнодушный созерцатель. Мастер, чутко ощущающий пульс общественной жизни, остро чувствующий личную ответственность за происходящее, полагает долгом творческого человека вмешаться, назвать вещи своими именами, указать выход из кажущегося тупика. Со всей очевидностью можно сказать: имя Заслуженного артиста России, писателя, режиссера Валерия Иванова-Таганского заняло достойное место в ряду виднейших российских драматургов.

Виктор Фролов

Барашек в бумажке *Трагифарс в двух действиях*

Действующие лица:

Константин – старший брат.

Степан – средний брат.

Виктор – младший брат.

Валентина – сестра.

Олег – двоюродный брат.

Ирина – жена Степана.

Косовец – приятельница хозяина дома.

Чхаидзе – друг хозяина дома.

Берлин – председатель коллегии адвокатов.

Врач. Медсестра – Бригада скорой помощи.

Первое действие

В квартире Никитиных – поминки. Сорок дней, как не стало Александра Константиновича – главы дома, бывшего прокурора подмосковного города. Богато обставленная гостиная, накрыт стол. Мы видим на стене картины, несколько фотографий покойного, одна – увеличенная, с орденами, украшенная цветами. Рядом на столе наполненная водкой стопка, сверху корка хлеба, сиротливый, пустой прибор. За столом все те, кто знал Никитина: родственники, друзья, сослуживцы по адвокатской практике. Все слушают выступление председателя адвокатской коллегии Берлина, где последние годы работал покойный.

Берлин. Что ж, господа! Много сегодня сказано верного. А вывод – один: есть те, кого всегда будет не хватать! Сколько лет Александр Константинович уже не прокурор города, а до сих пор помнят. Порядок был. Никто не пренебрегал законом, не было зашкаливающей коррупции. А что теперь? Вслух боюсь произнести слово, через окно вылетит и донесут. Мы на место Никитина в «Коллегию адвокатов» приняли Лаврова. Справляется, но... Вот это маленькое «но» – многое значит. Просто справляться и выигрывать одно за другим судебное дело – разница, быть добрым малым и быть гордостью адвокатской практики, быть ответственным за судьбы людей, да и вообще за все, что вокруг, – это уже призвание. Я ему говорил, Саша, тебе бы в депутаты, а он, в ответ: «Пожелай мне лучше подольше пожить и увидеть другой Россию». Вот ведь как мыслил. Не чета нынешним щелкоперам. У него было призвание. Ну и хватка, конечно. Какая усадьба! От зависти многие Гобсеком обзывали. Казалось, громадный участок, куда там пенсионеру справиться, а ведь сумел: на шашлык, бывало, приедешь – глаза разбегаются. Мы все у него учились... Так ведь, Анна Николаевна?

Косовец. Да!

Берлин. Верно сказано: «Жизнь прожить, что море переплыть». Море переплыть, наверное, трудно, но, пожалуй, не менее почетно научить других это делать. Я желаю сыновьям Александра Константиновича в этом житейском море помнить, каким успешным был их отец. Я знаю, что все вы определились в жизни, у каждого свое большое дело, но в каждом из вас – основа Никитина-старшего, его высокой пробы цельность: подчас жесткая, упрямая, и для многих недостижимая...

Константин. Из одного куска был, поэтому и охватить нелегко.

Косовец. Новое поколение руководителей другое. Синтетика в них больше, чем натуры.

Чхаидзе. Ну, не во всех, Анна Николаевна.

Косовец. Во всех! Молятся своей бандитской богоматери. Но это не относится к вам, Анатолий Иосифович. Вы человек особый...

Берлин. Память – это самая короткая дорога от боли к надежде. Боль велика, потеря огромна, но память об Александре Константиновиче неизгладима.

Все встают.

Пусть земля ему будет пухом.

Молча вытывают.

Константин. Давайте откроем в той комнате дверь. Кондиционер хоть и работает, но душно. Кстати, кто покурить, пожалуйста. Степан, пригласи на балкон.

Валентина. Я открою.

Все, кроме Константина и Степана, выходят.

Степан. Тамада, ты почему Анне Николаевне не дал слова?

Константин. Мне показалось, что она не хочет говорить.

Степан. Показалось! Она пласталась, стол накрыла с Валентиной. Тебя ждала... А ты прилетел, у чужих остановился.

Константин. У друзей.

Степан. Ну да, вспомнил суперстрасть, с которой попадаешь в масть.

Константин. Былое не забывается, а хорошее тем более. А потом, здесь дети, шумно, как на стадионе. Не злись, Степа. Я занят, но вас не забываю.

Степан. И я «не забываю»! Старший брат! На похороны отца не приехал.

Константин. Были причины.

Степан. Какие?

Константин. Серьезные. У завпоста театра черных суббот хоть отбавляй.

Степан. А зачем этого звонаря пригласил?

Константин. А что?

Степан. Отец этого Берлина терпеть не мог. На похоронах мозги пудрил. И сегодня то же самое: «Жизнь прожить, что море переплыть». У них, в адвокатской, по 150 тысяч в месяц. С такими деньгами и болото переплывешь.

Константин. Я у него по делу был, пришлось пригласить. Во всяком случае, это не пошлее присутствия Косовец.

Степан. Брось. Мать давно умерла. Деньги не у нее. Она бы сказала.

Константин. Степа, наивный простак. Она наседкой за Валькиными мальчишками ходит, а дома, уверен, под подушкой бриллианты катает.

Степан. Глупости! О том, что все продано, мы узнали в больнице. Анна Николаевна сама была удивлена не меньше нашего. А потом, я её знаю...

Константин. Обвела она вас всякими «цацками» да подарками – недаром в монастыре служит. Вот вы и успокоились. Ты хоть говорил с ней? Уверен – нет! Сорок дней прошло – ничего не известно. У отца при жизни лишней копейки было не выпросить и после смерти, вижу, ничего не обломится. Какой Гобсек, тот был добрее.

Входит Косовец.

Косовец. Зураб Вахтангович просит всех собраться. Ему сегодня в командировку.

Константин. Уважаемая Анна Николаевна, командуйте.

Косовец. Степа, позови, пожалуйста, всех.

Степан уходит.

Константин. Анна Николаевна, подойдите, пожалуйста, к окну. *(Косовец подходит.)* Вот наш город. Нравится он вам?

Косовец. К чему вы это?

Константин. А к тому, что куда ни посмотришь – не прижился у нас капитализм. Как был наш город до Гагарина и после Гагарина – «деревней», так и остался. Как я мечтал, когда занимался в драмкружке, что здесь будет театр. Не получилось!

Косовец. Зато наш город – город церковей и монастырей.

Константин. Я недавно был в Германии – словно и не воевали. А у нас и после войны – разруха. Вот ждем, когда папа на блюдечке все даст. Махровый патернализм. Снова на пятьдесят лет отстали.

Косовец. Не понимаю, к чему вы ведете?

Константин. Когда родители ссорились, отец маму звал – судейша. А она ему в ответ: «В суд ногой – в карман рукой». Вот так и жили.

Косовец. Я предпочитаю прямой разговор. Что вы хотите от меня?

Константин. А вы не догадываетесь?

Косовец. Нет!

Константин. Когда хоронили отца, меня не было. Все подробности я узнал позже. Валентина написала письмо о том, что за неделю до смерти отец тайно продал виллу с участком, снял с трех книжек деньги, и все это пропало. Поэтому возникает вопрос...

Косовец. Не ограбила ли я вас?

Константин. Ну, зачем так? Не нервничайте! Вы ещё нестарая женщина – нервы не молодят.

Косовец. «Нестарая женщина» называет вещи своими именами.

Константин. Напрасно вы ершитесь. Я, как и все мы, хочу понять, что же случилось перед смертью? Почему всё, что отец любил: дом, участок, коллекция минералов, машина, даже рыба из аквариума – были проданы? Куда исчезли деньги с трех сберкнижек и, самое главное, как говорят криминалисты, концов нет? Вы были самым близким человеком ему в последние годы, он вас, как я предполагаю, любил, и вы, хоть отчасти, должны знать, что все это значит?!

У Вали двое детей, муж, как вы знаете, в местах не столь отдаленных... Они, безусловно, нуждаются. Степан тоже не в раю живет: втроем в хрущевской конуре маются, ждут переезда из аварийного ветхого жилья. Словом, есть причины заниматься этим делом. Не скрою, я уже провел необходимые консультации.

Косовец. Судя по всему, это ультиматум и мне грозит следствие?

Константин. Помилуйте! Все к вам прекрасно относятся, и если я спрашиваю, то только из желания узнать правду.

Косовец. Какой же вы... скользкий, Константин.

Константин. Я вас не оскорблял. Не надо! Ответьте по существу. Где деньги? Он их подарил вам? Если это так, то нет закона, который сумел бы их отнять, если нет – прошу вас объяснить. *(Пауза.)* Почему вы молчите?

Косовец. Потому что я не знаю, где деньги.

Константин. Понятно, не хотите говорить. А ведь знаете!

Косовец. Он даже мне ничего не сказал. Там, в больнице, с ним что-то произошло. Чем-то он был выбит из колеи...

Константин. Ну-ну... И что же могло его выбить?

Косовец. Не знаю. Я перебрала все события за две недели до смерти, но ничего не могла понять. В больнице он вел себя очень странно. Что-то его мучило, а что – не знаю. Теперь этого никто не узнает. Видимо, такова была его воля.

Константин. Вы о нем, как о Бруте или Цезаре, говорите. Воля! Воля – это сила, направляющая поступки, а их можно навязать больному человеку.

Все возвращаются и устраиваются за столом.

Олег *(подает Берлину альбом).* Тут есть фотографии этого периода...

Берлин. Смотрите, каким красавцем был. А что усы он носил, я не знал.

Степан *(встав).* У отца несколько близких друзей было. Один из Донбасса – Иван Яковлевич, они вместе работали там в 70-ых. Не смог, к сожалению, прилететь, болеет. Но телеграмму на сороковины прислал. *(Зачитывает.)* «Скорблю, что не стало Саши. Не могу смириться. Друзья Донбасса помнят его. Он здесь многим помог. Пусть земля будет пухом. Иван Терентьев». *(Берет другую телеграмму.)* И другая: «Примите соболезнования кончиной Алек-

сандра Константиновича. В этот сороковой день вспоминаю, скорблю вместе с вами. Разживин». (*Берет ещё одну.*) «Сухогруз “Михаил Ломоносов” сообщает старпом Никитин отпущен берег Находка. Выехал вам. Стармех Крюков».

Валентина. Где братишка застрял, непонятно.

Ирина. От Владивостока доберись, попробуй.

Степан. Но самый близкий друг отца здесь. Пожалуйста, Зураб Вахтангович.

Чхаидзе. Я рассчитывал, что сегодня будут все.

Но поскольку из телеграммы ясно, что Виктор в дороге, значит все нормально. Скажу, что должен: люди привыкли жить по закону. Смерть – незаконна. Как бы мы ни привыкли, особенно после лихих 90-х к неслыханным потерям, но для близких каждая смерть сваливается, как стихийное бедствие. А когда теряешь друзей, вообще исчезает вкус к жизни. У нас говорят: друзья – это продолжение тебя, а если их нет, ты одинок, как сухое дерево на дороге. Перед смертью, в больнице, он горячо вспоминал свою жизнь: оценивал, мучился... Никогда он не был так требователен к себе, как перед кончиной. Его мучил итог! Поэтому он попросил меня: ровно через сорок дней, когда вы все соберетесь, прочитайте это письмо, адресованное вам. (*Достает из внутреннего кармана конверт, вскрывает его и отдает Валентине листки исписанной бумаги.*) Читай ты, Валя, я не могу.

Валентина. Где очки? Не вижу.

Олег. В другой комнате. (*Быстро уходит за очками.*)

Константин. Так неси же скорей!

Ирина. Да, дед оригинал. И после смерти... учительствует.

Степан. Прекрати!

Константин. Давай я прочту.

Степан зло обернулся на Константина.

Ну, хорошо! Пускай она, по старшинству.

Олег передает очки Валентине.

Валентина (*читает вслух*). «Дорогие Анна Николаевна, Валентина, Константин, Степан, Виктор и Олег! Мне осталось немного. Сегодня на утреннем обходе на меня смотрели как на обреченного.

Жаль, что вместе нам теперь не собраться. Ну, да ладно, не в этом дело.

Главное, вы соберетесь. Я сам об этом позабочусь. Теперь по существу: мой проект провалился. Думаю, всего богатства мира не хватит, чтобы сделать НАС другими. Вполне возможно, что я ошибаюсь – и вы докажете обратное. Время перед вами, и оно покажет, на что вы способны. Но пока нового захода для нас и нашего будущего я не вижу. Никто из вас моим большим хозяйством заниматься не будет, к тому же оно неделимо! А знать, что дело, которое любишь, окажется в неумелых руках, согласитесь, – горько. Свой последний долг я выполнил: я дал деньги на монастырь и храм, но вас ведь и туда не затянешь. Простите за прямоту. Наше поколение подрубало корни, уповая на ветви, ваше поколение – не получило «витаминов» и практически не зацвело. Впрочем, это не ваша вина, это общее помрачение. Это беда моего времени, державы, беда всех, продававших душу за «чечевичную похлебку». Вот почему я отказываюсь от своего проекта и оставляю вам деньги. Один из вас укажет, где они.

Эти деньги – результат моей бурлацкой жизни, и хотелось бы, чтобы они пошли не во зло. Поделите их, когда соберетесь. Но запомните, это фальшивый «витамин». Он создает всего лишь иллюзию счастья.

Я отдаю это письмо Зурабу Вахтанговичу, зная его безупречную душу. Спасибо, дорогой друг, за эту последнюю услугу.

Р.С. Денег ровно миллион долларов. Когда договоритесь о разделе, один из вас укажет, где они. Оставлять на книжках я не хотел, а завещание писать не могу. Горько сознавать, что меня нет с вами. «Если глубоко всмотреться в жизнь, то самое высшее благо есть само существование», – это очень справедливо. Впрочем, я уйду вовремя. Именно сейчас я перестаю быть полезным. А старую рухлядь самое правильное отправлять к праотцам. Сил нет писать. Все... 24 июня. Отец».

Пауза.

Ирина (*тихо*). Ну и деньжищи! С ума сойти! Я такие деньги только в кино видела.

Чхаидзе. Сорок дней письмо в сейфе держал. Теперь все ясно. Что ж, дорогие друзья, такова последняя воля Александра Константиновича. Решайте, ну, а мы, наверное, не будем мешать. (Смотрит на часы.) Да мне просто и пора – командировка. Ещё раз всего вам доброго... Жаль, что Виктор ещё не подъехал. Передавайте ему привет. Будет время, заеду.

Берлин. Я с вами, Зураб Вахтангович. (*Надевает пиджак.*)

Константин. Спасибо, что пришли.

Берлин. Таким мы его всегда знали. Не правда ли, Анна Николаевна?

Косовец. Все это странно. Понять не могу.

Берлин. Не знаю, мне понятно! Дал время отлежаться всему, и вот... пожалуйста, предложено решение! (*Как бы себе.*) Один миллион, неплохо. Впрочем, на его посту можно было... (*Всем.*) Ладно, всего вам хорошего. Да, чуть не забыл. (*Достает из пиджака сверток.*) Лавров в столе Александра Константиновича обнаружил вот это. (*Разворачивает бумагу и передает Константину монтировку.*) Очень удобно: топор, молоток и гвоздодер одновременно! Ему для хозяйства, видно, надо было, ну а вам – память!

Оба уходят. Пауза.

Ирина (*тихо*). Ну, дает свекор, к деньгам – топорик Раскольников оставил.

Степан (*тихо*). Помолчи, двоечница.

Ирина. А ты мне рот не затыкай. В письме мой любимый свекор и ко мне обращается. Значит, имею право голоса.

Константин (*тихо*). Ну вот, началось!

Ирина. Мать рассказывала: в советское время, когда делянки в колхозе распределяли, старуха Степанида ночью куст орешника на свой участок перенесла – по нему замер был. Осенью орешник не родил. Догадались. Так на собрании Степанида заявила, что она – лунатик, что ночью нередко работает, для перевыполнения плана. Вот, мол, по ошибке и перенесла. Председатель спросил: «Что ж свой участок не урезала?» «Свой не получается, – говорит, – сон у меня особый: идейный – на чужой территории заканчивается!» Сто лет прошло, а все до сих пор смеются, когда вспоминают.

Степан. Ты к чему это?

Ирина. К тому, что клоунада получается. Как вы это делить будете? Миллион на шестерых, так, что ли? И что за «председатель» между вами? Кто же этот генеральный прокурор? Ты, что ли, Константин? Монтировку-то отпусти, а то ты на Ивана Грозного стал похож.

*Константин кладет на стол монтировку. Перечитывает письмо.
Звонок телефона.*

Степан. Слушаю? Виктор, ты? Да-да, я! В Новосибирске? На сколько отложили? Час-полтора? Да, все здесь. Что делаем? Тебя ждем! Да, Константин здесь. Когда объявят посадку, ты перезвони. Я на машине встречу.

Трубку берет Константин.

Константин. Виктор, привет! Константин! Как моя просьба? Забыл? Ладно, ничего... *(Отходит с телефоном в сторону.)* Ну, что, Ротшильд ты наш, делиться будем? Как нечем? Шутишь? Нет, ты это серьезно? А мы думали, у тебя... У нас? Не понял! Алло?! *(Всем.)* Гудки... Ирина хоть и изгаляется, но деньги большие и придется делить. Что будем делать?

Валентина. Прежде всего, надо всем собраться. И быть на высоте.

Константин. Правильно, хватит раньше времени хлопотать. Приедет Виктор – решим.

Ирина. Решим? *(Смеется.)* Посмотрите на него, депутат из «Справедливой России».

Степан. Остановись, Жириновский!

Ирина. Вы, Никитины, оригинальный народ. Вы уверены, что это не шутка? И потом, откуда у него такие деньги? Меня, между прочим, могут спросить, и что я отвечу? Поди докажи, что свекор не был коррупционером, не брал взятки, работая прокурором города. И ещё один вопрос: сумеем ли мы договориться, что сохраним все в тайне? В письме пишет, что дал деньги на храм и церковь. Анна Николаевна, вы там поближе к отцу небесному, сколько денег пошло на монастырь и храм?

Косовец. Не знаю. Матушка мне не говорила.

Ирина. Ну, вот ещё одна шутка. «Один из вас укажет?» – кто он, один? Бог, что ли? Нет бы нормально все расписать, сделать все по-людски, оставить завещание. А то, поди ж ты, ребус предложил. Хочет с небес посмотреть, как тут детки перессорятся. Напоследок посмеяться.

Олег. А может, обрадоваться, что людьми остались, не бросились сводить счета после смерти.

Ирина. Может, и так, но выглядит иначе. Сороковины!! В этот день душа этот мир на небеса покидает, а он загадками завораживает.

Косовец *(тихо, но внятно).* Сороковины это упокойная память, когда покойник обедает в последний раз за хозяйским столом, для чего и ставят ему прибор и кладут ложку. *(Показывает место рядом с собой.)* Вот этот прибор и вот эта ложка.

Ирина незаметно отодвигается в сторону.

Валентина *(резко).* Ирина, почему отодвигаешься?

Ирина. А вдруг отколотит? Он ведь ни с кем не считался.

Валентина. Слушай, Ирина, нет мочи тебя слушать! Как тебе не стыдно! Когда вам со Степаном на машину деньги нужны были, кто вам добавил? Отец! Когда в логопедический садик Алешку надо было пристроить, кто весь город поднял? Отец! А тебя кто в мэрию пристроил? Опять же, отец! А ты в больницу сходила?

Ирина. Была. Один раз, когда карантин был.

Валентина. На одно место тебе карантин надо, чтобы не врал. А если помочь в чем-то, нет тебя. Так-то вот. Он-то по-людски поступил. Где же вы видели такое, чтобы на похороны отца не приехать?! Витя не в счет – он в море был, я о тебе, Константин!

Константин. Я же объяснял.

Валентина. Объяснял, да только путано так, что непонятно.

Константин. Во-первых, не кричи! Ты хоть и старшая сестра, но и тебе не к лицу. Во-вторых, ты секретарь директора техникума, моего однокашника. Могу пожаловаться.

Валентина. Костя, не может быть причин, кроме смерти, чтобы отца в последний путь не проводить. Не понимаю я этого. Молодец батя, всех собратиться заставил. Он оттуда нас рукой держит. Правильно делает. Один миллион долларов оставил! Где вы такие деньги найдете?

Константин. Ты что ж, у себя их держишь?

Валентина. Не бойся, у меня их нет.

Ирина. Неизвестно! Ты же к нему в больницу бегала. А в письме ясно сказано: «один из вас»!

Валентина. Ты на что намекаешь?

Ирина. Всякое дерево своему бору шумит, – вот на что я намекаю. Один-то из вас знает, где деньги, сорок дней знает, а станет ли он делиться, ещё неизвестно.

Долгая пауза.

Константин. Так! Надо сказать, мысль прозвучала отрезвляющая. «Станет ли он делиться?» – это главный вопрос. Спасибо тебе, Ирина. Первое: прекращаем цапаться! Второе, давайте разберемся: тот, кто знает, где деньги, среди нас. Поэтому у меня предложение: во-первых, подтвердить, что вышеуказанная сумма в один миллион долларов в наличии и что мы вправе ею распоряжаться. Во-вторых... Впрочем, второе вытекает из первого!

Степан. Говори сразу все, что вихлять!

Константин. А тут говорить нечего! Тут второе вытекает из первого! Поэтому я задаю вопрос: тот, у кого деньги... Вернее, тот, кто... Черт, не могу сформулировать! Тот, кто знает, где деньги, прошу подтвердить, что он их предъявит для раздела их между...

Косовец (*твердо*). Между теми, кто указан в письме.

Пауза.

Ирина. Подождите, ведь дед адресует письмо к Анне Николаевне и Олегу, так ведь?

Константин. В том-то и дело, Ириша! Итак, я задал вопрос: у кого деньги?

Олег. У тебя.

Константин. У меня? С чего ты это взял? Ты же знаешь, меня не было на похоронах.

Олег. Он мог написать тебе. Мог – Виктору. Мог рассказать тем, кто бывал в больнице: Вале, Степану, Анне Николаевне, мне... А возможно, это Зураб Вахтангович, ведь письмо-то принес он. Мы все ломали голову, где деньги? Теперь, наконец, ясно, что они не исчезли. Логичнее сейчас дожидаться Виктора и выполнить то, что завещал отец.

Ирина (*хохочет*). ещё один сын появился. Что ты на меня так уставился, Олег?

Олег. Просто ты мне напоминаешь крупное доверчивое млекопитающее.

Ирина. Я молоко не даю, Олег, так что не по адресу.

Константин. Стоп! Я не хотел эту тему раньше времени поднимать, но ты, Олег, вышел на нее сам. Поэтому давай начистоту: мы всегда хорошо к тебе относились. Отец любил тетю Риту, единственная сестра, все ясно. Но... Прости... Это не значит, что в такой ситуации ты имеешь право претендовать на равную долю с Валей, у которой двое детей. Со Степаном и Ирой, у которых Алешка болен и требует внимания и лечения...

Косовец (*тихо*). Поэтому он на пятидневке в детсаде.

Ирина. Неправда! Вы же знаете, что сидеть у нас с ребенком некому. У Степана ночные рейсы. Я, если не буду задерживаться и брать дополнительную работу, на 15 тысячах останусь. Да, Костя верно говорит: мальчишка больной, его надо отправить на лечение. В заведение санаторного типа, где будет уход, внимание, хорошее питание, друзья... Он очень робким растет. И лучше – к морю! Нужно и Степана туда отправить, он кашляет ночами. Александр Константинович это понимал, поэтому и помогал внуку.

Валентина. Потому что беспризорным по двору бегал его внук, вот поэтому и помогал. Соседи с рук подкармливали.

Ирина. Ты за своими лучше смотри! Когда по дому крыс травили, кто как не твой Колька двух дохлых крыс в окно первого этажа забросил. Да ещё с посланием: «Пузатому миллионеру – “от красных дьяволят”».

Валентина. Он взяточник, об этом весь дом знает. Недаром его вскоре после крыс посадили. Мальчик смотрит телевизор, видит, как борются с коррупцией, и выступил с почином.

Ирина. Ты все-таки, Валька, подпалина неугомонная. Если бы не Александр Константинович, тебя привлекли бы к суду. Я ведь знаю: специальный диктант в классе был, по почерку твоего дьяволенка выудили. Поэтому нечего кивать на меня – моим полиция пока не занималась.

Степан. Может быть, хватит! От вашей любви в ушах канонада!

Олег (*обращаясь ко всем*). Костя запальчиво сказал, что я не имею права претендовать на равную долю? Во-первых, я ни на что не претендую... Во-вторых, разве я спрашивал о своей доле? Я весь вечер сижу и удивляюсь, как «фантом» превращает людей в скорпионов в банке. Как же отец хорошо знал всех. Оставь он завещание, каждый за недооценку возненавидел бы его, а так все на пути возненавидеть друг друга.

Константин. Олег, ты не должен обижаться. К тебе наш отец относился как к близкому, но он многих людей ценил и со многими был дружен. И потом, есть закон кровного родства, узы первородства. Правильно? Недаром говорят: законный наследник или, как у Тургенева, – наследники. По всей видимости, у нас есть наследство, или, как ты назвал – «фантом», но наследниками этого «фантома» все-таки могут быть те...

Олег. Кого ты укажешь.

Константин. Кого укажет семья. А если говорить о твоей доле, Олег... Я думаю: она минимальна. Причем определить эту сумму можно в конце, когда полностью будет ясна картина распределения.

Пауза.

Олег. Хорошо.

Константин. Ты согласен?

Олег. Согласен. Но все-таки я хотел бы выслушать и других.

Константин. Значит, ты не согласен.

Олег. ещё раз объясняю: я согласен с твоим мнением, но ты же не один. Понимаешь: не один. Есть Степан, Валентина, Анна Николаевна, скоро будет Виктор. Если ваши мнения совпадут, пусть будет по-твоему.

Константин. Я полагаю, есть ещё и другие ценности, кроме совпадений мнений.

Олег. Неужели ты про совесть подумал?

Валентина. Давайте подождем Виктора. Зачем раньше времени разговор начинать. И ты, Олег, угомонись, никто тебя не собирается обижать.

Ирина. Олег, Костя прав. Мы с тобой здесь ни при чём. Я ставлю себя на ваше место... Да почему я должна делиться? Мой отец оставил миллион. Вдумайся: двадцать «мерседесов» на эти деньги купить можно. А я, значит, вместо того, чтобы распределить между своими, кровными, щедро раскидываю всем близким и дальним. Ясно, как божий день, что ни я, ни ты, Олег, ни... Анна Николаевна здесь ни при чём.

Олег. А я считаю, что Анна Николаевна – при чём!

Ирина. Не знаю. Нам следует встать и уйти, как ушли Зураб Вахтангович и Берлин. Захотят они, не мне, вам что-то выделить – их воля, нет – тоже их законное право. Но дело-то в том, что вы, выпроводив их, можете всей суммы лишиться.

Пауза.

Степан. Это почему?

Валентина. Потому что письмо обращено ко всем, и никто не знает, у кого эти деньги. Так-то вот.

Ирина. Я вот, к примеру, уверена, что они у Анны Николаевны, а захочет ли она поделиться, не знаю.

Косовец. Откуда же у тебя, Ирочка, такая уверенность?

Степан (*Ирине*). Брось молоть языком. Я вот вас всех послушал, теперь вы меня послушайте: большую часть денег надо дать Валентине. У нее двое детей. Иван только через шесть лет вернется... Ей труднее всех нас, поэтому её доля – 500 тысяч! Нас пятеро остается, значит: по 100 тысяч каждому. Вот моя простая арифметика. И что бы вы мне тут ни говорили, мое слово будет таким. (Закурил и вышел из-за стола в другую комнату.)

Звонок телефона. Трубку берет Олег.

Олег. Слушаю. Да, дома. Валя, тебя. (*Передает трубку Валентине.*) **Валентина.** Слушаю. А, Марина! Как они? Поели? А Сашка? Ага! Хорошо. Трахеит это, а не коклюш. Миленький, Мариночка, ты знаешь здесь... Побудь с ними еще, а? Тут такая неожиданность... Потом расскажу...

Константин предупреждающе машет руками.

Виктор прилетает! Мой младший брат. Я за ребятами приду чуть позже, ага? Договорились? Что? (*Пауза. Обращается к Косовцу.*) Андрейка бабулю Нюру спрашивает. (*Передает трубку Косовцу.*)

Косовец. Да, Андрюша? Что ты делаешь? Так. Молодец! Купила, конечно, купила. Когда ты придешь, все будет лежать у тебя на кровати. Нет, я никому не разрешу разворачивать. Спасибо, мой родной. Беги, беги... (*Кладет трубку.*)

В конце телефонного разговора мы видим балкон, где курит Степан. Жарко. На балконе бутылки «Ессентуки». Степан большими глотками пьет из бутылки. В дверях появляется Ирина. Оба долго молчат. Потом Ирина тоже делает глоток «Ессентуки», но сильно поперхнулась.

Ирина. Фу, гадость! Фу!.. Сплошная соль. Подделка, а не «Ессентуки».

Степан. Не я солил. Я эту дрянь вожу.

Ирина. Возишь, и слава богу! Там думать не надо!

Степан (*через паузу*). Я не думаю. Я поступаю. Противно! Откуда в людях такое? И ты тоже хороша! Олега и Нюру – за борт, у вас, мол, кровь не того разлива!

Ирина. А ты? Расщедрился! Купец-лабазник!

Степан. Ты, по-моему, сама сказала: наше личное дело, как мы поступим...

Ирина. Личное? А с кем ты живешь? С кем, я повторяю? С ней или со мной? Она меня поливает, а ты молчишь. С кем, я повторяю? У нее теперь эта квартира, а у тебя что? Ветхая, аварийная хрущевка, за которую ещё неизвестно, что дадут. Шеф старается, но...

Степан. Знаю, что шеф старается...

Ирина (*бьет Степана наотмашь*). Прекрати намеки. Со свечей, что ли, стоял? Или завидуешь, что он на коня похож, а ты жердь на заборе?

Степан (*замахивается*). Убью.

Ирина (*спокойно*). Убей! Но не оскорбляй. Когда надо, сама скажу тебе, что дала. Тогда разводишь или к Ивану – в места не столь отдаленные. А сейчас напраслину не неси. Я блюду себя. Пушай и ради идиота.

Степан. Лучше всех тебя отец знал. Недаром омутиной прозвал.

Ирина. А почему? Сынок не по его указаниям женился. Невестка-торгашка ему не по рангу пришлось. Как же, официантка, продавщица... А сам глазки на меня косил. Небось, сам в этот омут попасть по знакомству хотел.

Степан. Опомнись! Что ты несешь?

Ирина. А когда техником – смотрителем пристроилась и хрущевку получили, что он заявил нам, забыл? «Бери свою “дрянцу с пыльцой” и выматывайся!» И все почему – потому что в омут не плюнул.

Степан. Не поэтому. Не строй из себя «карнавальную ночь». Не привык он, когда перечат, когда все назло делается. Вспомни, когда ты из ресторана сумки с черной икрой таскала и на ночь, назло отцу, на лицо мазала вместо крема.

Ирина. А почему я это делала? Разве была я у вас в доме человеком? Только и слышала: рыжая дура, где твоя «буфетка», простака облапошила. А он-то чем помог простаку? Алешку устроил? Да я сама могла через своих всё сделать. Валька теперь защитницей стала – как же, прописал, квартира сто двадцать метров ей досталась... А забыл, как тиранил её? Ивана боялся, потому что тот ничего не спускал ему, а Вальку за все цеплял, чего и не делала. Верно про него мать моя сказала – по бороде Авраам, а по делам – хам.

Степан. С твоих слов всего нагребешь. Вальку он как раз жалел...

Ирина. Конечно, когда Ивана посадили, жалеть начал. А почему?

Пауза.

Степан. Договаривай.

Ирина. Степа, совсем немножко осталось. Расселят нас из хрущевки, переедем в хороший район, шеф точно обещал. Обстановку купим, машину поменяем, этой уже четыре года, заживем, наконец, по-человечески.

Ведь как кстати эти деньги – людей благодарить придется. Нам много потребуется. Сейчас как: за район – дай, за этаж – добавь, а внутри все переделать – тоже «мазать» надо. Вон шеф въезжал: пока ему все не переделали, дом у строителей не принимали. Так он на горе, а мы с тобой при горке, понял? Это раньше были: и кнуты и пряники, а сейчас одни кнуты, за все платить надо. Ты только подумай – «лимон» на кону! А ты размахался.

Степан. Ты уже подсчитала?

Ирина. Сразу.

Степан. Смотри, как бы потом не стало кисло от лимона.

Ирина. Не бойся, я лимон с сахаром буду есть.

Степан. Что у тебя за глотка такая, три кулака войдет. Валька с двумя детьми на 10 тысяч перебивается... С Иваном на все хватало, а сейчас каждая копейка на счету.

Ирина. Поделите поровну на самых близких – и ей хватит.

Степан. Значит, Олега и Нюру в сторону, потому что нам в квартиру барахло понадобится? Да ещё по карманам раскидать положено... Вот что ты мне предлагаешь? Саранча ты зеленая! Мы вернули отцу деньги за машину? Нет! Отец ведь не давал, это Валентина заставила...

Ирина. Да не поэтому ты так о Валентине хлопочешь! Совесть у тебя нечиста. Всё знаю. Иван по твоей милости сел, вот ты и хочешь грехи деньгами откупить.

Пауза.

Степан. Что ты несешь? С чего ты это взяла?

Ирина. Не тяни мой язык без надобности, пожалеешь. Не бросайся деньгами, добром тебе говорю.

Степан. Нет, уж раз начала, выкладывай.

Ирина. Когда Ивана арестовали, дед всю ночь маялся. Я ему горчичники поставила – думала, заснет: нет, встал – и к телефону. Слышу, говорит с каким-то приятелем-юристом. Путано, ничего не поймешь... Хотя вроде по-русски... Все о встрече просил, да тебя с Иваном поминал. Рассказывал, как Иван к тебе из дома выскочил, когда ты о помощи кричал... Вот и получилось, что он в человека кирпичом бросил. А он-то тебя спасти спешил. Бросил в темноту кирпич, чтобы попугать нападавших... Ведь так? Молчишь? Если бы ты на суде про это сказал – никогда бы ему такой срок не дали. А ты крикнуть крикнул, а сам с ними же и убежал. Милиция приехала: есть труп, есть кирпич и отпечатки пальцев Ивана на нем. Вот и дело готово! Убийство! А Иван спьяну поверил, что тебя среди них не было. Так вы с отцом Ивана в дураках и оставили.

Степан. Врешь! Неправда!

Ирина. Правда-правда! Ты-то убежал, а его все видели. Вот вы и рассчитали, что легче зятем за сына заплатить. Никто теперь об этом не знает. Дед все маялся-маялся, да не покаялся.

Степан. Сатана ты, Ирка! Опять все разворошила.

Ирина. Я видела, как ты в суде мучился. А дед коршуном поглядит на тебя, глаза опустит, и ты, как ягненок, хвост тут же прижмешь. Очень уж хотелось на свободе остаться. Так что сатана не я, а кое-кто другой...

Степан. Да, отец остановил: хотел ведь все рассказать. Пусть бы срок дали. Сам полез в драку с Петриком. Он ещё ко мне на Арсенале приставал, когда на танцы ходили, а тут подай ему денег на похмелье.

Вот и врезал за все. Откуда они набежали, не знаю. Тогда испугался, отца послушал, а сейчас – жизни нет. Ты же не знаешь, Петрик с приятелями меня до сих пор за горло держат, качают: на водку, на пиво, в долг без отдачи, а то и просто так – покуражиться. «Родного брата посадил, а сам на «хонде» хлюстаешь! Вези-город показывай!» Машину я тогда разбил из-за них. Пришлось за компанию приложиться. Прохода нет, хуже тюрьмы получается. И пожаловаться некому. Разве ж убить всех по очереди. Пистолет достал, хотел убрать по одному – испугался. А тут ещё Валя перед глазами бьется, лишнее – на посылку Ивану. А откуда лишнее? По улице с ней идешь, люди тычат: вон – «ейный», кирпичом-то. Город ведь маленький – все обо всех знают. Каково мне рядом? Слушай, Ирка, (*обнимает жену*) давай уедем? Не будет здесь житухи. Сибирь велика! Работу найдем, жилье купим. Я и на дальние рейсы пошел, чтобы в городе лишний раз не болтаться. Не могу я здесь больше. Квартира меня твоя опутала, а теперь, коли все рассказала, и её не нужно. В ней от себя не запрешься. И сегодня они меня ждут. Обещал их после ресторана за город подбросить к каким-то бабам.

Ирина. Почему ты столько молчал?

Степан. А что я мог сделать?

Пауза.

Ирина (*высвобождаясь*). Никуда я с тобой не поеду. Не для того я здесь ходовую тропу искала, чтобы в последний момент отказываться. Конечно, тебе нелегко, но надо терпеть. Не ты первый такой ценой свободу покупают. И ничего – живут, ещё и благотворительностью занимаются. А эти – может, надоест, отстанут... Ты о сыне должен думать, о том, как ему жизнь устроить. Вот почему эти деньги нужны. Свою жизнь проморгал, так хоть нам помоги. Ивана

не спасешь, а Валька без твоих щедрот не обеднеет. Поделите на четверых – сумма! 250 тысяч долларов! Пять «мерседесов» и один «ауди» – бизнес можно сделать! А тех двоих отметить надо. Мало ли что дед написал. Он столько наследил, что с ним и не посчитаться можно. Беда только, что деньги, наверное, у нее. Сумела она, богомольная, в штаны залезть. Если так – дело хуже. Но если у Виктора – то не будь тряпкой. Не упуская своего, понял? Иди, а то и так задержались. И последнее, про шефа моего забудь, он не мужчина, а путеводитель на базаре. Понял?! Деньги получим, я его в кабинете голым кадрили заставлю плясать.

Степан медленно уходит, пропуская на балкон Константина.

Константин. Вот, не курил, а тянет. (Мнет в руках сигарету.) Нервы ни к черту. Ты можешь объяснить, что здесь происходит? С ума посходили! Валентина как с цепи сорвалась. Только и цепляется! Сейчас опять истерику устроила. С нервами у нее не в порядке. Её послушать, так она единственная отца любила, и все права только у нее. Двое детей – все ясно, тяжело – могу понять, но почему такая озлобленность, резкость... На тебя налетела... За что? А Степан все прощает... Не понимаю. Сейчас нашла на магнитофоне старую запись голоса отца и крутит, и крутит... С ума сошла. Что ты молчишь?

Ирина. Костя, какой ты красивый! Просто загляденье! Мог бы таким артистом быть. Куда бабы смотрят? Нашел кого-нибудь в Москве?

Константин (*смуценно*). Нашел.

Ирина. Доволен. (*Константин неохотно машет головой.*) Значит, выпендривается, раз по старой памяти сбежал.

Константин. Ну вы даете здесь. Гестапо у вас свое, что ли, в городе? Откуда узнала?

Ирина. Баба долго молчать не может: гормоны подводят. Похвастала своей подруге, а та у нас в системе работает, поэтому мне доложила. Вот и весь телеграф. Деньги получишь, в Москве цены тебе не будет.

Константин. До Москвы дожить надо.

Ирина. Ладно, ладно – молчу!

Константин. Ты чего в сторону уходишь? Здесь-то что делать? Вот-вот, все перессорятся. Как Валентину остановить? Не дай Бог, у нее деньги. (*Пауза.*) Что ты молчишь?

Ирина. Разные вы все. Для нее отец богом был: квартиру оставил, внукам помогал, а для тебя – только числился. Ты уехал рано – сам себе голова, вот и хватка у тебя крепкая.

Константин. Ну уж, прямо крепкая.

Ирина. Крепкая, крепкая... Вон ты как Олега в сторону отодвинул, не постеснялся.

Константин. Не отодвинул. У Валентины – дети... У вас Алешка нездоров, жилья нормального нет... Правильно?

Ирина. Правильно.

Константин. А твой Степан? Поразил он меня. С таким альтруизмом вы в новой квартире только тараканов разведете.

Ирина. Костя, вы все, москвичи, провинциалов в грош не ставите. Если они у Вальки или у Виктора, это ещё полбеды. А если у Нюры?

Константин. Меня ты в счет не берешь?

Ирина. Если бы они были у тебя, ты бы с нами не советовался.

Константин. Хм! С чего ты решила?

Ирина. С того и решила. Плюнул бы на всех и растер.

Константин. Хорошо. У кого деньги, по-твоему?

Ирина. Мужики с возрастом с бабой как с иконой спят. В старости хорошая жена рядом – половина здоровья. Поэтому Степан правильно сделал, что не оттолкнул Нюру. Выложит она

деньги, потом судите и шумите, а сейчас... Виктора надо ждать. Если у него деньги, ваше счастье, нет – тогда плакали ваши надежды.

Константин. А может, у Олега?

Ирина. Он бы так себя не вел. Помнишь, как надулся, когда ты его отодвинул? Хоть и горбун, но душой непохож на горбатого. Нет-нет, деньги не у него. Такие дела оставляют самым близким. Как раскрутить её только, не знаю. Подход здесь нужен особый. Такие упрутся, так никакой хваткой не возьмешь.

Константин. Неужели у нее? Не может быть...

Ирина. Красавчик, все может быть. *(Неожиданно целует Константина.)* Костя, наведи здесь порядок. Прошу тебя. Я только тебе доверяю. Лишних ртов нам не надо. Согласен?

Константин. Я все сделаю, но только пусть Степан прекратит юродствовать. Он не Фома Опискин.

Ирина *(смеется)*. Не смейся, какой он «писькин». Нюру не зли, она, хоть и сухарь, но, как любая баба, к теплу тянется. Понял? Пойдем, помянем твоего батюшку.

Константин. Не любила ты отца.

Ирина. Сноха терпит, свекор – сверлит, так в деревне говорят.

Константин. И кто тебе так мозги наладил? Тебя на ракете не объедешь с твоей деревней.

Уходят с балкона. Вновь комната. Здесь все по-прежнему, кроме появившегося магнитофона. Валентина перематывает пленку.

Валентина. У Виктора гостить отцу нравилось – другим приезжал. Рассказов было уйма. В Тихом океане купался, на батискафе на дно Японского моря спускался. Ребятам морских ежей привозил, разных ракушек. Вон они на полке. У всякого человека – судьба! Кто знал, что мама так рано умрет? Ведь не женился, а мог! Ты прости, Нюра, что я об этом, но другой бы на детей не посмотрел, привел бы себе какую-нибудь... А сколько тете Рите помогал, когда она с Олегом больным приехала из Иркутска. Помнишь, Олег? Теперь вон ты у нас какой молодец: заповедник охраняешь! Ребятам голубятню построил. А вообще отца я узнала, когда стало плохо. После Ивана он в больницу попал, а как вышел, все не знал, что нам хорошего сделать. Как лето – так меня с детьми в Египет, денег на них совсем не жалел. Теперь-то уж когда туда съездим. Надо поэкономнее быть...

Ирина. 250 тысяч долларов получишь, а жить все экономнее собираешься.

Валентина. До них ещё дожить надо. А потом, что это за манера – чужие деньги считать?

Ирина. А то, что верно сказано: «Человек не Бог, угодить ему трудно».

Валентина. На все у тебя шутки, да прибаутки, а на собственную жизнь – рассудка не хватило. Так-то вот!

Ирина. А на тебя посмотреть – сплошное везенье.

Валентина. Я живу, людей не цепляю, а ты за каждым следы считаешь.

Степан за тебя давно орден «Мужества» должен получить и паек, как за вредное производство.

Ирина. За такое производство *(показывает свою фигуру)* дополнительный налог платят.

Константин хлопает.

Олег. Хватит! Что за охота вам каждый раз цеплять друг друга. Вы что, забыли, какой день?

Косовец. Валюша, включи ещё раз магнитофон, пусть все послушают.

Валентина делает перемотку и включает магнитофон. Вначале слышен общий разговор, а затем властный голос: «Сидите вы, не дергайтесь! Положи руки на колени, Андрейка! Кому сказано! А ты не крутись – вазу разобьешь. Слушайте дальше, чего не поймете – объясню».

Валентина. Это он ребятам что-то зачитывал, а я незаметно на запись нажала. Микрофона ведь не надо, как в старом. Сейчас будет.

Резкий голос стал звучать монотонно и торжественно.

Голос в записи. Но Мысль горда, и Человек ей дорог, – она вступает в злую битву с Ложью, и поле битвы – сердце человека. Но если Человек отравлен ядом Лжи, неизлечимо и грустно верит, что на земле нет счастья выше полноты желудка, нет наслаждений выше сытости, покоя и мелких жизненных удобств, тогда в плену ликующих чувств печально опускает крылья Мысль и дремлет, оставляя Человека во власти его сердца.

И вдруг на эту запись, с заездом, накладывается другая: отчаянная, ритмизованная современная мелодия. Валентина выключает магнитофон.

Косовец. Спасибо, Валя. Как живой! Он часто говорил, что без Алевтины Семеновны не смог сдружить детей. На самом деле он любил вас, но только не показывал, не умел.

Степан. Не умел? Сначала наткал, а потом по стране гонял, вот мать и надорвалась: с четырьмя детьми оставил. Если любил, то на особый манер: как будто не сам он, и гнездо не его, а отстрельщика. Вон, Костя, первый от этой любви сбежал.

Константин. Подожди, ты за меня не выступай.

Валентина. «Наткал» – так его с одного места на другое бросали... Такие юристы всюду нужны были... Время-то какое было. Строили, строили, как бурлаки, а затем все перестроили... Горбачев, Ельцин... Всё разлетелось... Какие люди с горы покатались. А он удержался – десять лет прокурором был. Степан, ну уж от тебя я этого не ожидала.

Степан. Потому что привыкли, что я у вас вроде юродивого: либо молчу, либо как пузырь лопаюсь.

Ирина. Это она сейчас запела на новый мотив, а когда дед вас с Иваном по чердакам гонял, зад-то у нас грела. Тогда всего ожидала!

Валентина. И правильно гонял! Не положено. Не женаты были.

Ирина. Вашему Кольке уже полтора года было, а тебе – «не положено». Как же вы сделали его с Иваном – через не положено? Радуйся, что Иван с совестью оказался – женился на тебе.

Степан. Молчи! Не в бумажке дело! У них настоящее...

Ирина. Ну конечно, настоящее. А тебя что, в наморднике в загс привели?

Константин (*резко встает*). Как не стыдно! Простите, Анна Николаевна! Я хочу сказать вот о чем...

Звонок телефона.

Все. Виктор... Наверное, Виктор... Трубку берите...

Валентина. Слушаю! Ага, добрый вечер, Сергей Иванович. Спасибо. Передам всем. Ничего-ничего! Я понимаю, у вас такая работа... Сейчас позову. (*Ирине.*) Твой... шеф! (*Передаст трубку.*)

Ирина (*официально, но с подтекстом*). Добрый вечер, Сергей Иванович. Вы у нас такой, кого хотите из-под земли достанете. Что такое? Как заболела? Нет-нет, конечно... Но все-таки, может быть, завтра, Сергей Иванович? Я могла бы пораньше! Ох, Сергей Иванович... ну, какой же вы настойчивый... Да у нас тут... сороковины... Да что вы все про деньги, это же работа у нас такая. Нет, «мерседес» сюда. Я дежурному сама позвоню, но попозже. (*Кладет трубку.*)

Передает соболезнования. Доклад надо срочно сделать. Морозова... (*Степану.*) Ты знаешь... Заболела. (*С достоинством.*) Переедем в новую квартиру, я им всем покажу. Уйду из мэрии, сама фирму открою. (*Проходит на свое место.*)

Олег. Мы отловили для цирка медведицу, так она у них теперь на компьютере печатает.

Ирина. Это ты о чем?

Олег. Может быть, её вместо тебя отправим?

Ирина (*быстро и бесцеремонно*). Нет, лучше ты женись на этой медведице и в свадебное кругосветное путешествие отправься в одной каюте.

Константин. Анна Николаевна, спасибо вам...

Косовец. За что?

Константин. Спасибо, что мать вспомнили. Я думал, о ней и слова не прозвучит. Забылись мы, эгоистами стали. Привыкли родителей эксплуатировать. Стыдно и горько. (Очень искренне.) Валя, помнишь, как она всю жизнь: худая, в одном и том же вечно халате. Руки – тонкие-тонкие... Как подумаешь, что она этими руками дрова колола... Помнишь, на ужин всегда каша и сказка про мышку, как она заготовила зернышки! А это, оказывается, про нашу маму. Ты пошла в техникум, я уехал поступать в Москву, потом Виктор родился... Хороши мы все оказались, она так и высохла у плиты. И вот сегодня Анна Николаевна первая вспомнила про маму. Спасибо, Анна Николаевна.

Все встают и молча выпивают.

Косовец. Благодарю, Костя. Я даже не ожидала от вас... Вы все для меня очень близкие... Больше нет никого...

Ирина. Но у вас есть ещё один дом – церковь.

Косовец. Церковь – не в бревнах, Ирочка, а в ребрах. Мне кажется, что когда есть дружная семья – любые несчастья не страшны. Всегда есть опора... Вот Валюша, ей сейчас нелегко, но зато какие золотые ребята у нее растут. Они все понимают. Коля мне позавчера шепчет: «Бабуля, мы сегодня сочинение писали: «Если бы у тебя был последний лепесток, что бы ты загадал?» Это третий «В» класс! Из 17 человек 16 написали: «Чтобы не бомбили Сирию!», и только наш Коля написал про то, как любит маму. Я много жила одна, поэтому цену таким вещам знаю. Ну вот, пожалуй, и все. Все хорошо, а то я поначалу испугалась. А теперь вижу, ошиблась – вы настоящая опора и надежда Александра Константиновича. (*Пауза.*) Хотела предложить: может, мы памятник поставим? Если все вместе, то недорого выйдет... Валя, ты как?

Валентина. Обязательно, Нюра. Вот уж на что денег не пожалеем, так это на памятник. Правда, ребята?

Общие восклицания в поддержку.

Олег. Правильно, Анна Николаевна. Сделаем!

Константин. Конечно, сделаем! Что это вы засомневались?

Косовец. Спасибо! Как я рада! Какие вы воспитанные и хорошие дети!

Он сейчас с нами, за столом, и гордится вами.

Степан. Придумываете вы, Анна Николаевна.

Косовец. Что придумываю, Степа?

Степан. Нас придумываете. Мы гнилее. Я-то – точно. Какая мы опора, когда с краю норовишь прожить, сам себе в тягость.

Ирина. О чем это ты?

Степан. Об Иване. Не могу я больше молчать, Ира...

Валентина. Об Иване? Что случилось, Степа?

Степан. А то, что подлец я законченный!

Ирина. Это мы на балконе говорили, чтобы... Говорили об Иване... Ему и тебе надо помочь... Вот и деньги кстати... Ты же слышала, большую часть тебе... Степа, ты об этом?

Степан. Нет.

Валентина. Степа, какая подлость? Ничего не пойму?

Степан. Обычная, трусливая... От страха многое происходит в жизни, Валя.

Мне никогда не хватало характера: в школе, на работе, в поступках и даже... дома. С ней... женой... Вот она сейчас сказала – фирму откроет. И – откроет! Потому что у нее характер медведицы, о которой ты смеялся, Олег. А я буду рядом. Потому что живу... рядом... Рядом с каким-то че-ло-веч-ком, который сильнее меня, потому что – подлее! Этот человек поступал, а я только гаденько извинялся. Всегда до икоты всего боялся. Чего? Не знаю... ребенком себя не помню. Не заметил, как сделался...

Ирина. Слишком болтливым! Он много выпил! Не слушайте его!

Степан. Нет, теперь уж выслушай. Твои рецепты известны. Я по ним жил. Вернее, другой во мне жил, а я – спотыкался... Валя, это по моей сучьей милости...

Ирина. А ну, заткнись, дохлятина.

Степан. ...Иван схлопотал срок. Если бы я признался, что меня били и что Иван действительно слышал мой голос и бросился защищать – была бы другая статья, и он бы сейчас сидел рядом. Здесь! Около этого пустого прибора.

Ирина. Варешка ты, дырявая варешка!..

Степан. Да замолчи ты!

Валентина. Степ, что ты несешь?

Степан. Петрик с друзьями меня оскорбили. Я обидчика ударил. Они начали меня... Я заорал. Знал же, что Иван дома, знал, что его не испугает, сколько их... Так и вышло. От двух других я бросился бежать... Я же не знал, что произойдет убийство. Тут оно все и вылезло: Иван в них запустил кирпичом, тот под руку попал. И запустил-то, в темноту, на авось! Попугать!.. А рука у него – кувалда, он же многоборцем был. Ну и попал в десятку. Пол башки этому парню снесло. Мне бы надо, как сейчас, встать на суде и сказать, как было на самом деле, а мы с отцом решили молчать. Под завязку!.. А потом, всё! Потом – конец! Потом, как в подвале: на людей вверх от грязи смотришь. Не хочу больше – всё! Прости, Валя, если сможешь. А не простишь: ветер мне и дорога. *(Отшел в сторону и сел. Пауза.)*

Ирина. Нет, не все! Раз уж начал рвать рубаху, надо говорить до конца! Твой отец, Валентина... Ваш папочка заставил его это сделать! Чего же ты самое главное прячешь? Говорить, так уж до конца. Вы тут его слушали на магнитофоне, млели от его благородства, а он Ивана взял, да и посадил. Этого тюхляка запугал, а у самого ни один мускул не дрогнул... Привык небось! Прокурор!..

Валентина *(как раненый зверь)*. Вре-е-е шь! Это не-пра-а-а-вда!

Ирина. Правда! Я сама слышала! Вот этими ушами слышала, как он консультации проводил, как этого в бараний рог согнул. Тюря ты, перед кем варешку открыл! Лицемером дед был, как всё его окружение. Прикидывался добрым, а улыбался – страшно становилось: маска на лице.

В Бога не верил, в церковь ходил, как в зоопарк, и даже тем, кто страну на иглу посадил, не верил, но до самой смерти, как люцифер служил.

Помню, какие он монологи закатывал, какие в будущем райские кущи обещал, в какую позу становился, когда, по рассказам очевидцев, очередной конверт с деньгами брал и в сейфе прятал. Он же вас всех изуродовал. Вон, вы и после смерти врете! Опомнитесь, говорю я вам, опомнитесь, покуда не поздно, иначе Господь покарает. И вас, и детей ваших!

Валентина. Нет! Нет! Я не верю! Ты... Ты нам нарочно... Не мог он моего Ивана!.. Степан, то, что она говорит, это что, правда?

Степан. Да, Валя.

Валентина. Как же вы... могли... Как? Мы же родная кровь! Это же... У нас же двое, их-то за что? Что же я им теперь про деда-то скажу... (*Уходит в другую комнату.*)

Пауза.

Олег. Правильно, что сказал, Степан. Легче жить станет. (*Уходит за Валентиной.*)

Косовец. Степа, как Александр Константинович заставил тебя пойти на это?

Степан. В том-то и дело, что он не заставлял, я сам всё делал.

Ирина. Хватит! Не строй из себя целку.

Степан. Повторяю, я знал, что делал.

Косовец. Он повлиял на вас?

Степа молчит.

Он знал, что Ивану грозит такой срок?

Степан молчит.

В голове не укладывается.

Константин. У меня тоже. Может быть, он, как юрист, яснее понимал, как повернется дело, если ты признаешься? Может быть, за групповое, ещё больше бы дали?

Косовец. Вот-вот, Костя прав! Степа, у него, наверное, другого выхода не было? Надо разобратся... И основательно...

Степан. Разберусь, ещё как разберусь...

Ирина. Это как же?

Степан. А очень просто! Получу деньги, спущу все, а Ивана освобожу.

Ирина. Ну и посадят тебя, идиота. Было двое без отца, теперь третий прибавится.

Степан. Заслужил – прибавится.

Константин. Не об этом она сейчас, Степан. Ивану теперь вряд ли сможешь.

Степан. Почему не сможешь? Заявлю в прокуратуру и потребую пересмотра дела.

Константин. Спустить и заявить плевое дело, Степа. Не в этом фишка. Ты просто не хочешь понять, как это не ко времени. Никому это почета не прибавит. Говорить-то не о драке будут, а об убийстве. У Анны Николаевны прихожане загудят, будут пальцем тыкать. Вдумайся: через четыре года брата решил спасти – каково! Хорошо, нас ты можешь послать к черту! Но Ирина?! Работник мэрии. Насколько я знаю, вы хотите переехать из аварийки в другую квартиру?

Ирина. Конечно, шеф помогает. Он ветхое жильё распределяет.

Константин. И сколько комнат получите?

Ирина. Как сколько? По крайней мере, три!

Константин. Ах, три! Губу-то раскатали. Ну, так вот, вы и одной не получите. У нас взвешенно и хорошо думают в префектурах, когда распределяют ветхое жильё. Перед тем, как в прокуратуру пойдешь, прикинь, Степан, чем рискуешь. Ирина на такой горке, что через

день там все известно будет. Назло сделают – ни себе, ни людям. Недаром стукачи называют Россию несчастной родиной, неограниченных возможностей. Стоит ли, Степа, начинать дело, в котором так много вопросов. А вот то, что ты хочешь Вале помочь – это дело! Здесь все тебя поддержат. Так ведь, Анна Николаевна?

Косовец. Это все так неожиданно, что я растерялась... Не могу поверить. Степа, тебе решать... Ивана жалко...

Константин. Иван убил человека! Пусть случайно, но факт.

Степан. Это произошло из-за меня!

Ирина. Ты же не о такой помощи просил!

Степан. Кто тут сообразит, что нужно делать?

Константин. Был такой человек! Увидев, что дело так далеко зашло для одного, он переступил утилитарные моральные ценности и спас другого.

И здесь вам не арифметика, здесь высшая математика целесобразности. Горько, тяжело, завышен срок, но спасена честь фамилии, и главное, страдает только тот, кто действительно виновен. Вот логика практика-прокурора. Знаешь, что было написано на воротах Соловецкого лагеря: «Железной рукой загоним человечество к счастью». Так вот, отец железной рукой вытащил тебя из ямы, загнал в счастье, да ещё после смерти кучу денег оставил. Что тебе не живется, Степан? Сегодня ведь лучше, чем вчера.

Степан. Может быть, и лучше, но противнее.

Ирина. Степушка, а брат-то твой прав. Твоей вины здесь нет. Ивану просто не повезло. Вале – поможем.

Степан. Кто это поможет? Ты, что ли?

Ирина. Я, ты! Все мы, если надо! Помнишь, как в песне...

Степан. Понятно. Все понятно. Как в песне... Я все время думал, что я – негодяй, а сейчас смотрю – вот их у нас сколько. И все железной рукой хотят загнать друг друга в счастье. А ведь попали туда, где страшнее, чем было. Посмотрите на себя: никому ни до кого дела нет. У тебя карьера, у нее квартира, ходовая тропа... А что со мной происходит – наплевать... Лишь бы доллары были – остальное купим. (*Косовец.*) Ну, они-то ладно... А вы, Анна Николаевна, как же вы?

Косовец (*резко*). Степан, зачем ты ненужным анализом занялся? Ты решил что-то для себя?

Степан. Да.

Косовец. Так не отдавай это на голосование. Кто может запретить человеку поступать по совести? Но запомни и другое, и потом не говори, что кто-то тебе это не сказал: «В тюрьму широка дорога, а из тюрьмы тесна». Так что: твой грех, твоя совесть, твои молитвы. (*Тихо, как бы себе.*) Другое понять не могу: зачем он всё это сделал...

Звонок телефона. Трубку берет Ирина.

Ирина. Да. Вам кого? Степана? Кто его спрашивает? Петрик? Зачем? Бандит, ты как разговариваешь. Я тебя... Ты мне ответишь!.. Сам ты... гад!

Степан вырывает у Ирины трубку.

Степан. Петрик, это Степан.

На шум из другой комнаты появляются Валентина и Олег.

Валентина. Что вы все выясняете?..

Константин. Это ищут Степана.

Степан (*в трубку*). Я никуда не поеду! Эта лафа вам закончилась! Поэтому послушай, что я скажу тебе... Слышишь: ты мне надоел! (*Кричит.*) Понял! И вообще я иду в прокуратуру! Понял? Да не страшаю я... Мне бояться нечего! Когда? Хоть сейчас... Где вы? На спасательной станции? Около лодок. Да наплевать, сколько вас. Через пятнадцать минут я буду! (*Кладет трубку.*)

Ирина. Куда через пятнадцать минут?

Степан. Надо.

Константин. Что за Петрик?

Ирина. Тот, из-за которого все началось. Он, видите ли, хочет с ними поговорить. Пусть идет: дурак бежит, земля дрожит, а кулак получит, в дерьме лежит.

Константин. Этого ещё не хватало!

Степан. Я их не боюсь! Все! Теперь их черед волноваться. (*Надевает куртку. Машинально берет со стола монтировку.*) Растоптать хотят – не выйдет! Если позвонит Виктор, я скоро.

Олег. Стоп! (*Перехватывает Степана.*) Куда ты? Что ты хочешь доказать?

Степан. Пусти! Я все равно пойду! Говорю тебе, пусти!

Олег. Сядь, обсудим. (*Забирает у Степана монтировку.*) Не горячись... Сначала спокойно расскажешь, что собираешься сделать, тогда – вперед, хоть с голыми руками.

Степан. Валя, я знаю, что меня стоит презирать, но я... иду в прокуратуру. Нет больше того слабака и труса... Всё! Я иду туда и скажу им прямо...

Ирина. Ты забыл, как они тебя мутузили?

Степан. Правильно делали! С хлюпиками так и поступают. А теперь пусть они скулят. Вон Петрик уже замандражировал! (*Пытается уйти. Олег не дает. Борются.*)

Олег. Нет! Не пущу! Или с тобой.

Валентина (*спокойно, но твердо*). Степа, ты никуда не пойдешь. Ивану так не поможешь.

Константин. Умница, Валя. А ты Степа – дитё! Правильно говорят: «Мужчина не бывает старше четырнадцати лет». Ну, придешь ты в прокуратуру, ну выложишь ты все эту давнюю историю, и кто это подтвердит? Петрик? Его компания? Ни-ког-да! Где гарантии, что все изменится в судьбе Ивана? Раз уж ты доверился нам, так хотя бы прислушивайся. Вот и Олег тебе то же самое скажет. Прежде всего, нужно помочь материально Валентине. Ты об этом говорил, вот и действуй. Как кстати эти деньги!

Валентина. Подожди...

Константин. Прости, Валя, дай доскажу... Мы здесь все свои, дальше этого круга ничего не выйдет... Мы Валю должны поддержать, ей помочь, а Ивана как не тяни – все равно судьба распорядилась.

Валентина. Его судьба – это моя жизнь. И не только моя – мальчишек. Так что нечего гвозди вколачивать и хоронить. Жизнь тюрьмой не оградишь. И денег мне не надо. А из этого миллиона и подавно ничего не возьму. Я четыре года от людей лицо прячу: муж такое сотворил, что до могилы не отмыться... И вот что скажу тебе, Степан: ты как хочешь, но вырвать его оттуда обязан. Как – не знаю, сколько будешь тратить – не мое дело. Но сделать это ты обязан! Иначе прокляну. Он за свое должен отвечать, а не за всех. (*Подходит к фотографии отца.*) Денег мне его не надо! Ни копейки! Совесть деньгами не отмоешь. (*Поворачивает фотографию к стенке.*) А запись его сотру... (*Собирается уходить.*)

Олег. Куда ты?

Валентина. За ребятами.

Звонок телефона. Трубку берет Олег.

Олег. Слушаю! Да, да, слышу!.. Виктор?! Ну как ты? (Всем.) Вылетает!

Все бросаются к телефону. Только Валентина идет в противоположную сторону, где находится магнитофон. Сделав перемотку, она включает запись, чтобы стереть голос Никитина-старшего.

Витя, когда посадка? Только что объявили? Кого? Валю? Тут все с тобой хотят поговорить. Хорошо, хорошо... Валя, Виктор с тобой хочет поговорить.

Валентина. Да, Витя? (*Пауза.*) Хорошо, пожалуйста! Есть место... Он твой приятель? Не беспокойся, устроим. Когда ты вылетаешь? Степан встретит тебя в аэропорту. Какой номер рейса? Двадцать три шестнадцать? Хорошо. Ждем. Пока. (*Кладет трубку.*) Сейчас вылетает. (*Степану.*) Рейс запомнил?

Степан. Да.

Звонок телефона. Валентина машинально снимает трубку.

Валентина. А, Марина, всё-всё, бегу! Одевай, я выхожу. Как сломал руку? Опухла? Но это не значит, что это перелом. Господи, одно за другим. Сейчас бегу.

Косовец. Валюша, что случилось?

Валентина. У Коли что-то с рукой! (*В трубку.*) Бегу, бегу...

Бросает трубку и выбегает из квартиры.

Косовец. Господи, надо было их здесь оставить. Они как втроем сойдутся – обязательно что-нибудь случится.

Олег. Ну что, Степан, езжай. Пока доедешь, то да се, а там и Виктор прилетит... Ирина, ты с ним?

Ирина. С ним.

Олег (*Степану*). Бак заправлен?

Степан. Да. (*Прикасается к горбу Олега*). На счастье говорят.

Олег. Тут от нас до Новосибирска рукой подать, езжай пораньше. Там, я понял, приятель с ним летит, пусть лучше у меня остановится. Здесь не с руки будет. Вот ключи, завези его по дороге.

Степан забирает у Олега ключи и выходит.

Константин. (*Ирине*) А ты? (*Ирина делает ему знак, указывая на Косовца.*)

Олег (*Ирине*). Не пускай к ним Степана, поняла?

Ирина. Хорошо.

Ирина, чуть помедлив, уходит за Степаном.

Константин. Ух, тяжело... Сколько здесь лёта от Новосибирска?

Олег. Час с небольшим...

Константин. Анна Николаевна, я захватил из Москвы хорошее испанское вино, сервелат, икры... Если нетрудно – распорядитесь... (*Подает сумку.*)

А то у Виктора поди в глазах одна чешуя от горбуши блестит...

Косовец. Зачем, все есть. И на кухне всего полно.

Константин. Такое ни на какой кухне не помешает. (*Косовец уходит с сумкой. Константин оглядывает стол.*) Вроде ничего! А то в театре у нас как застолье, так на сцене одна колбаса. Ничего, едят, актеры народ терпеливый... Один, правда, вспылит: «Полуфабрикатами кормите, я – залуженный артист!» В квартале премии лишили – теперь молчит. Травку жует. Прозвали теленок. Лет десять назад вся Москва смеялась: один известный режиссер написал мемуары и назвал: «Я». А ведь «Я» – последняя буква в алфавите. Господь ведь кого-то надумил эту букву в конец поставить. (Зовет.) Анна Николаевна! (*Косовец выглядывает.*)

Стол бы надо почистить, убрать лишнее... Если не трудно.

Косовец. Сейчас, сейчас... (*Уходит.*)

Константин пригубил вина. Закусывает. Вальяжно устроился в кресле, закуривает.

Константин. Олег, я два дня в городе, а пообщаться с тобой не получается. Или ты избегаешь меня?

Олег. Почему?

Константин. Говорят, ты в гору пошел, диссертацию пишешь?

Олег. Пишу!..

Константин. А тема?

Олег. О новом методе охраны и возобновления сибирского кедра.

Константин. Получается? Возобновишь? Садись, выпьем. (*Наливает Олегу.*)

Олег. Посмотрим... (*Выпивают.*)

Константин. Валя говорила, что наша фамилия в «Красной книге» появилась? В связи с чем?

Олег. Обнаружил реликтовый вид растения.

Константин. Что ж, молодец. А зачем голубятню ребятам построил?

Олег. В наших краях появился «Странствующий голубь». Хочу отловить и развести. Ребят увлечь.

Константин. Купи белых, зачем тебе «Странствующий»? Закусывай, закусывай... И на сороковинах люди едят и пьют.

Олег пытается что-то съесть.

Олег. Дело в том, что этот подвид исчез. Миллиарды были... Одна стая летела четыре часа и занимала 136 километров. Однако все исчезли. Всех уничтожил человек. А тут вдруг у нас обнаружился... Надо побороться за деда.

Константин. Значит, боретесь. Голубей ловите.

Олег. У природы другая борьба.

Константин. Какая же?

Олег. Диалектическая...

Константин. Что ж, у вас и волк в овчарню не заглядывает?

Олег. А что ты думаешь, волк, особенно красный...

Константин. А есть и такой?

Олег. Есть – редкий подвид... прирожденный семьянин и за лишним не тянется.

Константин. Неужели воспитали? А как же басня: «Сказал и в темный лес ягненка поволок» Или больше не волокут? Альтруистов воспитали?

Олег. Природа в воспитании не нуждается. В заботе – да.

Константин. А ты знаешь, из млекопитающих едят друг друга только люди и крысы.

Олег. Не совсем так, крысы едят только в экстремальных ситуациях, а люди – когда есть «аппетит» или когда шлея под хвост попадет. Мы, к сожалению, ничего природе не можем предложить, кроме эксплуатации.

Константин. Мы – это кто?

Олег. Временноживущие, временнодеящие, временноорождающие, словом – временно-мыслящие...

Константин. Не люблю, когда много шипящих в речи – избегай. Значит, живешь, как язычник. С утра – в седло, и по полям и лесам... А на люди чего редко показываешься?

Олег. А чего мне мелькать? За спиной же не ранец! Идешь – все оглядываются...

Константин. Брось, люди добрее.

Олег. Люди всякие...

Константин. Много вас в заповеднике?

Олег. Полный комплект. И тем не менее к нам просят на работу, приходят, пишат...

Константин. Глядишь, вы там ещё какую-нибудь секту организуете. На случай войны тушенку будете заготавливать. Совсем недавно в глубинке каких-то старообрядцев обнаружили.

Олег. Всякая секта – крайность, значит – насилие. Природа – это религия будущего. У нее нет начальников, все служащие. Вот Гольфстрим охладает, температура понизится, вот тогда быстро все поумнеют. Россия первой страной в мире станет. Вот уж действительно – «Все флаги в гости будут к нам!»

Константин. Смотри-ка, философ! И что же, в этом будущем вы без начальства обойдетесь?

Олег. К этому времени у начальства работы немного останется.

Константин. Иллюзионист... (*В сторону.*) Тут страна может развалиться, а он голубей разводит. Насмотрелись фильмов.

Олег. Почему иллюзионист?

Константин. Потому что история учит: только в начале своего возникновения любая религия живет и властвует над людьми, включая самых умных и сильных. Потом вместо веры приходит толкование. Вместо праведной жизни на природе – обряды, и все заканчивается лицемерием жрецов в борьбе за сытую жизнь. В такую диалектику я верю. Только борьба дает силу и блага, и никто этого из рук не выпускает.

Олег. Выпустят, когда настоящая жизнь начнется.

Константин. А кто же скажет нам, что началась настоящая жизнь? Вспомни, сколько их на памяти, говоривших, что началась настоящая жизнь.

Олег. И всё-таки, надеюсь. Диалектика истории – штука тонкая. Я оптимист! Я верю, что наступит эпоха нашей доблести.

Константин (*хохочет*). Ну, ты даешь! Трогательно. Хорошее же ты место в жизни выбрал для доблести: «В лесу прифронтовом!» (*Вновь хохочет.*) До слез уморил. Фантазер ты, Олег. И сам того не ведаешь... Сегодня фарсовая имитация доблести. Дорогой мой, ты от гордыни в идеализм ударился. Жизнь, голубчик, проще, однообразнее, скучнее... Ты чего Валентине наговорил? Почему она так взорвалась? Ей ли от денег отказываться?

Олег. Я ничего не наговаривал. Она решила сама.

Константин. Возможно, отец поступил неверно, скорее так, но судить его не в нашей власти. Право судить он унес с собой... Мне всегда казалось смешным, когда потомки, засучив рукава, трясли историю, переделывая на свой лад. Вот и сегодня вспомнили, что нужен новый учебник по истории. Сизифов труд. Придут следующие и заново перепишут. (*С пафосом.*) И мы с удовольствием прочтем: и про нашу жизнь, и про достижения, и про то, как мудро и дальновидно народ шел к своей великой цели под руководством... Интересно, кто следующим будет? (*Неожиданно и резко.*) Ты последние дни бывал у отца?

Олег. Бывал.

Константин. Его что-то тревожило?

Олег. Да, тревожило...

Константин. Что?

Олег. Не знаю. Скорее всего, совесть... К сожалению, он был скрытным человеком.

Константин. Какой он был, я знаю. Кому он мог довериться?

Олег. Ты о деньгах?

Константин. Деньги я знаю, у кого.

Олег. И у кого же?

Константин. У тебя... (*Пристально смотрит на Олега.*) «Поведение – это зеркало, в котором каждый показывает свою краску». Ты не покраснел, значит, деньги не у тебя. Прости, маленькая провокация. (*Обнимает Олега.*) Олег, почему он снял деньги с книжек, в том числе и немецкой, и решился на какую-то подпольную конспирацию? Ответь мне на один вопрос... (*Тихо шепчет Олегу.*) Давай отойдем в сторону, я не хочу, чтобы слышала Анна Николаевна.

Оба отходят на авансцену.

Когда ты приходил, он успокаивался или становился возбужденным?..

Олег. Я понимаю, к чему ты клонишь, он был в своем уме. Он часами меня не отпускал. Однажды пошел нас с Валею провожать... Идем по коридору, и вдруг он ринулся назад, в палату. Мы вернулись – его рвало.

Константин. С чего это?

Олег. Да вроде с ничего, все как обычно было; кто-то по стенке шел, кого-то в лифте везли, какая-то старуха перед нами суп в коридор выплеснула. Валя решила, что запах щей на него так подействовал. А мне показалось...

Константин. Чего замолчал? Что тебе показалось?

Олег. ...Что старуха узнала его. И целилась щами в него.

Константин. Думаешь, мстила?

Олег. Его на следующий день перевели в другой корпус.

Константин. Он успокоился?

Олег. Первый день, а потом то же самое... Слезы, раскаяние и... страх! Костя, не мучай меня! Зачем тебе эти подробности? Ты действительно знаешь, у кого деньги? Они у Виктора?

Константин. Я же сказал, что они не у тебя, а... У Виктора?.. Конечно, у Виктора!

Звонок телефона. Константин берет трубку.

Слушаю? (*Олегу.*) Опять этот ваш Петрик! (*Передает трубку Олегу.*)

Олег. Нет, это не Степан, а его двоюродный брат Олег. Брата нет, он уехал. Будет не скоро. У меня предложение: встретиться! Где вы сейчас? У спасательной? Ишь, водолазы? Нет-нет, это я так. Через десять минут я подойду. Вы не бойтесь! Я с вами поговорить хочу. Как выгляжу? Среднего роста, заметно, что... сутулый. Хорошо! Я сейчас выхожу. (*Кладет трубку.*)

Константин. Ты что, с ума сошел? Зачем тебе это надо?

Олег. Хочу поглядеть на них поближе. А полезут – не страшно, хуже не сделают. Испугались, что Степан заявит. Мальчишку грозятся пристукнуть.

Константин. Я... с тобой?

Олег. Да нет, не надо. Ты все испортишь.

Константин. Это почему?

Олег. Меня они тронуть, может быть, постесняются, а тебя могут.

Константин. Почему? (*Подает Олегу монтировку.*) Возьми!

Олег. Не надо!

Константин. Нет, прошу тебя, возьми. Будешь спокойнее.

Олег. Нет-нет, спасибо. *(Надевает пиджак.)* Странно, почему же ты все-таки не стал актером? В сенате, на лошади, ты был бы великолепен. А вот «Я... с тобой» у тебя не получилось. *(Уходит.)*

Константин. Злой... Заносчивый горбун. Даже не может скрыть самолюбия. Но деньги не у него. Иначе не переспрашивал бы о них.

Подходит к фотографии отца и переворачивает её лицом. Всматривается в портрет.

Вот кто в сенат бы въехал! *(Отходит от фотографии и оглядывается.)* Еще, пожалуй, впутается в историю, этот Олег. А монтировку не взял.

А жаль! *(Вдруг стремительно подходит к шкафу, выбрасывает из него разные вещи и откуда-то из глубины вытаскивает завернутый в детскую клеенку предмет. Размотав бечевку, достает браунинг.)* Смотри, сохранил его. Как ребята не заиграли? *(Зачитывает надпись.)* Именно... *(Быстро направляется к двери, где находится Косовец.)* С ума сошел! *(Возвращается и прячет оружие в стол. Затем собирает разбросанные вещи и заталкивает их в шкаф.)*

Из кухни, с тарелками на подносе, выходит Косовец.

Косовец. Если вы ищете деньги, то там их нет.

Занавес

Второе действие

Косовец. Если вы ищете деньги, то там их нет. *(Проходит с подносом к столу и раскладывает закуски.)*

Константин. Такие деньги в шкафу не держат, Анна Николаевна. Мне показалось, что у отца остались очки от солнца. Однако я их не нашел. Глаза стали уставать. *(Убирает оставшиеся вещи в шкаф.)*

Косовец. Очки в оправе «директор» лежат в зеркальном ящике.

Константин. Как вы все запомнили, Анна Николаевна? Где хранятся, название оправы? *(Проходит к зеркалу и достает из ящика темные очки.)*

Косовец. Стекла мы привезли из Болгарии, а оправу «директор» заказали здесь, в нашей «Оптике». Когда с человеком связана лучшая часть жизни, помнишь любую мелочь.

Константин *(примеряет очки)*. Скажите, Анна Николаевна, а оправы «замдиректора» в «Оптике» нет?

Косовец. А что вам мелочиться, Константин? Носите эту – на вырост!

Константин. Спасибо за поддержку, Анна Николаевна. В грядущем месяце все решится.

Косовец. Как у вас складывается в театре, неважно?

Константин. Неважно? Почему вы так решили?

Косовец. Я всех мужчин делю на «работников» и «соловьев».

Константин. Это как же?

Косовец. «Соловьи» – это те, которые трелями занимаются: обещают, спорят, машут руками, журчат на собраниях, – словом, заливаются.

Смысла от них никакого, но если избавляться, то половина наших чиновников без работы останется. Другое дело – «работники», эти молчаливы, часто злы, говорят, что они рабы на галерах, тянут за пятерых и, как правило, знают дело.

Константин. Я отношусь к какому типу?

Косовец. Вы типичный соловей, Константин. Простите, что я так откровенно говорю, но если я ошибаюсь, только к лучшему.

Константин. Вы говорите не откровенно, а беспощадно.

Косовец. Не обижайтесь, я прямолобая, в отца.

Константин. Прямой, говорят, глупый до святости, но о вас так не скажешь.

Косовец. Обиделись?

Константин. Нет, вы ошибаетесь. Просто вы не знаете сцену... В театре любят и умеют говорить. Время мчится, старые театральные идеи при смерти, новые – чужеродны и пошлы. Произошла подмена, культура мчится к бесам, как всадник без головы. Все стало эфемерно, царствует пиар, конвейер «зажигает» новые звезды, но они мелькают и не обжигают сердце. Отсюда нереализованные мечты, воспаленные амбиции, постоянная зависимость: дадут роль или нет, отметит критик или забудет, первый состав или второй, – все это надо объяснить, оправдать, упаковать в какую-то логику, – здесь и приходит на помощь слово. Контрастность порождает грубость отношений... Актрисы бессердечны, изменчивы, завистливы. Мужчины – хамские, дубленые души! Все они – люди исключительного невежества и глубокого равнодушия, притворщики, истерически-холодные лжецы с бутафорскими слезами и театральными рыданиями, упорно-отсталые рабы, готовые радостно пресмыкаться перед режиссером и начальством. Их дети, эти бедные гастрольные канарейки, лучше всего знают своих родителей, они говорят: «Давайте играть в актеров, изобразим, как мы перепьемся, передеремся и ляжем спать».

Косовец. Господи, какой ужас! Так ненавидеть актеров может только несостоявшийся актер. Какая же мука для вас работа в театре?

Константин. Это одна сторона, Анна Николаевна, но вынужден признать и другую: когда вся эта команда бессребреников влюбляется в пьесу и начинает работать – рождается чудо! За показной внешностью открывается святая преданность искусству, наивный героизм, когда спектакль требуется творчески защищать... Тут мелочи отодвигаются, торжествует вдохновение и правда! Ну, а вечером прихожу я – завпост, с рабочими сцены, и всё до последнего гвоздя вырву с корнем, разбросаю по карманам, и чуда нет! Так что я не соловей, а если соловей, то разбойник.

Косовец. Вы так по-разному все оцениваете, что, возможно, и то, и другое – неправда.

Константин. Нет, Анна Николаевна. У меня, что на уме, то и на языке.

Косовец. Отец ваш другим был.

Константин. Вы уверены?

Косовец. Да, уверена! Он был искренним человеком, и двух правд у него не было.

Константин. Мы все искренние, Анна Николаевна, порядочных только нет, вот беда.

Косовец. Все, что рассказал Степан, не так просто! В этом следует ещё разобраться.

Константин. В Индии идолов делают из кусков: камень от жары лопается, и тогда треснувший кусок всегда можно заменить.

Косовец. Что вы имеете в виду?

Константин. Что? Подменить поступки невозможно. Всегда появится тот, кто выльет на тебя щи.

Косовец. Вы придаете фактам другой смысл.

Константин. Возможно, но факт налицо.

Косовец. Разве вы не видите, что Степан запутался, все утрирует... Не могло этого просто быть. Вашего отца я знаю... Прикинуть, кто из них человеком потом вернется – нетрудно... Иван – махина, а Степан – ботва.

Константин. Он его в детстве не Степкой, а Тешкой звал.

Косовец (*убежденно*). Вот-вот! Он знал Степана, знал, что тот не выдержит... И потом, перекладывать ответственность на того, который теперь не ответит, разве это по-мужски! Ирина – другое дело: ночная кукушка одной темы – самоутверждения.

Константин. Я только сейчас понял, как, в сущности, отец был одинок. Только вы... Одна вы только и были рядом, заботились о нем. С возрастом они такие беззащитные...

Косовец. Нет, и Валя, и Олег, и даже Степан – старались его поддерживать. Когда болел, каждый день к нему ездили. Олег даже доставал кумыс – врачи рекомендовали... Не помогло... Сел на кровать, пошла горлом кровь и залила всё! (*Взяв себя в руки.*) А где Олег?

Константин. Олег? Он пошел... кажется, в магазин, скоро будет. Анна Николаевна, а почему он все-таки не написал завещание?

Косовец. Вы опять... Видимо, не счел нужным.

Константин (*просматривает ещё раз письмо*). А что значит строчка: «Оставляя на книжках я не хотел, а завещание писать не могу»? Почему – «не могу»?

Косовец. Костя, побойтесь Бога! Вы опять начинаете пытаться! Я уже говорила, что не знаю, как все объяснить. Для меня тоже многое загадочно и странно. К примеру, его исчезновение накануне смерти из больницы... Потом внезапное возвращение...

Константин. А было и такое?

Косовец. Было! Вернулся в больничных тапочках и в плаще соседа по палате.

Константин. И что сказал?

Косовец. Сказал, что гулял по городу. А Валя говорит, что заходил домой. У него были ключи.

Константин. Вот как? Почему его в больнице рвало?

Косовец. Кто вам это сказал? Олег? Ирина? Это было всего лишь один раз: какая-то старуха выплеснула на него кислые щи, и это его очень взволновало. Кажется, он её вспомнил.

Обозвал «пиковой дамой». На следующий день его перевели в другой корпус, и инцидент был исчерпан.

Константин. Странная история.

Косовец. Ничего странного. Мало ли у таких людей, как Александр Константинович, врагов. Ведь прокурором был, а не парикмахером.

Константин. А вы знаете, что со сберкнижек крупные суммы дают не сразу.

Косовец. Первый раз слышу.

Константин. Да, по предъявлению на самого близкого родственника.

Косовец. Откуда вы это знаете?

Константин. Звонил юристу. Скажите, Анна Николаевна, только честно, сколько денег он пожертвовал церкви?

Косовец. Эта цифра не распространяется.

Константин. И никто из моих близких не знает, сколько он ухлопал на церковь?

Косовец. Не ухлопал, а пожертвовал. Нет, детям он не говорил. Впервые о деньгах на храм он рассказал в этом письме.

Константин. И даже вы не знаете, сколько потрачено на церковь?

Косовец (*через паузу*). Однажды матушка со мной поделилась – возможно, около двух миллионов долларов.

Константин. Что? (*Хватает руками голову.*) Сколько?

Косовец. Около двух миллионов долларов.

Константин. Спасибо вам большое, Анна Николаевна, что вы так положительно подействовали на папину... религиозность.

Косовец. Эти деньги ушли на ремонт и строительство церковной часовни. Есть смета – истрачено все до копейки. Сотни людей благодарны Александру Константиновичу.

Константин. Правда? Если бы вы знали, как приятно мне это слышать.

Косовец. Он хотел истратить все, но я его отговорила.

Константин. Неужто?

Косовец. Сказала, что у него есть дети.

Константин. Вы хоть задавали такой вопрос, откуда у него такие деньги?

Косовец. Задавала и он покаялся. Последние годы в прокуратуре, когда он узнал, что у него рак, он брал «барашка в бумажке», так он называл взятку. Хотел поехать лечиться в Хьюстон, там лучшая онкологическая клиника в Америке, но потом передумал.

Константин. И просто брал взятки?

Косовец. Нет, перестал их брать, и часть отдал на церковь.

Константин. А нам оставил часть этого барашка?

Косовец. Да. Поэтому он и завещание не хотел писать.

Константин. Скажите, Анна Николаевна, он обещал вам лично оставить немного денег?

Косовец. Что вы заладили: скажите, скажите?.. Я не хочу отвечать на этот вопрос.

Константин. Почему?

Косовец. Все меркантильные вопросы мне глубоко неприятны.

Константин (*резко*). Однако это не помешало сказать вам, что делить надо между теми, кто указан в письме.

Косовец. Сказала, потому что так написано Александром Константиновичем. Для меня его воля – закон. И больше я на эти темы говорить не хочу.

Сегодня день сороковин, а не приговоров и обсуждения его поступков! Но если бы он знал, как поведут себя его старшие сыновья – уверена, что он тысячу бы раз взвесил, прежде чем оставить вам хоть копейку. (*Направляется в другую комнату.*)

Константин перекрывает ей дорогу.

Константин. Нет, подождите! Вы спрашивали у Вали, почему я остановился не у неё, а у друзей? Так вот, чтобы сегодня кое-что окончательно прояснить, сообщаю: эти два дня не прошли даром.

Косовец. Всё! Я не хочу больше ничего слушать до приезда Виктора! (*Пытается уйти.*)

Константин силой толкает её в кресло.

Константин. Нет, вы будете сидеть и слушать! И пока не вернете деньги, ни один человек вам не поможет.

Косовец. Да вы с ума сошли! Какие деньги? Нет у меня никаких денег!

Константин. И ты смела меня назвать скользким? Меня, кто схватил тебя за руку, как подлую воровку и подстрекательницу! Пожить решила, пошиковать? Подмяла старика, выудила со своей «церковной мафией» на обшак, а сейчас за своей долей потянулась?

Косовец. Боже, что вы говорите?! Пустите меня! Слышите, немедленно отпустите меня! Вы – негодяй и лгун!

Константин. Я – лгун? Нет, вы ошибаетесь! (*Хватает со стола письмо.*) Шаг за шагом я восстановил его последние дни. Вы лжете, что он ушел из больницы в тапочках и чьём-то плаще. (*Кричит.*) Вы принесли ему одежду!

Косовец. Неправда!

Константин. Вот адреса тех, которые с ним лежали в палате. (*Показывает записную книжку.*) Никто из них не одалживал плащ, но по стечению обстоятельств вас в этот день видели многие! И пошли вы не сюда, а волокли еле живого человека в свою квартиру, предварительно зайдя в сберкассы и всё сняв со счетов. Вам надо было убедить его, что только вы сможете разумно распорядиться его наследством. Виктор ушел на год в плавание, и вы придумали красивую историю дележа денег после смерти, за круглым столом. И чтобы вам поверили, вы предложили написать трогательное письмо другу. Вы учли его состояние, страх перед смертью, и сентиментальная картина памяти и благодарности детей сделали свое дело. При вас он написал письмо, содержание которого вы знали, потому что не слушали с таким интересом, как все! И, наконец, вы дали на похороны такую сумму, которую трудно иметь при вашей работе в монастыре. Но этого мало...

Косовец. Вы... Вы, чудовище! Это...

Константин. ...Но этого мало! Отведя отца в больницу, вы пришли сюда и сделали вид, что он был в квартире, что-то искал. Вы хотели, чтобы никто не знал о вашей встрече и вашем появлении в этот день у больного. Действительно, никого из наших не было 24 июня в больнице, а в ночь на 29 отца не стало.

Косовец. Это все... всё... ложь! (*Пытается уйти.*) Пустите меня!.. Я... Я любила Александра Константиновича! Любила в нем всё: характер, достоинство, прямоту... А ты! Ты... Ты – тварь! Ты – чудовище! Растоптать единственное, что у меня есть... Подлец! (*Плюет. Хочет уйти.*)

Константин швыряет Косовец назад в кресло.

Константин. Нет, пока ты, божья коровка, не вернешь все до копейки, до тех пор ты не сойдешь с этого места. Ты – любила? Ты обманула его. Играла, как старым пуделем, жадным сделала. Из-за тебя я его уважать перестал. Как не позвоню: где отец? Он у этой, богомольной. Где деньги? Где, говори?! (*Трясет Косовец.*)

Косовец (*задыхаясь*). Нет! Нет! Нет! (*Хватает воздух ртом.*) Пустите!.. На помощь! Пусти...

Константин. Где деньги? Где?.. Мне нужны деньги! (*Бросается к столу и из ящика выхватывает браунинг. Наводит его на Косовца.*) Го-во-ри!.. Или я буду стрелять!.. Ну! (*Кричит.*) Р-а-аз! Два!

Косовец рванулась из кресла, но вдруг, согнувшись, повалилась на пол.

Встать! Вста-а-ть! (*Пауза.*) Вставайте, хватит притворяться. Встать! (*Видя, что Косовец не подает признаков жизни, Константин берет её руку и проверяет пульс. Потом, оставив браунинг на столе, бросается к телефону.*) «Скорая»? «Скорая»?

Входит Олег.

Олег. Что случилось?

Константин. Сам не знаю!.. Говорила об отце, и вдруг повалилась... Вспомнили о том, что Степан о драке и суде рассказал... Занервничала, и вот... Повалилась... (*Снова проверяет пульс Косовца.*)

Олег. Господи, как же так?.. Давай-ка её в комнату на тахту. (*Поднимают.*) Осторожно, голову выше...

Переносят Косовца в другую комнату. Константин возвращается и вновь бросается к телефону. Вдруг вспомнив, подбегает к столу и прячет в карман браунинг. Последнее движение не ускользает от Олега, который вошел чуть позже.

Константин (*у телефона*). «Скорая»? Мне нужно «скорую»... Здравствуйте... У нас женщина потеряла сознание. Наверное, сердце... Нервничала... Не знаю, но ещё нестарая... Нет, дыхание есть... Большая Лагерная, семьдесят шесть, квартира два. Ко-со-вец. Знакомый, Никитин... Через сколько? Спасибо! (*Кладет трубку.*)

Олег. Что сказали?

Константин. Сейчас будут... Как она?

Олег. Лежит. По-моему, плохо... Еле дышит, но пульс есть.

Константин. Может быть, лекарства какие-нибудь? Нитроглицерин, валидол?

Олег. Не знаю, где у Вали лекарства? Может, в ящике? (*Подходит к зеркалу и из ящика вытаскивает коробку с лекарствами. Ищет.*)

Константин. Я быстро в аптеку! Нужно купить хоть что-нибудь...

Олег. Сейчас будет «скорая помощь»! Куда ты?

Константин. Что ты, не знаешь нашу «скорую помощь»? Они пока приедут, человек три раза околеет.

Олег. Постой! (*Держит в руках пузырек.*) Вот, кажется, что-то для сердца.

Константин (*взяв пузырек*). Нет, это не то, это от печени. Мы теряем время. (*Возвращает пузырек и быстро уходит.*)

Олег (*оставляет пузырек на видном месте, проходит в другую комнату, слышен его голос*). Анна Николаевна? Вы слышите меня? Это Олег.

Входит Валентина.

Олег (*бросается навстречу*). Валя, беда!

Валентина. Что случилось?

Олег. С Нюрой плохо. Без сознания.

Валентина. Как без сознания? Что ты говоришь? Где она?

Олег. В той комнате. (*Направляется в комнату, где находится больная.*) Она стала нервничать из-за дяди Саши, потом упала. Мы с Костей перенесли её на твою тахту.

Валентина. А где Костя?

Олег. Побежал в аптеку.

Валентина (*голос из другой комнаты*). Аня? (*Чуть не плача.*) Нью-роч-ка! (*Громко.*) «Скорую» вызывали?!

Олег. Вызывали.

Валентина. Аня? Ты слышишь меня? Аня?

Птичья трель звонка. Валентина и Олег встречают бригаду неотложки.

Голос врача. Где больной?

Голос Олега. Больная в комнате.

Голос Валентины. В той комнате, проходите, пожалуйста.

Голос врача. Люба, подключите электрокардиограф. Чем болела?

Голос Валентины. Давление... иногда.

Голос врача. Кто она вам?

Голос Валентины. Кто? Да родня... Как сестра! (*Вдруг заплакала.*)

Что, доктор, забереете?

Голос врача. Посмотрим. Сначала укол. Ну вот.

Шумно, задыхаясь, вбегает Константин. Выглядывает из комнаты Валентина.

Константин (*Олегу*). Ну, что? Как она? (*Показывает лекарства.*)

Олег (*вызывает врача из другой комнаты*). Доктор, мой брат был, когда ей стало плохо.

Врач (*выходит из комнаты*). Как все произошло? Она нервничала?

Константин. Сильно... (*Шепотом.*) Мы по неосторожности, рассказали ей очень тревожащие... сведения... Она переволновалась... Всегда спокойная, тут вдруг стала кричать, нападать на нашего родственника... А потом резко встала с этого кресла и... упала. Вот... Тут пришел Олег, и мы перенесли её туда... Потом я вызвал вас, доктор.

Врач. Ясно. Возможно, это шок.

Константин. Да, это шок! (*Показывает на сердце.*) А это как? Сердце выдержит, доктор?

Врач. Сейчас кардиограмма покажет. Она на сердце жаловалась? (*Уходит в другую комнату.*)

Валентина (*следом*). Редко. Хотя она даже у нас держала какое-то лекарство.

Все, кроме Олега, уходят в комнату, где находится больная.

Входит медсестра. Пристраивается за столом.

Достает бумаги, ручку.

Медсестра. Где она работает?

Олег. Последние пять лет служит в монастыре.

Медсестра. В монастыре? Это точно?

Олег. Точно, потому что я там бывал.

Медсестра. Кем она работала?

Олег. Почему работала?

Медсестра. Простите, десятый выезд, устала. Простите, я оговорилась.

Олег. Не по себе от такой оговорки. Она свечи и иконы продает.

Берет оставленный на столе пузырек и показывает его медсестре.

Скажите, это от печени?

Медсестра. Не «от», а для... сердца. Это интеркордин. Старый сердечный препарат. *(Возвращает пузырек Олегу. Собирает документы, укладывает в папку. Из комнаты выходит врач.)*

Медсестра. Ну как, доктор? Все в порядке?

Врач *(медсестре, тихо).* Инфаркт, голубушка. Срочно везем в кардиологическую...

Врач *(Олегу).* Где у вас тут ванная? Надо руки помыть.

Олег показывает. Доктор уходит. Входит Валентина.

Валентина *(Олегу).* Я с ней до больницы! *(Открывает шкаф).* Господи, кто здесь рылся? *(Берет кофточку.)* Олешка, посматривай моих ребят с балкона.

Олег *(отводит Валентину в сторону).* Валя, в доме было оружие? Ну, какой-то пистолет или... что-то в этом духе?

Валентина. Да, есть, сломанный... Я его прячу от ребят. Отец с дачи привез. А что такое?

Олег. Да нет, так... Езжай. Потом поговорим.

Валентина. Если я задержусь, забери ребят. Они во дворе.

Олег. Хорошо. *(Валентина уходит. Появляется Константин.)*

Константин *(Олегу).* Валя едет с Нюрой. Я помогу и вернусь. *(Уходит.)*

Из противоположной стороны выходит врач. Олег задерживает врача.

Олег. Ну что, доктор?

Врач. Если честно, неважно... Посмотрим, может, выкарабкается... Не такое лечим...

Олег провожает доктора и возвращается. Подходит к телефону, набирает номер.

Олег. Из Новосибирска рейс прибыл? А когда будет? Ждете? Спасибо.

Входит Константин.

Константин. Ты куда звонил?

Олег. В аэропорт.

Константин. Прилетел?

Олег. Нет, ждут.

Константин. Если бы все случившееся не было в жизни, я подумал бы, что все это происходит в театре. Кальдерон, «Жизнь есть сон». *(Подходит к столу и выпивает рюмку водки.)* Эта пьеса такая. Между прочим, любимая пьеса Высоцкого. *(Подходит к телефону.)* Олег, какой у вас номер междугородней связи?

Олег. Сто четыре.

Константин. Жаль мне Нюру... Она абсолютный сухарь, но ничего, отойдет... *(Набирает номер.)* Девушка, можно Москву? 8 495 142 9104? Народную артистку Обжигову. У нас? 34-38-12, Никитин. Спасибо. Через сколько? Хорошо, жду! *(Из кармана достает купленные лекарства.)* Вот теперь на все случаи жизни есть. Где Валя держит лекарства?

Олег. В зеркальном ящике.

Константин (*подходит к зеркалу и замечает пузырек, оставленный Олегом.*) Вот ещё сердечное. (*Открывает ящик и складывает в него лекарства.*)

Олег. Ей бы порядок здесь навести.

Константин. Это я тут копался, очки от солнца искал. Вспомнил, что у отца были. Ты знаешь, глаза летом стали уставать.

Олег. Нашел очки?

Константин. Нюра ваша помогла. Слушай, а вдруг она... Как думаешь?

Олег. Врач сказал, выкарабкается.

Константин. С виду кровь с молоком, а, поди ж ты, как хрупка оказалась.

Олег. Не понимаю, чего ты в такое возбуждение пришел?

Константин. В возбуждение? А ты считаешь, нет повода?

Олег. Повод есть, а вот... (*через паузу*) ...денег нет!

Константин. Ты думаешь, они у нее?

Олег. Я уверен.

Константин. Почему?

Олег. Да нет, не хочу я больше на эту тему говорить. А то получится, что мне больше всех надо. Надоело!

Константин. Ты шутишь, что ли?

Олег. Какие уж там шутки. Действительно – «фальшивый витамин». Кроме инфарктов, пока ничего.

Константин. Если она... это будет такое наказание, с которым не одно преступление... (*тихо*) ...не выдержит сравнения. Слушай, Олег, а если деньги у Виктора?

Олег. Виктор за тридевять земель, есть ли какая-нибудь логика, чтобы ему поручать такое важное дело? Потом Виктор – сын, и один из прямых наследников. Нет-нет! В этом деле нужен человек, который до конца верен и действует слепо по составленному плану. Таким человеком может быть только женщина, и такая преданная, как Анна Николаевна. Наверное, он так решил: сыновья перессорятся, начнут в свою сторону тянуть, а она, как солдат, выполнит его последнюю волю до конца. Вот она её и выполнила. Мы-то ваньку сваяли: нет бы с ней по-хорошему поговорить... Кто же знал?

Константин. С ней и поговорить-то закавыка.

Олег. Значит, ты говорил с ней?

Константин. С чего ты решил? Нет, конечно, не говорил и очень жалею. Потом, она бы мне ничего не сказала. У нас идиосинкрязия.

Олег. По-моему, она очень обрадовалась твоему тосту.

Константин. Я говорил не о ней, а о маме. А с ней, если хотите знать, должны говорить вы. Да-да! Валя и ты! Вдруг она действительно... (*Почти истерически.*) Черт бы побрал эти деньги!! Когда их нет – беда, когда они с тобой – горе. Мало – плохо, много – сажают. Очень много – приходится рулить страной. Завтра вам надо ехать в больницу и просить с Нюрой свидание. (*Дружески обнимает Олега.*) Знаешь что, Олеша, попроси, чтобы с ней поговорила Валентина. У нее получится. Надо предложить ей равную долю, спокойно все разделить и... забыть о ней.

Олег. А почему бы тебе не взять пистолет и... ещё раз не попробовать?

Константин. Какой пистолет? Олешка, что с тобой? Ты что, английской соли наелся? Пистолет какой-то...

Олег. Пистолет! Который вначале хранился на даче, на всякий случай, для охраны хозяйства, потом перекочевал сюда, в шкаф, где ты рылся...

Константин. Тебя, видимо, на Спасательной станции перепугали, вот ты и бредить начинаешь?

Олег. На станции дослушали до конца и не забегали. И, как выяснилось, все хорошо поняли.

Константин. Вот что, следовательно, не родилась ещё та мышь, которая кошке на хвост колокольчик подвывает, понял? Где этот пистолет? Чего ты добиваешься?

Олег. Пистолет тебе понадобился, чтобы узнать у Анны Николаевны, где находятся деньги. Ты врешь, что с ней не говорил. Вы остались одни, и ты стал... её пытаться... Перед уходом ты проверил меня. Поняв, что у меня денег нет, ты вычислил и взял на «мушку» Анну Николаевну.

Константин. Бред!

Олег. Ты требовал денег... угрожал! А когда с ней стало плохо, начал вызывать «скорую помощь», а пистолет оставил (*подходит к столу*) вот на этом месте. (*Указывает.*) Пистолет, какой бы он ни был, в случае (*делает жест руками*) страшная улика... Я видел, как ты его прятал. Он был в правом кармане пиджака, теперь там ничего нет. Ты его выбросил? (*Пауза.*) Выбросил! А предварительно сделал вид, что торопишься за лекарством. Пузырек, который ты убрал, сердечный препарат «Интеркордин». В одном случае ты назвал его «от печени», в другом иначе. А именно: «Вот ещё сердечное». Так ведь?

Константин. Что так?

Олег. Если с Анной Николаевной что-то случится, ты знаешь, кто ты тогда?

Константин. Кто? Преступник? Убийца? Галиматъя! Решил раскидать конкурентов, Олег? Как же, Валентина отказалась, того гляди и Степан откажется... А сейчас придумал, как со мной рассчитаться? Хорош гусь! Ну-ну! Пистолет он видел! Где он?! Кто поверит этой легенде? Ты? Полиция? Ну, тогда давай, звони, расследуй! Не на того напал, голубчик, не таких на бугре видел и не испугался.

Звонок междугороднего телефона.

Олег (*берет трубку*). Да, заказывали, минутку. (*Константину.*) Возьми! Москва.

Константин берет трубку.

Константин. Здравствуй, Тата. Как ты? Что случилось? Так? Подожди, когда было собрание? Ну и что же? Ну вот! Я же предупреждал! Сто раз предупреждал! Возить такую машину по сцене – глупость! Он, скотина, специально это делает. Ну, подожди, он у меня на соплях качаться будет. Как я могу вылететь, когда здесь... Потом, приеду, потом... Но они хоть начали монтировать сцену? Нет! Да как тут не выходить из себя, когда кругом болваны... Ну, хорошо, скажи, пожалуйста, что я лечу. Все здесь бросаю и лечу. Постараюсь.

Поздно вечером или рано утром. Пока. Хоп. (*Кладет трубку.*) Вот видишь, три дня меня нет и... караул! (*Набирает номер телефона.*) Касса аэропорта? Что у вас на Москву? А утром? Есть. Хорошо, спасибо. (*Закуривает.*) А ты хорош! Приехал к родным, а здесь к стенке ставят. Детектив доморощенный! И это называется: мой дом – моя крепость. Не стыдно?

Олег. Дом-то хорош...

Константин. Вот-вот, гундишь, как черт из табакерки. Я знаю, из-за чего ты обозлился – показалось, что я хочу лишить тебя твоей части? Как не стыдно! Поверил первым эмоциям! Если хочешь знать, у меня кроме отцовских денег и свои есть. Ты слышал: собственное дело, женщина, причем какая... перспективы впереди... Буду директором... А ты решил, что Никитин свихнулся, на своих бросается. Что ему делать нечего, так ты решил?

Олег. Ты почему не приехал на похороны отца?

Константин. Не мог. Мы с Татьяной решили поехать за границу, во Францию. Визы, все на руках. А тут телеграмма Степана. Умер! Я хотел поехать, очень хотел. Он хоть и не любил меня, но ведь отец.

Олег. Брось, не увливай.

Константин. Она – ни в какую!

Олег. При чём тут она?

Константин. При том! Три года назад, когда без работы торчал, просил отца – помоги, подбрось что-нибудь. Ну, тыщонку какую-нибудь долларов – нет! Наотрез отказал. «Блатной работы ищешь, сынок! Иди-ка ты хоть в ассенизаторы, в сторожа, но не попрошайничай. Я в твои годы!..» Она, как прочитала его письмо... Случайно, у меня в кабинете обнаружила, – у нас только все начиналось, – белая сделалась. У нее отец шишка, в Счетной палате работает... А тут... взорвалась! Старик ведь прямой был, говорил и писал, как судебный приговор. «Параноик у тебя, отец», – сказала. «Сколько пересажал – не признавался?» Разругались вдрызг, а потом... *(Искренне.)* Люблю я её... капризная, эгоистка... держит меня – во, а замуж не идет... У нее успех, связи, мне помогает, а я рядом приставкой маячу... А если и эти деньги уплывут, тогда и домой не возвращайся. Нехорошо получилось... Зачем надо было говорить это Степану. Нехорошо...

Олег. Послушаешь тебя, ты и жить как будто умеешь, а насквозь фальшивый.

Константин. Не веришь?

Олег. В заграничную поездку? Верю.

Константин. Тогда при чём тут «фальшивый»?

Олег. Костя, ты, по-моему, в душе места живого не оставил. *(Резко.)* Степан, видите ли, нехорошо поступил, что рассказал, как отец повел в истории с Иваном. Ты чего с больной головы на здоровую пеняешь? Только что увезли Анну Николаевну. Это гнусная подлость то, что ты сделал.

Константин. Хватит! Что я сделал?! Что ты знаешь о моей жизни, чтобы бросаться такими словами. У тебя на все готовая рецептура: черное и белое, а остальное – гнусная подлость! Страус! Укрылся в заповеднике. Нашел место. Наше поколение к станку жизни пробилось, дела делают, деньжищами ворочают, а ты укрылся, спрятался, стру-у-сил! Людей не знаешь, боишься. Злым стал! Завидуешь! Из леса носа не кажешь. Почему? Стыдно, что такой? *(Стучит по спине.)*

Олег *(еле сдерживая себя).* Не стыдно! Жалости не хочу. Понял?

Константин. Не ври! Небось ночью зубами скрипишь – бабу хочешь?! Деньги понадобились? А тебя вместо бабы «Красная книга» в объятиях душил.

Олег. Ты с детства по сердцу лупил. Не больно, не радуйся. Вот кричишь ты не своим голосом, чужим и безрассудным. Ты – это не все поколение. Ты – пивная опара поколения. Вы пробилось к станку жизни? Да вы около него и не были. А если и стояли, то под себя гребли: ограбили страну и смылись. Сколько их: смоленских, березовских, гусинских... Что не имя – раковая опухоль России. Заповедник – да ведь это – заповедный край. Ты хоть ухом это слышишь, глухой? Край, где ещё живут заповеди, где люди получают в дорогу добро, любовь, дружбу, радость...

Константин. Глухарь на току. Жизнь по тебе бульдозером проехала, а ты на неё крестишься. А жизнь другая! Она так тебя оприходует, что не заметишь, как в дамки выйдешь или в колумбарии окажешься.

Олег. Не ново! Тяжело живется, поэтому все позволено? А умирать-то со словами: Господи, прости, придется. Ты хоть вдумайся, что ты натворил?! Человека с инфарктом отправили.

Константин. Неправда! Не было этого!

Олег. Не лги!

Константин. А ты докажи! Вот телефон: зови полицию, устраивай очную ставку и сажай двоюродного брата... На, бери телефон. *(Ставит перед Олегом аппарат.)* Давай, действуй! *(Сам набирает номер телефона.)* Алло? Полиция, я прошу разобраться в одном деле. У нас по адресу... *(Олег нажимает рычаг.)*

Олег. Подожди, это не убежит.

Константин. А, не убежит. Испугался! Опять испугался. *(Хочет.)* Я учу, что сейчас надо делать, а он кричит: что ты с ней наделал, караул! Завтра, как только её приведут в порядок, всё – Виктор, Степан, Валька, ты – к ней и всеми... путями узнать. Все средства употребить, но выпытать. Твоя лесная философия хороша в бане, с пивом и веником под мышкой. Вот там все парят, там все локомотивы истории, а здесь винтом ты был и горбатым трусом останешься.

Олег. Что? Кем я останусь?

Хватает подвернувшуюся под руку монтировку и бросается на Константина. Константин едва успевает отвернуться. Удар приходится на поминальный стол. Звон разбитой посуды. Птичья трель звонка. Константин и Олег бросаются в разные стороны. Быстро входит Валентина, в руках коробка.

Валентина. Вы что заперлись? *(Прячет ключи. Олегу.)* Возьми. Виктор приехал. Поставь на окно. Костя, у него вещей полно, помощи.

Константин быстро уходит.

Олег. Как Нюра?

Валентина. Плохо. В машине на секунду глаза приоткрыла, что-то прошептала. Кажется, про игрушки: то ли самолет, то ли пистолет... О ребятах, видно, что-то хотела сказать. Белая вся, господи, что будет – не знаю? Где мальчишки?

Олег. Не беспокойся, они на голубятне что-то мастерят.

Валентина *(выходит на балкон, кричит).* Николай! Андрейка! Через полчаса – домой.

Валентина возвращается в комнату, к уда шумно входят Виктор, Ирина, Степан и Константин.

Олег *(навстречу Виктору).* Наконец-то! Гляди, какой... Лоснишься, как баргузинский соболь. *(Обнимает Виктора.)*

Виктор. Здорово, лесник! *(Тискает Олега.)* Здорово, алмаз тайги! Ты что так постарел? Или борода тебя изменила?

Валентина. Видишь, и я тебе про бороду говорила.

Степан. Как багдадский купец, с кучей поклажи. Костя, клади коробки вот сюда.

Константин ставит рядом с чемоданом коробки.

Константин. Как тебя пустили в самолет? Столько барахла, да ещё не нашего.

Виктор. Да ведь это все было в чемодане. С собой только сумка. А потом на «схему» посмотрели *(показывает на лицо)*, все ясно – проходи. Наш брат, как ни драпируйся, нигде не спрячется: на века отлили.

Все смеются.

Олег. Друга устроил?

Виктор. Спасибо, полный порядок. Но пыли у тебя в квартире, хоть картошку сажай.

Олег. Уберемся. Он твой друг?

Виктор. В дороге познакомились, он из Находки. Вез меня до Владика на своей машине – я на рейс запаздывал, захотел к нам прошвырнуться. В аэропорту на стоянке заперли «ауди», уходим, а он машине говорит: «Если ты настоящая подруга, ты дождешься». (*От души хохочет.*) Ну, как вы тут? (*Обнимает Валентину.*) Ребята где?

Валентина. Во дворе, пусть пока.

Виктор. А чего, зови!

Валентина. Чуть позже, а то поговорить не дадут.

Константин. Докладывай, где был, что видел?

Валентина. Поди, из-за границы не вылезал, ага?

Виктор. Япония, Канада, Южная Америка...

Константин. А в Штатах?

Виктор. Не был.

Константин. Телеграмму от твоих старпомов получили.

Виктор. Знаю. А то я с борта – в машину, и еле-еле успели... Дождь, слякоть... Июнь у нас паршивый...

Константин. Город, говорят, красивый.

Виктор. Растет... Народ у нас хороший, добрее москвичей, но хуже питерцев.

Валентина. Ты, наверное, проголодался?

Виктор. Подожди, тут я вам привез кое-что. (*Открывает чемодан и коробки.*)

Вот это ребятам, Валя. Пневматический тир: четыре пистолета, два ружья, мишени, игрушки, выгородка, в общем, тир на дому.

(*Отдает Валентине. Та целует его.*) Это – Алешке, проекционный и слайды. Тут все о Владивостоке. (*Отдает Ирине.*)

Ирина. Спасибо, Витюша.

Виктор. Так, теперь большим. (*Достает старые ржавые кандалы.*) Тебе, Костя. В Гондурасе у одного негра выменял на японскую зажигалку. Старое кладбище сносили, а там вот это. Тут есть надпил, вот. (*Показывает.*) Совсем немного осталось, не смог – видно, добились мужика... Показывай в театре, а лучше у себя в кабинете держи, пугай кандалами нерадивых. (*Хохочет.*)

Константин. Да, шутишь ты отменно. Спасибо. Придется тебе хомут подарить. У Чехова жениху хомут дарят.

Виктор. Устанешь, Костя, невесту искать.

Константин. У нас в Москве один тоже маялся-маялся, зарился-зарился, а вишневой косточкой подавился.

Виктор (*Ирине*). Это тебе, Ирина. Бусы и гребень из зубов молодой акулы. Только осторожно – холодное оружие. (*Поворачивает гребень, он превращается в нож.*) На Гаити купил. Женщины в волосах держат. А пока в голове такое, мое время жениться не наступило.

Ирина. Так мы тебе не акулу, а подлещика найдем.

Виктор. «Под» – мне не надо, мне – рядом надо. Степан, тебе. (*Подает засушенный, на подставке, рыбий пузырь.*) Японки морякам в путь пузырь сушат. Поверье такое.

Степан. Это вроде, чтобы не утонуть.

Виктор. Вот-вот... Ну, а это тебе, Валя. Чистое, земное, носи. (*Подает коробочку.*)

Валентина открывает.

Ирина (*поглядев*). Вот это-да! Сережки...

Валентина. Где ж я носить их буду? Работа да дом...

Виктор. В кино, у телевизора надень. Я бы в ванной полежал в них...Найдешь где... Олег, это тебе. *(Отворачивается и надевает страшную резиновую маску. Произносит на английском корявую тираду.)* Будешь браконьеров пугать до заикания... *(Передает Олегу.)*

Олег. Да, в ней до «кащенко» доведешь.

Виктор *(выкладывает из чемодана).* Тут мелочь сорочки, сигареты, книги... Разбирай, кому что нравится...

Константин. Ты что-то в этот раз расщедрился.

Виктор. Оплошал, ребята. Сейчас в порту год сидеть придется, на мели... Так что последние презенты.

Пауза.

Валентина. А что случилось?

Виктор. По недосмотру пропала часть товара. Попросту сгнила. Я был, так сказать, «счетной палатой». Вовремя не поставил в известность. Не знал. В общем, надо выплатить задолженность. Часть я отдал.

Константин. Приехал ты вовремя. *(Смеется.)*

Виктор. Ладно... Проехали! А это – Нюре. *(Достает красивое расшитое полотенце.)* В Канаде у духоборов увидел – реликвия. Где она?

Пауза.

Ушла? Степан говорил, что она здесь.

Олег. Только что увезли – сердце.

Степан. Сердце? Уезжали, нормально все было?!

Константин. Тебе кажется, что нормально.

Степан. И где она? В больнице?

Валентина. Во второй, за мостом.

Степан. Что здесь произошло?

Олег *(Константину).* Давайте позже об этом. Да, Константин?

Степан. Что значит позже?

Олег. Степан, ты же видишь, Виктор приехал... Успокойся! Была «скорая», оправили её. Валя отвезла...

Константин. Имей терпение – расскажем.

Степан. Ничего не понимаю...

Валентина. Давайте к столу.

Виктор. Да, горячо у вас, братцы.

Все рассаживаются за столом. Тяжелая, напряженная тишина. Никто не решается говорить, переглядываются.

Олег *(Виктору).* Степан, наверное, по дороге тебе рассказал.

Степан. Пунктиром.

Олег. Больше года мы не видели тебя, Виктор. Александра Константиновича схоронили достойно, но без тебя... Мы все ждали, когда ты вернешься. Вот... Теперь все вместе... Самые близкие, кроме Нюры... Прежде всего надо помянуть Александра Константиновича, но...

Константин (*не выдержав*). Прости, Олег, долго ты подъезжаешь. Вот, нам передали от отца письмо... Посмертное! (*Передает письмо Виктору.*) Разговор идет о наследстве.

Виктор читает письмо. Все внимательно следят за ним.

Виктор. Так. Ну и что, переругались? Не поделили? Что молчите?

Степан. Как скорпионы в банке сцепились.

Константин. Выбирай выражения.

Валентина. Степан правду говорит.

Константин. Сте-е-пан! Степан многое здесь натворил. Дожили, бандиты в дом звонят. Угрожают.

Степан. Кто?

Олег. Потом.

Константин. Что потом? Звонил твой Петрик. Сказал в лоб: заявишь про Ивана – все! Либо Алёшку где-нибудь... стукнут...

Ирина. Алешку? Вот, доигрался со своим освобождением.

Константин. Да, либо тебя, Степан, достанут. Вот так! Допрыгался! Вот она, твоя правда: сына подставил, с бандитами связался, и Нюра – в больнице.

Виктор. И все из-за письма?

Олег. Да. Начались разгадки, слово за слово, стали ссориться, и вот... Нюра не выдержала.

Константин. Виктор, мы тебя ждали, скажи: эти... проклятые деньги... может быть, все-таки у тебя?

Виктор. Нет, не у меня. С чего вы взяли? Я был в море.

Большая пауза.

Константин. Я так и знал! (*Смеется.*) Вот вам урок... Туз бит шестеркой!

Виктор (*встав*). Давайте, прежде всего, помянем отца. (*Подходит к фотографии.*) Он прожил трудную жизнь. Не знаю, выдержал бы кто из нас такую судьбу. Легко быть человеком, когда тебя не кантовали. А если пришлось отступить, надломиться, чтобы выжить? Что, крест ставить на человеке? И все-таки ему повезло! К концу жизнь, благодаря Анне Николаевне, нашему отцу удалось выпрямиться и стать...

Звонок телефона. Валентина снимает трубку.

Валентина. Слушаю? Да, Игнатьева у телефона. Да, доктор. (*Выкрикивает.*) Что?! Когда умерла?! Десять минут назад. Почему? Не приходя в себя... Да, у нее родственники есть. Мы самые близкие. Хорошо, в понедельник заберем.

(*Кладет трубку.*) Это я виновата, телефон оставила. Не оставляла бы – жила Нюра... (*Закрывает лицо руками.*) Сквозной инфаркт, даже в сознание не пришла.

Степан. Инфаркт? Из-за чего?

Константин. Что теперь говорить? Сам знаешь...

Пауза. Все молчат.

Виктор. По-моему, у нее родных нет.

Валентина. Только мы... (*Плачет.*) Нам и хоронить.

Константин. Да... Вот беда. Мне на работу надо срочно. Сегодня разговаривал с Москвой. Она где живет?

Валентина. Неподалеку, на Мира. *(Берет подаренное Виктором полотенце и расстилает на том месте, где сидела Косовец.)*

Ирина. Надо вещи собрать ей к понедельнику.

Константин. А как их собрать?

Валентина. Сумка её здесь, ключи от квартиры, наверное, здесь. *(Берет сумку и достает из нее ключи.)* Да, вот они. *(Кладет ключи на подоконник.)* Надо в монастырь позвонить. *(Берет трубку. Набирает номер.)* Благословите, матушка. Это дочь Никитина, Валентина, беспокоит. Только что умерла Косовец Анна Николаевна, что во втором корпусе на первом этаже работала.

Во время этого разговора Константин незаметно забирает ключи и прячет себе в карман. Только Виктор это видит.

В понедельник будем забирать, матушка. Да-да, сердце. Пусть звонят, матушка, мы дома. Спасибо, матушка. *(Кладет трубку.)*

Константин. Надо действовать. Дай мне телефон Берлина, Валя. Необходимо подготовить соответствующие документы. *(Валентина дает записную книжку с номером телефона. Константин набирает номер.)* Анатолий Иосифович? Никитин-старший у телефона. У нас беда! Только что умерла Косовец. Внезапно. Сквозной инфаркт. Нервы, выпила! Да, была «скорая», не смогли. В больнице скончалась. Только что оттуда позвонили, нам надо обсудить, что делать, какие документы нужны для похорон... В понедельник надо забирать. Если я сейчас приеду к вам, и мы посоветуемся, что предпринять... Да, и похороны, и все остальное мы берем на себя... Хорошо, я сейчас выезжаю. Я помню ваш адрес. Квартира тридцать девять, хорошо. *(Кладет трубку.)* Я еду. Утром мне надо улетать, поэтому все формальности мы уладим сегодня.

Степан. Я с тобой.

Константин. Нет, ни в коем случае. Ты выпил. Я возьму такси. Не исключено, что тебя караулят твои дружки. Хватит нам сегодня впечатлений и горя. *(Быстро направляется к двери.)*

Виктор останавливает его.

Виктор. Постой! *(Вытаскивает из кармана Константина взятые ключи.)*

Ты же к Берлину? А зачем тебе это? *(Бросает ключи на стол.)* Ну, объясни?

Константин. А ты что, не понимаешь?

Виктор. Не понимаю.

Константин. Я хочу проверить свою... версию до конца.

Олег. Ты называешь это версией? Да это просто... Докатился!

Валентина. Костя, ты хотел проверить её квартиру? Рыться и искать деньги, так, что ли? Какой ужас!

Константин. Кретины! Она сама сказала...

Ирина. Что сказала?

Степан. Не крути, говори правду.

Константин. Хорошо, вот как было: мы остались вдвоем, и она... призналась... *(Решиительно.)* У нее все! Причем, не на книжке, а в квартире! Валя, да разве я из-за себя? Что мне, больше всех, думаете, нужно? Ну что, что вы так смотрите на меня? Хотел сюрприз сделать! Кто бы из вас туда пошел, чистюли?

Виктор. Ты сказал: «Призналась»! Она сказала, что деньги у нее?

Константин. Да! Я только не понял, где?

Олег. Он врет! Валя, помнишь, я у тебя спрашивал про пистолет?

Валентина. Да, а что?

Олег. Где он был?

Валентина. В шкафу...

Олег. Его там нет.

Валентина подходит к шкафу и внимательно проверяет верхнюю полку.

Валентина. Он был здесь.

Константин. Не ищи, сестренка, я его выбросил. Нельзя такое держать в доме. Пусть сломанный – все равно не полагается. Я искал очки (*показывает очки*) и наткнулся. В канал выбросил – так лучше. (*Олегу.*) Понимать надо. В доме дети, вдруг найдут – это не шутка, оружие.

Олег. Не поэтому ты выбросил.

Константин. Заткнись ты, урод! Или я задушу тебя собственными руками. Кто ты такой здесь? Кто? Пятое колесо в телеге! (*Кричит.*) Прихлебатель!

Олег бросается к Константину. Виктор останавливает его.

Виктор. Озверел совсем? «Задушу!» Значит, ты выбросил пистолет, потому что испугался за детей?

Константин. А что тут удивительного?

Виктор. Просто другие люди тебя обычно не волнуют.

Константин. Не зарывайся, меньшей!

Пауза.

Виктор. Что здесь произошло, Олег?

Олег. Здесь убили. Убили женщину... Всем нам дорогого человека.

Виктор. Кто?

Молчание.

Степан. Я.

Все ошеломлены его заявлением.

Ирина. Понес дурь на прилавок.

Виктор. Ты что говоришь?

Валентина. Витя, он рассказал ей про отца. Про то, как они с Иваном поступили. Ты ведь ничего не знаешь, как было на самом деле. Отец... Отец скрыл, что Ваня... (*Затлакала.*) Ваня не хотел, это случайно вышло.

Виктор. Ну, что отец, говори, Степан!..

Степан. Отец заставил меня промолчать. А было так: я драку начал с Петриком, врезал ему. Врезал, а тут из подворотни Карась с Химичем. Вот и понеслось...

Пауза.

Виктор. Что замолчал?

Степан. Да нет, теперь уж доскажу. Чтобы и ты всё знал. Я крикнул Ивана на помощь, когда началась драка. Он выскочил из дома, и запустил в них кирпичом. Темно было, вот в Карася и попал. Мы – врассыпную, а Иван там остался, его одного и схватили. Я к отцу. Он на участке был. Тот приказал...

Виктор. Что приказал?

Степан. Молчать, пока не разберется.

Виктор. Так, что дальше.

Степан. Отец разузнал все и заявил... «Ваньке не отвертеться, а ты молчи!» Потом добавил: «Сам виноват, был бы трезвый – кирпичей не швырял бы». Прости, Валя.

Пауза.

Виктор. Так и сказал? А что же ты?

Степан. А я струсил. Если бы всех взяли – никогда бы столько ему не мытарить.

Пауза.

А сегодня рассказал Нюре про это, вот она и не выдержала. Меня сберег, получается, а ее...

В магнитофоне отчетливо зашумела кончившаяся пленка.

Валентина. Олег, выключи. Это я забыла.

Олег, быстро сделав перемотку, включает.

Голос Степана. А сегодня рассказал Нюре про это, вот она и не выдержала.

Олег включает длинную перемотку. Все напряженно ждут. Олег включает запись.

Голос Косовец. Это всё... всё ложь! Пустите меня! Я... Я любила Александра Константиновича! Любила в нем всё: характер, достоинство, прямоту... А ты!.. Ты!.. Ты – дрянь! Ты – чудовище!! Расстоптать единственное, что у меня есть... Подлец! (*Плюет.*)

Голос Константина. Нет, пока ты, божья коровка, не вернешь все до копейки, до тех пор не сойдешь с этого места. Ты любила? Ты обманула его. Играла, как старым пуделем, жадным сделала. Из-за тебя я его уважать перестал. Где деньги? Где, говори?!

Голос Косовец (*задыхаясь.*) Нет! Нет! Нет! Пустите! Пусти!

Голос Константина. Где эти деньги? Мне нужны деньги! Го-во-ри! Или я буду стрелять!.. Ну! Р-а-з! Два!

Звук падающего тела.

Встать! Встать! Вста-а-ть!

Олег выключает магнитофон. Пауза.

Степан. Сволочь.

Виктор. Оставь его! (*Пауза. Говорит медленно, судорожно.*) Господи! Нюра! Нюра... Накренило нас. Как на том корабле. Как же звали его? Вспомнил, Дрозд. Дрозд его кличка была. Рассказывали... Последний рейс у него был. Старая посудина. Уголь у них волной сбило – крен! Капитан, мальчишка, испугался, СОС дал. Дрозд кричит: «Забортную воду гони в балластные танки!» Тут мотор полетел. Он туда – помочь! А вода пробила переборку и рванула на правый борт. Крен больше сорока градусов... Конец! Вдруг сухогруз – услышал. Все рванули с корабля. Дрозда недосчитались в суматохе. Вернулись – мертвый. А корабль стоит, как ни в чем не бывало. Выровнял. В другой отсек воду успел пустить. Не сбежал, как капитан недавно потерпевшего крушение «круиза». Вот оно: обо всех думал. Шибануло его обо что-то – висок пробит. А рядом бумажник с деньгами выпал. Много, все, что заработал. Деньги... Да... Мокрые, разбухшие – кисель. И теперь никому не нужные. А когда хоронили его, оказалось, белье на нем чистое! Успел перед смертью переодеться. Да он и жил в чистом...

Валентина. Витя, как же нам теперь жить?

Пауза.

Виктор. Жить? Не знаю... Фарс начинается там, где умирают герои.

Достает телеграмму. Подходит к репродукции картины «Не ждали». Снимает. За картиной сейф встроенный в стену. Подсматривая в телеграмму, набирает цифры. Открывает сейф и достает большую пачку долларов. Бросает их на стол.

Вот, лимон! Жуйте, только оскомину не набейте!

Никто не двигается.

Занавес

Волчий круг
Пьеса в двух действиях

Действующие лица:

Петрович.

Капитолина.

Варвара.

Любовь.

Эдуард.

Григорий.

Сергей.

Первое действие

*Се Аз посылаю вас яко овцы посреди волков.
Евангелие от Матфея 10.16*

Старый заброшенный дом в Тульской области, в деревне Большие Камни. В доме несколько комнат, но остатки быта сосредоточены в столовой, где меньше протекает крыша. Здесь две койки и лежак, аккуратно накрытые полинявшими покрывалами, платяной и кухонные шкафы, коричнево-грязноватого цвета стол, укрепленный с боков грубо прибитыми досками, стулья и желтого цвета табуретки. В углу пылится телевизор «Горизонт», а на стене – фотографии. Их немного, но лица предков еще различимы, не столько улыбочивые, сколько торжественно-онемевшие перед объективами 60–80 годов. Только, пожалуй, старинное резное кресло в красной бархатной обивке не согласуется с этим набором старых вещей и стен. Впечатление, что все в доме аккуратно складировано, чтобы не досаждать заботой о себе. В этот богом забытый уголок на сбор картошки в пятницу до воскресенья приехали три женщины. Они только что вошли в дом. Люба переодевается и что-то напевает, Варька щепит ножом полено, чтобы растопить печь, Капитолина разгружает сумки со снедью.

Капитолина. Бог ты мой, еды на неделю. *(Разворачивает сверток.)* Котлеты, кажется, недожарила – торопилась.

Любовь. Петрович умял бы все. *(С горечью.)* Почему он не приехал, так и не пойму.

Капитолина. И я не пойму. Был в Туле, за день мне звонил, и вдруг – на тебе, не пришел на вокзал.

Любовь. Капа, а ты в четверг дома была?

Капитолина. Вечером. Утром в ателье, а после обеда отпросилась и – за продуктами. За полтора часа все прилавки облазила.

Любовь. Ты лазила, а он, может, звонил, предупредить хотел. Мне-то не дозвониться – четвертый телефон ломается. Шнур длинный – все время аппарат цепляю.

Капитолина. А мобильный?

Любовь. Забросила! Не напасешься.

Капитолина. Странно, я к тебе все время дозваниваюсь. Вечером я же с тобой разговаривала?

Любовь. Ха! К вечеру я свой телефон в срочный ремонт отправила.

Капитолина. Что-то я такого не знаю.

Любовь. Да очень просто: хрясть его по морде, он и зазвонил. Я баба одинокая, силы много. Меня по совместительству в любой мужской коллектив как бюро ремонта определять можно. Одно только, боюсь женам настроение испортить.

Капитолина. Ты и впрямь испортишь. Вон зад, как у трактора. Словно на бугор лезет. *(Обе хохочут.)*

Любовь. Интересно, все юбки мне шьешь, чтобы зад подчеркнуть, а тут хулишь.

Капитолина. Не хулю – завидую. *(Подходит к Варваре.)* Ну что, получается, Варя? *(Варвара пожмает плечами. Показывает на дрова.)* Ну да, поленья волглые. Весной в подвал нальет воды, потом в доме, как в сырой камере, сидишь. *(Тихо Любе.)* Что-то Варвара после кладбища приуныла.

Любовь. А что ты хочешь, это только в песне: «А на кладбище все спокойненько».

Капитолина. Помню, они из Грозного как очумелые сюда приехали. Дом почти даром купили, а жить не пришлось – отец преставился, а она в Тулу на заработки подалась. Трудно ей – совсем одна.

Любовь. Без хозяина баба, как спущенный мяч – не побьешь и не покатишь. А мы с тобой так и вовсе – калоши на прилавке.

Капитолина. Это ты в свой огород, голубушка, мячи бросай. Я вон в городе день и ночь педаль жму, народ обшиваю. И здесь осенью и весной не разгибаюсь. Картошку, лук сажаю.

Любовь. Так выходила бы за Петровича. Ведь с детства знаете друг друга. Глядишь, и педаль вместе жали бы. *(Хохочет.)*

Капитолина. Ну и язык у тебя, Любка. Небось своя педаль заржавела – другую пристроить хочешь? Я для него в детстве пигалицей была, под стол пешком ходила, а он в армию ушел, потом в Афганистане воевал. Только в Туле и встретились. А потом, ты только на словах – «выходи!» А сама, как сторожевая овчарка, на меня же и накинешься.

Любовь. Нужен он мне! Был конь, да зубы стер.

Капитолина. Не стыдно! То ему черт-те что на уши несешь, а то, поди же – «стер». Он человек веский, рядом идешь, за версту видно – мужик. Только раз и заметила его не в себе, после смерти Степана Ивановича. Да и то понять можно. Завьялов для Петровича с детства кумиром был: герой войны, друг погибшего отца. Можно сказать, второй батя.

Любовь. Присохла ты, я вижу, телочка. Он и звонит тебе последнее время чаще, и глядит на тебя мягче. *(Варваре.)* А она для отвода глаз мне его приписывает.

Капитолина. Ну вот, раскатала губы – теперь не остановишь! Ты бы при нем такой смелой шумела, а то ведь тоже краснеешь, как девка на выданье.

Любовь. Ох ты – ух ты! Краснею! *(Подходит к Варваре. Говорит с артикуляцией.)* Варька, ты бы керо-сину, что ли, нали-ла, а то печь мле-ет, как бло-ха на перине. *(Варька утвердительно машет головой.)*

Капитолина. Непонятно. Ведь договорились на поезд, который в два тридцать отходит. Ничего не пойму...

Любовь. Пока мы тут кренделя разводим, у него, поди, в другом уезде дела наладились. *(Хохочет.)*

Капитолина. Да хоть бы и так. Что на роду написано, то только Бог поправить может. А он пока на нас не разжалился. *(Варвара делает знаки, что печь разгорелась.)* Спасибо, Варя. А то от сырости спина немеет.

Любовь. Кстати, Капа, надо бы и баньку протопить. Вечером в самый раз погреться.

Варвара делает знаки, что она готова и баню протопить.

Капитолина. Хорошо, хорошо, Варя! Затопи. К вечеру сгодится – попаримся. Поленья-то помнишь, где? *(Варвара делает знаки.)* Правильно, под козырьком сарая. *(Варвара берет топор, нож и выходит.)* Ты знаешь, Люба, из рук все валится. А вдруг с ним что случилось?

Любовь. Да бог с тобой. У него здоровья на двоих. Разве ж на ноги жалуется.

Капитолина. Это Афганистан. Его там сильно ранило.

Любовь. Не причитай: он крепкий, как полено.

Капитолина. Эх, кабы так. Брата моего вспомни: мотор решил одним пальцем поднять – похвастал, а «машинка» возьми и лопни. Нет, Люба, мужики хорохорятся, а болячек у них больше нашего.

Любовь. Пьют много...

Капитолина. Пьют-то пьют, да не с радости, а так – от бессилия. Загоняют нас куда-то, а дороги не знают.

Любовь. Твоя правда: Россия как одинокая собака, все на нее лают, а она только огрызается.

Капитолина (*беззлобно*). Черти б тебя нюхали, Люба. Какая тебе Россия собака. Вон Колю моего возьми. Он и не пил сильно. А умер – и чего в нем только не нашли. Ровно молью выеденный – весь изнутри поизносился. В молодости Камазом звали: огромный, силы за троих, работал не покладая рук, а не заметила, как уездили его на стройках. Тогда что ни стройка – стройка века. Думала, сносу ему нет, а он – хруп, и поломался. (*Смотрит на стенку, где развешены фотографии.*) Говорят: «Нашему роду нет переводу». Вот они все: сынка Чечня забрала, а кого и так, без спроса. Из моих только двоюродный брат в Ангарске, а так – всех Господь прибрал. (*Достает из сумки часы-ходики, прилаживает их к стенке.*)

Любовь. А это зачем?

Капитолина. Пусть здесь тикают. Тут и место их было. Видишь, пятно на обоях?

Любовь. Чего-то ты затеваешь, подруга? Или Петровича сюда заманить надумала?

Капитолина. Его жалеть надо: начинал героем, а потом сорвался. Правду говорят: «От тюрьмы и от сумы не зарекайся».

Любовь. Жена – та у него ох какой стервой оказалась: разве можно, такой человек, а она возьми да с детьми к другому ушла...

Капитолина. Один он, как в скорлупе. Такого разве заманишь. (*Оглядывает дом.*) Все думаю, вернусь-ка я сюда, Люба. Вот пенсию получу, дом отремонтирую и сюда переберусь. Квартиру сдам. Чего город? Так, суета... А здесь все тебе родное... (*Смотрит в окно.*) Какие поля здесь, какие урожаи были при той власти... А сейчас все бурьяном поросло!

Любовь. Смотри, куда ее понесло: «Вернись!» С кем жить-то будешь, одна? Сюда уже и проехать нельзя. Вон по задам разве. Мост и тот износился: перила сикось-накось, балки на ладан дышат, того и гляди, рухнет. А речку как языком слизало, одна жижа от дождя пукает.

Капитолина. Зато демократия: кляни кого хочешь – только смеются.

Любовь. Какая демократия: старые памятники всюду, в мавзолее Ленин, звезды красные кругом...

Капитолина. Ну и что?

Любовь. А то! У власти те же, что и в семнадцатом. Но разница все-таки есть: при той власти порядок был, а при этой только разговор о порядке.

Капитолина. Не поэтому памятники оставили. Должен быть этот... кон... консенсус.

Любовь. И что это такое этот твой... констентус?

Капитолина. Не констентус, а консенсус. Это для того, чтобы не ссорились. Вот поселимся здесь, будем в гости ходить, жить-поживать и перестанем ссориться. Кстати, многие сегодня к земле потянулись, на ней выжить легче. Я сюда вернусь, может, и другие потянутся. А мост не беда – наладим. Чай, не Крымский полуостров. Жить правильно будем – так все наладим.

Любовь. Где так ты умная, Капа, а тут раньше других закопать себя хочешь. Глупо! Кончилась здесь жизнь. Ни у кого рук сюда не доходило – мало нас осталось. К тому же волки появились, теленка в Кокорино сожрали.

Капитолина. Мне все время мать снится, ругает, что дом бросила. Нет, Люба, надо возвращаться... Да и тебе сюда не мешало бы... А что волки – верно. Они под селением – к недороду или к войне.

Любовь. Да я что, рехнулась, сюда возвращаться? Миллион дай – не поеду. Чего я здесь одна куковать буду? В избе щели, сквозняк, печь коптит... Мне и в городе хорошо. Да у меня и дети в Туле. Все пристроены, работают, в гости ходим. Я еще, может... Слушай, Капа, а если без шуток, раз уж разговорились: все хочу тебя спросить да стесняюсь.

Капитолина (*настороженно*). А чего это ты стесняешься?

Любовь. А если мы с Петровичем сойдемся, ты как, ничего на это?

Капитолина (*не веря своим ушам*). Что-что?

Любовь. Если мы сойдемся, ты ничего, не возражаешь? Ведь два года топчемся обе около этого вопроса, а никуда не двинулись.

Капитолина. Тебе мое благословение нужно, так, что ли? Не получишь!

Долгая пауза.

Любовь. Почему?

Капитолина. С арифметикой у тебя плохо.

Любовь. Не понимаю.

Капитолина. Трое у тебя было – и не задержались. Ты, прости, блестяшь, а греть не можешь. Душа у тебя, прости, только для себя. Один ушел, другой к первой жене вернулся, а старичка схоронила. Глаз у тебя на мужиков, прости, заколдованный. А Петрович – человек-душа. Я ему вреда не пожелаю. Вот тебе ответ, Люба. Не сердись!

Любовь. Не стыдно тебе? Ведь не блудила я, просто не везло. А ты из меня сатану в юбку сочинила. *(Резко.)* Зря сказала! Наше это дело – не твое!

Капитолина. Вот вдвоем и решайте. Тут я лицо... *(Пауза.)* Ну да ладно, хорошо, хоть сказала. *(Вбегает Варвара, машет руками, показывает на что-то за окном.)* Петрович, что ли? *(Варвара отрицает.)* Кто-то идет? *(Варвара показывает руками руль автомобиля.)* К нам машина? *(Варвара утвердительно кивает головой.)* Господи, кого это нелегкая несет?

Отчетливо слышен шум подъезжающей машины. Женщины встревоженно взглядываются в окна.

Любовь. Машина, черный «форд»! Чего его сюда занесло?

Женщины выбегают наружу. Некоторое время доносятся отдаленный разговор, мужской хохот... Наконец в дом входят в сопровождении хозяйки трое мужчин с поклажей. У одного за спиной рюкзак, у молодого человека – гитара и сумка, третий – с дипломатом.

Капитолина. Проходите, пожалуйста! Вот вода. *(Подает кружку воды.)*

Эдуард. Спасибо, спасибо... *(Оглядывается.)* А мы думали, в деревне жизни нет. А тут дымок из трубы и три красавицы в доме. Тепло, печь топится, прямо-таки сказка... Семи богатырей не хватает?

Любовь. Так трое уже есть!.. Располагайтесь. Меня зовут Люба, я самая близкая подруга хозяйки, а это – Варя. Раздевайтесь, чайком угостим. *(Мужчины снимают куртки, устраиваются.)*

Эдуард. Спасибо за приглашение. Мы ненадолго. Отогреемся и – вперед. Однако давайте знакомиться: Эдуард Михаевич – эксперт по оценке живописи, икон, монет...

Любовь *(в сторону Капитолины).* А это хозяйка, Капитолина.

Эдуард. Очень приятно. *(Рукой указывает в сторону спутников.)* Это Григорий Иванович, а этот, с гитарой, – Сергей. Мои помощники.

Любовь. Значит, вы эксперты? Странно, у нас здесь на километры живой души не встретишь, а вы здесь оказались. И кого же вы оцениваете?

Эдуард. А что, у вас есть антикварные изделия?

Любовь. Надо подумать. Да вот хотя бы эта икона в углу. Капа, можно я ее экспертам покажу?

Капитолина. Какая ж ты неугомонная, Люба. Люди только порог переступили, а ты не свое готова продать.

Любовь. Не продать, Капа, а оценить.

Капитолина. Это дедова икона. Нельзя ее трогать. Пусть так смотрят.

Эдуард. Правильно, икона – это заступница. Не каждому ее давать можно. Григорий, достань гостинец, угощай женщин. Перекусим – да в дорогу. Надо засветло до города добратся.

Григорий раскрывает рюкзак и начинает быстро выкладывать на стол запасы еды.

Григорий. Сейчас не стол, а скатерть-самобранка будет. Давай, Михаевич, садись. Разговорами сыт не будешь.

Эдуард. Обо мне не беспокойся. Ты хозяев угощай, Григорий Иванович. Он у нас за питание отвечает. А я пока на эту икону все-таки взгляну. *(Проходит в угол столовой и рассматривает икону.)* Икона без оклада, поэтому ценность ее невелика. Но ваша икона имеет любопытную историю.

Любовь. Вот видишь, Капа, а ты рассердилась. И что в ней особенного?

Эдуард. Хотите знать?

Любовь. Конечно. Вдруг драгоценность какая-нибудь?

Эдуард. В 20–30 годы иконы советской властью реквизировались или прятались священиком. Такими смельчаками были монахи Толгского монастыря, что на Волге. Вот здесь, с угла, аккуратно отмечено «Тол». Это характерный знак на таких иконах. Значит, икона оттуда.

Капитолина *(радостно)*. Верно, дед говорил, что он привез икону издалека.

Любовь. Слава богу, после этой экспертизы я успокоилась. Вы уж простите меня, Эдуард Михаевич, но я приняла вас за проходимцев. Даже хотела, чтобы вы документы показали. Мало ли здесь отморозков по окрестностям шныряет.

Варвара незаметно выходит из дома.

Эдуард. Я так и понял по вашим расспросам. Не бойтесь нас.

Любовь *(кокетливо)*. Вас я не боюсь, а вот у Григория Ивановича плохой глаз, рассматривает меня со всех сторон, словно я модель голливудская.

Эдуард. Григорий Иванович – реставратор. Он на вас смотрит как на красивую натуру.

Григорий. Михаич, я сейчас больше на стол смотрю. Выпить хочется, продрог в дороге. Давайте к столу.

Эдуард. Сережа, а ты что там застрял, проходи, закусим...

Сергей. Гитара понадобится?

Эдуард. Это как хозяйка, можно и под гитару посидеть. *(Капитолине.)* Что касается вашей иконы, хозяйка, то, если хотите, составим реестровый номер, и купим вашу икону. Будут живые деньги.

Капитолина. Нет-нет, это наше, давнишнее, и она не продается.

Любовь. И много у вас работы в наших краях?

Эдуард. К сожалению, мало. Мы к тому же разрабатываем алгоритм спасения уникальных объектов, в том числе имеющих статус всемирного наследия ЮНЕСКО. Но и этого, к сожалению, нет в вашем районе. Поэтому погостим, попьем чайку и поедем дальше. Как говорится – волка кормят ноги, а гаишника дороги.

Капитолина. Понятно. Очень приятно. *(Протягивает руку.)* Капитолина Козлова – уроженка здешних мест. Сейчас, правда, живу... в городе Туле.

Эдуард *(пожимая руку)*. Дом, стало быть, ваш?

Капитолина. Родителей. Вернее, еще деда.

Эдуард. Значит, сюда наездами?

Капитолина. Картошку приехали обобрать. Ну, морковь, лук... Что с весны посадили.

Григорий. А урожай-то есть?

Капитолина. Конечно, каждой картошке рады.

Эдуард. Это хорошо! Стало быть, не забываете родные пенаты?

Любовь. Не положено, товарищи эксперты.

Эдуард. Хорошо у вас. (*К Любе.*) А вы, стало быть, нездешняя?

Любовь (*кокетничая*). А что, заметно?

Эдуард. Вы, как чайник, кипите.

Любовь. Мы все здесь кипятки. Правда, Капа? Я городская! Город-то наш знаете?

Эдуард. Тулу? Знаем. Давайте сядем, что ли? Угощайтесь. (*Все сосредотачиваются около стола.*) Сережа, когда поешь, крестовину посмотри у машины, что-то стучит.

Сергей (*делает основательный бутерброд*). Сейчас, Эдуард Михаевич.

Эдуард. До районного РУВД у вас здесь сколько километров?

Люба. Какое здесь РУВД! Вон в Больших Степанцах есть один бывший доходяга, так он у нас теперь по рангу и РУВД, и ФСБ. Выдвинулся, когда завязал. Кто в эту дыру полезет. Взятки не дают... бабы молодые все в город подались...

Эдуард. Вы, я вижу, не кипятки, а перец, Люба.

Любовь. С перцем горячее! А вам зачем РУВД?

Эдуард. Интернет нужен. Сообщить, где мы. Ну так что, перекусим? Не возражаете, хозяйка?

Капитолина (*кладет на стол привезенное съестное*). Так мы только рады будем. Вот сами собирались закусить. Тут курица, гречневая каша с луком, котлеты... Кажется, недожаренные...

Григорий. Закусить – это хорошо, но и горлышко открыть бы неплохо, Эдуард Михаевич.

Эдуард. С тобой, Григорий Иванович, возиться, что в крапиву садиться. Впрочем, по рюмочке не мешало бы. Наливай! Дорога выматывает. А что-то я третью не вижу, где она?

Капитолина. Баню топит. (*Хлопочет около стола.*) Дед мой говорил: «Баня без ласки – жара не дает». Люба, подай тарелки, не хватает. (*Григорий разливает коньяк и тут же выпивает. Тотчас выпивает еще. Эдуард присаживается за стол, но сразу встает.*)

Эдуард. Не могу сидеть, ехать надо! (*Рассматривает старинное кресло.*) Это чье же такое кресло?

Капитолина. Это кресло моего деда. Он сам и делал его.

Эдуард. Прекрасная работа. Дед-то ваш мастер был! Прямо трон, а не кресло. Да и вообще – отличные у вас здесь места. Если бы не работа, я бы из глубинки не вылезал. Человек взрослеет только с землей.

Капитолина. Вот и я на пенсию выйду и сюда вернусь.

Эдуард. Сюда? Ваш дом ремонта просит.

Капитолина. Подкоплю, отремонтирую. Москва не сразу строилась.

Эдуард. Что верно, то верно. Сережка, спой чего-нибудь. А то таскаешь эту бандуру, а петь некому.

Сергей берет гитару, настраивает, поет:

Здесь, под небом родным, в Колыме, нам родимой,
Слышен звон кандалов, скрип тюремных дверей.
Люди спят на ходу, на ходу замерзают.
Значит, нет, пацану, мне другого пути.

Эдуард. Куда тебя понесло? Хорошим людям дрянь поешь. Лучше выпей и иди крестовину смотри. Скоро темнеть будет.

Сергей выпивает, забирает бутерброд и выходит из дома.

Эдуард. А третью-то женщину как величать? Я и не заметил, как она исчезла.

Капитолина. Варварой ее зовут. Из Грозного она. Девчонкой с ней беда случилась – вот и... молчит теперь.

Эдуард. Что за беда?

Капитолина. Ну эта... Пятнадцать лет ей было. Да ну, не надо... Зато энергии, души у нее на троих. Мы с Любой со станции еле-еле с присядками да разговорами, а она крюком: и на кладбище успела, и здесь раньше нас дела закрутила.

Григорий. Это какое же кладбище?

Любовь. А оно одно у нас, рядом с дорогой: Большие Камни. Отец у нее там похоронен.

Григорий. Ах да, кажется, проезжали.

Эдуард. Торопимся – вот и не видим красоту земную. Разучились любить природу, не видим ее, глазеем. (*К Любе.*) Ну а вы, красавица, стало быть, городская?

Любовь. Подход у вас медовый. Видать, хваткий, все с комплимента начинаете.

Капитолина. Не ершись, Люба. Она тоже наша. Вон у нее дом с краю.

Любовь. Дом! Нашла слово. Развалюха.

Эдуард. Нельзя так о своем... Сейчас частная собственность в почете. По всей России умные люди землю скупают, а вы сторонитесь.

Любовь. Да ну ее, такую собственность... Кому мои пятнадцать соток здесь нужны? Вам, к примеру, нужны? А то отдам!

Эдуард. Мне нет, а кому-то понадобятся.

Любовь. Я уже и отвыкла от деревни. Тетка у меня жила. А теперь смотреть некому. Схоронили. Только изредка вот с Капой и Варварой приезжаю.

Эдуард. Значит, все-таки тянет?

Любовь. Ну а как же! Заглянешь в избу – вдруг домового увидишь или мужичка приبلудного, заезжего какого-нибудь! (*Хохочет.*)

Григорий. Это правильно! Приблудный, он как раз и... (*Проталкивает полено в печь.*) Горячий!

Эдуард (*смотрит в окно.*) Надо ехать, а то скоро темно станет. Гонишь по вашему району – столько домов вросло, и... никого! Ни умельца тебе, как в старину, ни петуха, ни жерди... Одни сорняки за горло Россию схватили. Беда. Все стали свободными, а хозяина нету.

Капитолина. Привычка к земле ослабла. Эдуард Михаевич, присаживайтесь к столу. Отчество у вас какое-то... особое?

Эдуард (*нехотя.*) По отцу и отчество.

Капитолина. Из каких будете?

Эдуард (*по-свойски.*) Из своих, из своих...

Капитолина. Ну, тогда перекусите, вы почти ничего не ели.

Эдуард. Кажется, вы правы. Надо поесть.

Капитолина. Чем богаты, кушайте на здоровье.

Эдуард (*возвращается за стол.*) Домашняя еда, чего уж лучше.

Капитолина. Правда, коньяк заканчивается. Григорий Иванович как-то быстро его... разлил. А у нас только четвертинка есть. Петровича нет – и запасы на нуле. Григорий Иванович, прошу вас за стол. А то вы выпили, а совсем не закусили.

Григорий. Петрович? Кто такой? Здешний?

Любовь. Корневой. (*Посмотрев на Григория.*) Любого домового прижучит.

Капитолина. Здесь все его знают. Он в Афганистане воевал. Семья у него в городе, но живет один. Сюда ездит часто. Хозяин справный – дом у него в порядке. Ну и это (*достаёт четвертинку*) его забота. еще с Пасхи осталась.

Эдуард. Так пригласите его! Он для нас находка. Где он живет? Я Серегу на машине пошлю, или вон Григорий слетает.

Капитолина (*Эдуарду негромко*). Григорий теперь уж только порхать может. А наш Петрович, к сожалению, нынче не приехал.

Эдуард. Жаль, нам для совета такой человек нужен.

Любовь. Мы все здесь для совета подходящие. Советы давать – что семечки лузгать.

Эдуард (*посмотрев на часы*). Ну что, Григорий Иванович, чего уж теперь торопиться. Видно, по темноте поедет. Неси из машины все что повкуснее: рыбку красную, икорку... Пора разносолами хозяев угостить. Видишь, женщины красивые, добрые, заботятся о тебе. А ты... порхаешь без закуски. (*Резко.*) Даними ты робу свою, словно черт из-под земли.

Григорий шумно, крихтя, стягивает грязную джинсовую куртку, из которой незаметно вываливаются несколько небольших металлических предметов. Никто, кроме тихо вошедшей Варвары, этого не замечает. Григорий, аккуратно сложив куртку, споласкивается у ведра, затем направляется к выходу. Увидев Варвару, шутливо пригибается к подолу. Варвара даёт ему пощечину.

Григорий. Ух ты! Вот это залипуха! Ну, ведьма! Я же шутя! (*К Эдуарду.*) Ты гляди, стервоза какая! Да меня от роду мужик-то боялся тронуть, а тут на тебе – баба, и прямо в рожу. Да еще такая... чернавка из Освенцима.

Эдуард. Замолчи! Хам! Иди-иди, а то и от меня получишь. (*Выталкивает разъяренного Григория за дверь.*)

Капитолина. Да разве можно так шутить. Ей же такое досталось... Ссильничали ее, пятнадцати не было. Она речи после этого лишилась. А он под подол, как дворовая шпана.

Эдуард. Простите его! Ну что сделать, хам! Да и не знал ведь, согласитесь. (*Гневно.*) Нахал! (*Варвара поднимает с пола выроненные Григорием вещи. Прячет их в карман платья. Что-то резкое и гневное жестами выговаривает Эдуарду.*) Понимаю, милая. Извини, бога ради. Ничего-ничего, все уладится... Сейчас я его позову, и он извинится. (*Встает и идет к двери. Громко.*) Григорий! Гриша! Иди сюда. (*Приоткрывает дверь.*) Слышишь, кому говорю. Курить, что ли, пошел? (*Тихо себе.*) Колдобина из дурдома. (*Женщинам.*) Сейчас я его приволоку. (*Выходит.*)

Варвара быстро прикрывает дверь и с оглядкой, жестами пытается что-то объяснить.

Капитолина. Варя, успокойся. Он глупо пошутил...

Варвара пытается объяснить, что не в этом дело.

Любовь. Не могу понять... Видно, она про другое говорит... Что случилось, Варя? Не понимаю. Где случилось? В каком месте? Далеко? Ну, скажи?

Варвара приоткрывает дверь и тут же ее захлопывает. Быстро подбегает к женщинам и показывает вещь, выпавшую из куртки Григория.

Любовь. Орден? Ну и что? Чей орден? (*Варвара пытается вновь и вновь жестами что-то объяснить.*) Не понимаю.

Входят Эдуард, Григорий и Сергей. В руках у Георгия дорожная сумка.

Эдуард (*с пафосом*). Докладываю, за дверью ночная мгла, терять теперь уже нечего – будем гулять! Вот наши запасы! (*Достает из сумки коньяк, вино.*) Красная рыба, икра, это всегда кстати. (*Подталкивает Григория к Варваре.*) Мирись! Любовь к ближнему – долгосрочная политика каждого воспитанного человека. Извинись, и делу конец. (*Григорий подходит к Варваре и довольно неохотно, жестом извиняется.*) Вот, видите, в нем мужское начало прева-лирует. Молодец! Гриша, Гриша... Такие красивые женщины, так здесь уютно, а ты... взял да окосел. Читай Достоевского «Униженные и оскорбленные», там все сказано. Прошу к столу. Теперь угощаем мы! Предупреждаю, будет шведский стол – на ногах и до отвала. (*Разливает коньяк.*) Не хватает одной стопки для нашей Варвары.

Любовь. Я сейчас, Эдик. Садитесь все. Капа, где у тебя стопки? Видишь, Эдик угощает...

Капитолина. Стопки в ведре. Там прошлый раз оставили. Ты же посуду мыла.

Любовь. Прошлый раз на природе погулять хотели, а тут дождь... (*Ищет в ведре.*) Вот они, стограммовочки.

Эдуард. Трон подвинем к столу, вот так. (*Подталкивает к столу красное кресло.*) Упирается! Не брезгуйте, ваше величество. (*Входит Сергей.*)

Капитолина. Сережа, вы бы руки ополоснули. Умывальник полный. Мыло на косяке. Вон, вон слева...

Сергей. Спасибо, мои грабли только наждаком тереть. Опять цыпки пойдут. Эдуард Михаевич, крестовину поправил. По труду и... честь.

Эдуард. Не торгуйся! Знаю, что причитается тебе. Выпей, лоцман. Мы передышку сделаем. Ах, как хорошо у вас! (*Любуется женищинами.*) Григорий, какая красота вокруг тебя, а ты куксишься.

Григорий. Первый раз такое.

Эдуард. Значит, учишься не делать ошибок. Женская наука требует подхода. Открой вино. (*Капитолине.*) Штопор есть?

Капитолина. Где-то был нож со штопором. Петрович все водочкой обходился. (*Идет искать штопор.*)

Эдуард. Конечно, Петровичу замены нет, но мы тоже... мужчины.

Любовь. еще какие! Эдуард Михаевич, можно я вас Эдиком буду звать?

Эдуард. Тогда я вас Любочкой. Идет? (*Люба кокетливо пожимает плечами.*)

Григорий. Не надо штопор! (*Пальцем проталкивает пробку.*) Готово, кисленькое. Сдавать бутылку будете, пригласите – выдерну. (*Хохочет.*)

Эдуард. Шутки висельника. Плачет по тебе закон, Гришка. Берегись, пока кислородом дышишь.

Сергей. Готово, а где полотенце?

Любовь. Перед тобой, на гвозде. (*Сергей вытирает руки, садится за стол.*) А вы, Григорий Иванович, не моетесь?

Григорий. Я бензином протираюсь, «шанель 95». Во! И аромат, и стерильно, как в морге.

Эдуард. Да что ты, черт, песню портишь. Садись, Сережа, вот сюда, в кресло. Молодым у нас дорога, старикам – хорошая индексация к пенсии. Так! Слово хозяйке. Прошу, Капитолина... Извините, отчество не запомнил.

Капитолина. Ивановна я... (*Берет стопку.*) Мы гостям всегда рады... У нас здесь пусто, поэтому каждый человек – радость. Давайте выпьем за все хорошее... Варя, а ты? (*Варя отри-*

цательно машет головой.) Обиделась. Ничего, пройдет. Давайте... Ох, не умею я лишнего говорить... Одно знаю еще от мамы: всегда надо соображаться с людьми, тогда не ошибешься, тогда и жизнь на лад пойдет.

Все выпивают.

Эдуард. Правильно, Капитолина: каждый человек – радость, поэтому и «возлюби ближнего, как самого себя». А для нас радость – встреча с умельцем, неповторимым мастером... Мы ведь разведчики, геологи искусства...

Любовь. Как-как? «Геологи искусства»? Так геологи вроде в земле ковыряются?

Эдуард. Геологи в земле, а мы в искусстве. Полномочия даны большие, и возможности есть... Я бы вам за эту вашу икону тысяч тридцать заплатил. Такую икону, между прочим, ни один имитатор не напишет. Капитолина, вы эти края хорошо знаете?

Капитолина. Знаем, особенно здешние районы.

Эдуард. А есть у вас здесь настоящие искусники своего дела? Ведь убежден – перевелись! *(Во время этого разговора Варвара незаметно выходит из избы.)*

Капитолина. А вам кого конкретно надо?

Эдуард. Нужны резчики по дереву, граверы, кузнецы, владеющие ковкой. Вот мы, к примеру, приезжаем, даем им аванс, заказываем работу, а они творят чудеса. Государство, несмотря на кризис, выделило бы средства, за уникальные вещи платило бы в два-три раза больше, а дело мастеров – штучный товар. Причем такой, чтобы в столицах ахали и удивлялись.

Любовь. Эдик, зачем столицам наша деревенская дребедень, там Америку подавай... Сколько туда народу переехало...

Эдуард. Плохо вы знаете столицы, Люба. Там ведь тоже друг перед другом не прочь покобениться: Иван – дачу, Селифан – побольше дачу. У какого-нибудь икона XVIII века, а другой хочет XVII, чуть ли не школы Рублева. Петр – мрамор на террасу, Виктор – позолоченный туалет. Видели, какой туалет у сбежавшего с Украины Януковича – сплошное золото. А мы им вместо унитазов – коньки на крыши, наличники, резьбу, поделки из серебряной нитки, иконы, живопись... Согласитесь – ведь это настоящее искусство! Притом наше исконное.

Капитолина. Дед мой был умельцем. Тогда мастеров много было. Я это кресло как зеницу ока берегу.

Эдуард. Милая Капа, подскажите, где искать таких мастеров? Мы бы их на блюдечке подали бы. Правда, Григорий Иванович?

Григорий. Абсолютная правда.

Эдуард. И пресса, и телевидение – все бы их чтили-величали. У нас связи со всеми каналами.

Григорий. И мы бы их оценили. Мы – специалисты.

Сергей. Оценим еще... Я верю, что все получится, командировка удастся. Верю, что такой энтузиаст, как Эдуард Михаевич, наконец получит докторскую. Хватит вам, уважаемый шеф, в кандидатах ходить.

Григорий. Во-во! Точно! Доктор из него настоящий выйдет. *(Увлеченно ест.)*

Капитолина. Вкусные котлеты?

Григорий. Потом скажу, когда съем.

Капитолина. А Григорий Иванович тоже по научной части?

Григорий. А вы как думаете? Неужели не видно?

Любовь. Ну, по женской части вы уже себя проявили.

Григорий. Я с женщинами редко ссорюсь. А эта? *(Ищет глазами Варвару.)* Ладно... Вот что принципиально не делаю, так это никогда за женщин... *(Наливает себе и другим коньяку.)* Не пью! Не нравятся они мне теперь.

Любовь. А что у нас такое случилось?

Григорий. Исчезла совесть. Как у нас говорят: многие стали... проститетей... Раньше женщины другими были. Блюли!

Эдуард. Глупые у тебя принципы, Гришка. Стихов я немного знаю, в основном Есенина, ну, разумеется, Некрасова, Пушкина... Но так и хочется про тебя матерный стих прочитать:

Накажи, святой угодник,
Гришку Борозду,
Разлюбил он, греховодник,
Нашу матушку – ... *(Хохочет.)*

Это не я, это Пушкин так пошутил. Григорий, посмотри, какие вокруг тебя красавицы, а ты маешься и сливаешь.

Любовь *(заметно, что о пьянела)*. Да он настоящих женщин еще не видел. Мужик ты, Гриша, крепкий, но еще необъезженный. Встретится какая-нибудь занятная юла, так враз с галопа на шаг перейдешь.

Григорий *(присматривается к Любе)*. Может, и встретится. Вот вы юла занятная. Небось и танцуете?

Любовь. А как же, и танцую, и пляшу. *(Вскакивает с места и неожиданно отбивает четку.)*

Григорий. Смотрите, пожалуйста, прямо-таки искры от нее идут... *(Захлопал.)* Вы, к примеру, замужем?

Любовь. Нет.

Григорий. Неплохо! А были?

Любовь *(с вызовом)*. Три раза.

Григорий. Три раза?! Ну и куда нам теперь, на какую кочку? Это, голуба моя, пре-любодеяние. А где же божья заповедь – да прилипнет жена к своему мужу? Где Христов закон о верности? Нету, один дьявол в юбку лезет.

Эдуард. Подожди, Гриша, ты тут в одну кучу не вали все.

Григорий. Да как тут не валить! Я вот иногда смотрю на них и думаю: осатанела житуха наша, одна пьяная свадьба танцует по жизни. Правда, и мужиков мало осталось: кругом одни папуасы, или гондурасы, или... *(Погрозил пальцем Сергею.)*

Сергей. Мрачный вы, Григорий Иванович, и юмор у вас чернокнижный.

Григорий. Помолчи, ПТУ! Я-то хоть жизнь видел, а ты сразу на хлеба командировочные устроился.

Эдуард. Ребята, сбавьте тон, не надо выносить личное. Здесь дамы, соображать надо.

Григорий. Одна уже по мне сообразила. До сих пор трамвайный звонок в ушах гудит.

Капитолина. Нельзя было ее трогать!

Григорий. Всех можно трогать! Только церемонии у одних министерские, а другие – сами, как мухи, лезут.

Любовь. Ох уж вы воображаете о себе, Григорий Иванович. Прямо-таки Штирлиц.

Сергей. Он из той компании другого напоминает. Ты бы хоть, Григорий, умылся, пот с тебя течет, как с дога слюна.

Григорий. Не виляй хвостиком, дворняжка.

Эдуард. Хватит, хватит, хватит!

Григорий. А что, может, и впрямь баню закатить, простирнуться? Куда по такой темноте? Компания у нас хорошая – на любой вкус. Вот угодили бы, девочки, а то мы как трубочисты на службе Родины.

Капитолина. Давайте постираем, что нужно. (*Направляется к джинсовой куртке Григория.*)

Григорий (*резко*). Стоп! Там документы! Командировочные!.. Надо в машину переложить. (*Перехватывает куртку у Капитолины, уходит за дверь и тут же возвращается.*) Кто? Тут у меня были... вещи!

Эдуард. Что случилось?

Григорий. Исчезли мои... Орден здесь был и другое... Серега, ты решил пошутить?

Сергей. Ты с ума сошел?! Куртка все время лежала здесь, на видном месте, к ней никто не прикасался. Поищи в машине.

Григорий. Я точно знаю, что все лежало в этом кармане. (*С угрозой.*) Эдик, что будем делать?

Эдуард (*к женицинам*). Из вас никто не прикасался к его куртке?

Любовь. Я и не видела ее.

Григорий. А где эта? Куда подевалась немая? (*Капитолине.*) Я вас спрашиваю, где она?

Капитолина. Наверное, вышла. (*Хочет встать.*)

Григорий. Я сам! Где она может быть? В бане? В подвале? На огороде?

Капитолина. Да откуда я могу знать! Пойдите, взгляните... Люба, пожалуйста, сходи, поищи...

Григорий. Нет, оставайтесь на месте. Я сам. (*Выбегает из дома. Слышен крик: Эй! Эй! Варвара! Вар-ва-ра!*).

Эдуард. Что за ерунда? Сергей?

Сергей. Эдуард Михаевич, вы же знаете меня – чужого не держу.

Вбегают Григорий.

Григорий (*кричит Капитолине*). Нигде нет. Куда она подевалась? (*К женицинам.*) Что вы молчите? Я вас спрашиваю, где эта воровка? (*К Любе.*) Она рылась в моих вещах? Ну, говори!

Капитолина. Прекратите кричать!

Григорий. Да вы заодно! Где она, отвечайте?

Любовь. Она не рылась... Она... Она... (*Смотрит на Капитолин у.*)

Григорий. Что «она-она»? Я до полиции доберусь, если вы сейчас же не признаетесь.

Капитолина. Выпал орден. Она его подобрала.

Григорий. А мои мосты? Где золотые коронки? Я их снял. У меня вырвали зубы в Щекино, вот свидетели.

Эдуард. Девочки, куда она могла исчезнуть?

Капитолина. Не знаю, ищите... Знаю только одно, ваши зубы ей не нужны, у нее свои есть.

Григорий. Нет, все вы знаете! Только сказать не хотите. (*Любе.*) Будете говорить?

Любовь. Не орите здесь! Вы не у себя дома, нахал!

Григорий. Я – нахал? Вы посмотрите на нее, красавица народная. Ваша мша обворовала меня, а я нахал!

Эдуард. Прекратите! Гриша, тебе же ясно сказано, что коронки выпали... Она их подобрала. У нее они, понял? И вела она себя странно. Смотрела на нас зло, как... дикарка. А вот куда она исчезла, меня это очень беспокоит. Надо подключать полицию. Ну-ка, Сережа, заводи машину! Где, вы говорите, у вас РУВД?

Любовь. В Больших Степанцах, десять километров от нас.

Эдуард. Григорий, давай туда с Сергеем. Она не могла далеко уйти. (*Сергей и Григорий срываются с места.*) Стоп! Возьмите ее. (*Показывает на Любу.*) Она покажет дорогу.

Любовь. Я не поеду!

Григорий (*кричит*). Что? А ну в машину, прошмандовка!

Капитолина (*еле сдерживая себя*). Люба, я очень прошу тебя, езжай, покажи им дорогу. Если Варвара воровка – пусть люди разберутся. И участковый к месту будет. Езжай, не противься.

Любовь. Хорошо, но все это... Сели как люди, а встали как преступники. (*Надевает кофту и платок.*)

Григорий (*Эдуарду, тихо*). А ты? (*С намеком.*) Останешься здесь?

Эдуард. Да! Я вас жду здесь.

Григорий. Может, вместе?

Эдуард. Никаких вместе. Не теряй время, а то твои безделушки горько плакали. (*Все трое быстро выходят. Машина уезжает. Эдуард ходит по дому, всматривается в фотографии, любуется иконой, долго молчит.*) Капитолина Ивановна, вы могли бы ответить на два вопроса?

Капитолина. На какие?

Эдуард. Зачем она взяла чужое? И вообще, зачем ей понадобилось брать эту... мелочь, словно это никто не узнает?

Капитолина. Не знаю, ума не приложу.

Эдуард. А почему вы не заставили ее вернуть? У нее в руках чужое, логично спросить: «Зачем тебе это?» Ведь вы человек совестливый... А в результате потворствовали... нехорошему поступку. (*Пауза.*) В вас столько женского, привлекательного...

Капитолина. Слово какое-то дурное – потворствовала... Варвара чужое не заберет, она не такая. Здесь в другом дело...

Эдуард. В чем?

Капитолина. В том-то и дело, не знаю, она пыталась объяснить, но мы не поняли.

Эдуард. Объяснить? Да-да, ведь она немая... (*Подсаживается к Капитолине, наливает коньяку ей и себе.*) Люба права: так все симпатично начиналось, такое интересное знакомство, и вдруг... Вы ведь вашу подругу, ну, это, Любу, не очень, по-моему?..

Капитолина. В каком смысле?

Эдуард. В прямом – недолюбливаете. В отличие от вас, она очень бесцеремонная.

Капитолина. Какое это имеет значение...

Эдуард. Прямое. Простите, но я вас сравнивал...

Капитолина. Это как? Кто больше понравится?

Эдуард. Да, вы понравились, а она нет. (*Подходит к фотографиям на стене.*) Хотите, угадаю, где на этих фотографиях ваш муж? Этот?

Капитолина (*не без удивления*). Да, это он.

Эдуард. Чубатый. Красавец.

Капитолина. Как вы догадались?

Эдуард (*со всех сторон рассматривает Капитолину*). А может быть, я – экстрасенс. До пенсии один год?

Капитолина. Да.

Эдуард. Деньги на ремонт этого дома нужны?

Капитолина. Ну... В общем, нужны.

Эдуард. Непригретая вы женщина, Капитолина, как потухший костер – черно под глазами. А вы ведь так молодо выглядите, какая фигура, грудь, длинная шея... Красавица! В вас влюбиться немудрено.

Капитолина. Будет вам! В краску вгоняете...

Эдуард. Очень хорошо, значит, чувственная. Мне под пятьдесят. Все мои... Женился – разженился, так один и тарыхчу по колее. Ну, не бедный... Кое-что умею... Хотите, Капа, скажу правду?

Капитолина. Смотря какую.

Эдуард. Самую что ни на есть правду. Я ведь из-за вас решил здесь остаться. Вижу глаза... теплые... Полторы недели гоним – вокруг только пыль. В гостинице – провинциальное хамье, в буфете – мыши бегают, официантка визжит. В ресторане – воняет... Беда! Пустили страну под откос, цены зашкаливают, скоро талонами людей будут снабжать. Правильно говорят: нефть дешевет, а бензин дорожает. А сколько рук на обочине оказалось. Но нет – все сами... Мы питерские, с усами, все можем, все предвидим, а на поверку – тупик.

Капитолина. Ну почему, сейчас взяли. Кризис заставил.

Эдуард. Поздно, двадцать лет на игле. От такой наркомании в короткий срок не выздоровеешь. Так, шумим: Украина, Сирия, международный авторитет, а прилавок невкусный, дорогой. В сухом остатке – одни обещания. Кончилось время, когда русских бичами гнали в рай, теперь гонят, чтобы погонялы на их спине туда въехали.

Капитолина. А что же вы, в таком случае, не уедете?

Эдуард. Я назло всем буду долго жить, чтобы увидеть, чем все это закончится. Но как бы плохо мне ни было, я никогда не уеду.

Капитолина. Почему?

Эдуард. Мечтать я могу за границей, а дело делать только в России. Я – наркоман.

Капитолина. Мрачно вы на все смотрите, Эдуард Михаевич, без души.

Эдуард. Ха! Душа – это идеализм, Капа. Душа там, где вера, а где ее нет – только пропаганда.

Капитолина. Вы такой умный человек, Эдуард Михаевич, а слова чужие.

Эдуард. Капа, давай на «ты». Так, как в песне: «И сокращаются большие расстояния, когда поет далекий друг».

Капитолина. Попробую... У вас красивый голос. Скажите правду, чего по нашему захолустью рыщете?

Эдуард. Обстоятельства. Раньше я крутыми делами занимался... Но враги не дремлют... Пришлось приспособиться на другом уровне... Пожиже, но поспокойнее...

Капитолина. Человек – сам себе хозяин, Эдик. Один ползком живет, другой в рост шагает. Вон недавно у нас Степана Завьялова схоронили, бывшего совхоза-миллионера председателя... Всю жизнь свое гнул, поперек шел, не боялся. В войну – Герой Советского Союза, море орденов, слава... А после – то в гору, то ажно под корень за свой язык. А не сломали!.. Сто человек приехали сюда хоронить. Уважили, потому что добрая слава – лучшее богатство. Или вот сосед наш, Петрович, кажется, все прошел: афганскую войну, дважды ранен, потом ни за что три года отсидел.

Эдуард. И за что посадили?

Капитолина. В ресторане женщину от хамов защитил. А те набросились на него. А он сильный, обученный: двум носы поломал, а третьего – инвалидом сделал. Вышел – не озлобился. Но...

Эдуард. Ваш Петрович легко отделался. Видать, хорошо воевал, а то мог бы до десяти схлопотать. А в чем «но»? Почему недоговариваешь, Капа... Он тебе нравится, но нет взаимности? *(Пауза.)* Слепой он, ваш Петрович, такую красоту не видеть. *(Обнимает Капитолину, та освобождается от объятий.)* Так в чем же все-таки «но»? *(Выпивает коньяк.)*

Капитолина. Человеком остался. После тюрьмы люди редко поднимаются, хуже становятся.

Эдуард. Хуже, говоришь? Это правильно...

Эдуард *(наливает еще коньяку, выпивает).* Ну а ты какая, Капа? Хуже или лучше?

Капитолина. Я, как тысячи других, пережила все: и хорошее, и плохое... Кто сказал, что жизнь должна быть легкой? В мучениях рождаешься, в мучениях умираешь... А страна здесь ни при чем, хорошо управлять ею не научились. Подгребателей много развелось – все

себе да себе... Вот так, простите, лапу наложат на что-нибудь (*невольно показывая то место, где была рука Эдуарда*), хочешь крикнуть: да разве так можно! Это же люди! Наш дом, в нем опрятней надо быть! Но нет, наш – это еще не мой. Вот от этого враскосец многое и идет.

Эдуард. Нет, черт побери, недаром я захотел у вас приостановиться. От тебя, Капка моя, здоровьем пышет. (*Пытается обнять Капитолину.*)

Капитолина. Эдуард Михаевич, меня зовут Капитолина Ивановна, и, пожалуйста, не надо так... руки успокойте. Я это не люблю.

Эдуард (*берет со стола тарелку и вдребезги разбивает ее*). Милая женщина, зачем вам так надуваться? Вы что – юная креолка? Или Мадонна? А может, у вас есть то, с чем трудно расстаться? Да сейчас нет ни одной женщины, которая на сторону бы не сбегала! Хотя бы для интереса. А уж со зла мужу рога наставить или чего-нибудь ухватить через очередного мужика – так это просто святая обязанность.

Капитолина. Не по моей это части, на сторону не бегала.

Эдуард. Неужто?

Капитолина. И доказывать не хочу!

Эдуард. Рука, которую я положил вот сюда (*обнимает рукой шею женщины*), – она не грязная. (*Прижимает Капитолину, пытается поцеловать ее.*)

Капитолина. Эдуард Михаевич, не притрагивайтесь ко мне! Мне это неприятно.

Эдуард. Сначала всем неприятно, а потом... (*Хватает Капитолину.*) А потом очень даже приятно!

Слышен треск проезжающего мотоцикла.

Капитолина. Помогите! По-мо-ги-те!

Эдуард (*рукой зажимает Капитолине рот*). Ах ты, сука, подставить меня хочешь. А ну, мадам, раздевайтесь! Поломалась, и хватит!

Хватает Капитолину и несет к лежаку. Долгая молчаливая борьба. В комнате уже сумеречно. Слышны всхлипывания Капитолины.

Эдуард. Не хнычь. (*Наливает коньяк, пьет.*) Не вздумай Петровичу жаловаться. Лучше молчать. У каждой женщины такие тайны есть. (*Капитолина уходит и вскоре возвращается.*) Вот тебе 50 тысяч на ремонт дома. (*Достает из портмоне деньги.*) Скажешь, что это за твою икону. (*Кладет деньги за икону.*)

Слышен шум подъезжающей машины. Григорий и Сергей втаскивают в дом сопротивляющуюся Варвару. Она втискивается в угол и там замирает.

Григорий (*Эдуарду*). Еле ухватили! С дороги лесом побежала, когда машину увидела. Серега, слава богу, ее накрыл, а то бы ушла.

Сергей. Руку мне прокусила.

Любовь (*Капитолине*). Это – ужас! Я ее не понимаю. Что с ней стряслось? Как мегера!

Григорий (*Капитолине*). Коронки так и не вернула, мша болотная.

Любовь. Варя, если эти вещи здесь, то я тебя, мы тебя просим: верни! Пойми, надо все по-хорошему закончить. Людей надо отпустить, дела у них важные, а ты задерживаешь. Ну что ты молчишь?

Капитолина. Варя, и я тебя прошу, верни им все. Пусть уезжают. (*Плачет.*) (*Варя делает отрицательные знаки.*)

Григорий. Что ты тычешь в меня? Я тебе что, волк в зоопарке? (*Варвара показывает Григорию кукиш.*) Ах ты, сука! (*Хватает со стола нож, бросается к Варваре.*)

Эдуард. Куда? (*Вырывает нож.*) Нельзя! С ума сошел! Не хватает еще... Сядь! (*Силой усаживает Григория на стул.*) Сергей, хорошо искали?

Сергей. Гришка всю ее ощупал – нет у нее коронок. Исчезли. Спрятала. Только что туда не лазили...

Эдуард (*к Любе, тихо*). Как ее отчество?

Любовь (*тихо*). Александровна. (*Заискивающе.*) Вы помягче с ней, Эдуард Михаевич, у нее что-то с нервами... Срыв какой-то...

Эдуард. У всех нервы! (*Подходит к Варваре.*) Варвара Александровна, что случилось? Глупо так вести себя. Отдайте то, что вы взяли, и на этом все закончится. Выпьем штрафную и концы в воду. А? Молчим? Предпочитаете конфликт? Полицию? (*Варвара утвердительно кивает головой.*) Ах, так? Капитолина Ивановна, видит бог, что придется закрутить дело на полную катушку.

Капитолина. Вы это уже сделали. (*Эдуарду, негромко.*) Пусть только приедет полиция...

Эдуард (*также негромко*). Не пугай, ничего не докажешь... (*Отводит Григория в сторону, тихо.*) Надо смываться! Но... Это найди... Иначе... Понял? Я тебя, кстати, предупредил, не послушал... (*Снова к Варваре.*) Ну что, надумала? (*Варвара отрицательно машет головой.*) (*Григорию.*) Вот так, Григорий.

Григорий бросается к Варваре, вытаскивает ее из угла, трясет за плечи.

Григорий. Где они? Я тебя убью, сволочь! Где они? (*Варвара в бешенстве бьет Григория по лицу.*) Ах ты, тварюга! (*Варвара закатывает пощечину Сергею.*)

Сергей. Во дает баба! Я же тебя!.. (*Бросается к Варваре, его останавливает Эдуард.*)

Эдуард. Нет, без рук!.. Свяжите ее. (*Снимает свой ремень. Варвара пытается проскочить в дверь, но ее хватают и начинают связывать.*)

Сергей. Вот так, голубушка.

Григорий. Ты у меня заговоришь, проказа деревенская! (*Бьет по щекам.*)

Капитолина. Вы что делаете? Как вам не стыдно! Бандиты, отпустите ее, отпустите... (*Пытается помешать мужчинам. ее отталкивают.*)

Любовь (*умоляюще*). Варя, верни им все! Ты видишь, до чего все дошло! Ведь эти вещи у тебя... Ты их показывала. Зачем тебе это? Верни! (*Варвара негодующе смотрит на Любу, пытается что-то ей объяснить. Ногами отталкивает мужчин.*)

Капитолина (*бросается к Эдуарду*). Ты что, бандит, делаешь?

Эдуард. Что ты сказала... Я бандит!.. Этот бандит только что за... твою... икону деревенскую, пятьдесят тысяч заплатил!

Капитолина бросается к иконе, достает деньги и кидает в лицо Эдуарду. Все на секунду опешили.

Любовь. Капа, что ты, что ты? Зачем? (*Эдуарду.*) Спокойно! Я все соберу! И черепочки здесь соберу, и деньги. (*Ползает на коленях и собирает деньги. Отдает их Эдуарду.*) Вот, только не ссорьтесь. (*С ухмылкой.*) Милые бранятся – только тешатся.

Эдуард. Все, другого выхода нет, как только обыскать весь дом и сдать ее в полицию.

Любовь. Она была в бане. Может, там?

Григорий. Верно, она же уходила туда. (*К Капитолине.*) А ну, веди!

Капитолина медленно направляется к выходу; Все идут следом.

Капитолина (*останавливается*). Не пойду, пока вы ее не развяжете!

Григорий. Нет, пойдешь. Вы все здесь заодно. Пойдешь! (*Толкает Капитолину в спину.*)
Капитолина. Я сейчас, Варя, потерпи!
Эдуард. Сергей, останься!

Все выходят. Остаются Сергей и Варвара.

Сергей. Ну что, партизанка, доигралась? (*Проверяет прочность вязки.*) Теперь жди, голубушка, срок. Свидетелей сколько хочешь, так что не отбрехаешься. (*Гарцует перед Варварой.*) Пару лет схлопочешь как миленькая. И зачем тебе нужна эта гниль? Слушай, глухомань, скажи мне, где их спрятала, и я незаметно подброшу. Купец и Гришка успокоятся тут же. Хочешь? Эти вещи здесь, в доме? Ну что ты молчишь? (*Берет Варвару за подбородок и медленно втолковывает.*) Я тебя спрашиваю, где золото? Ну? (*Трясет подбородок Варвары.*) Ты скажешь или нет? (*Варвара плюет Сергею в лицо.*) Ах, так?! Психушка по тебе плачет. (*Варвара обвисает на веревке. Плачет.*) Виси здесь в свое удовольствие. (*Садится на кровать.*) Дура стоеросовая, верни все, и мы тут же смотаемся. Где коронки? Здесь? (*Варвара отрицательно машет головой.*) В бане? (*Варвара утвердительно кивает.*) Покажешь? (*Варвара не соглашается.*) Но точно в бане? (*Варвара подтверждает.*) Пойду скажу им. (*Поспешно выходит.*)

Варвара энергично пытается высвободиться. Входит Петрович. На нем зеленый военный плащ, на плече рюкзак и зачехленное ружье. Увидев привязанную Варвару, он останавливается как вкопанный.

Петрович. Варя! Кто это тебя?

Варвара (*медленно говорит*). О-ни... В ба-не... Осто-рож-но... Бан-ди-ты! Вол-ки! Ой, что это? (*Только сейчас до нее дошло, что она говорит.*)

Петрович. Какие волки? (*Отвязывает ее от спинки кровати.*) Что ты, Варя? Подожди, да ты... заговорила? Голубушка... Заговорила!..

Варвара. Да, ка-жется... Пет-рович! (*Обнимает Петровича, затем подбегает к окну.*) В ба-не волки!..

Петрович. Какие волки?

Варвара. Волки с большой дороги... Бан-ди-ты... Я ви-де-ла их ма-ши-ну около кладбища, когда бы-ла на мо-ги-ле у... отца. Они рас-ко-па-ли... (*Бросается к зачехленному ружью Петровича.*) Их надо задержать... В полицию... (*Петрович открывает чехол, достает ружье и прикладывает ствол.*) Они рас-ко-пали мо-ги-лу ге-роя... За-вья-ло-ва.

Петрович. Как? Могила Степана?

Варвара (*достает из угла спрятанные свидетельства*). Вот! Могила толь-ко за-сы-па-на свер-ху... Я пом-ню орден. Мы его по-ло-жи-ли к не-му. Ты еще ска-зал: «Сда-ва-ть не будем, с ним ос-та-нет-ся!» Вот он. (*Передает орден Петровичу.*)

Петрович. Он! еще выщерблено вот здесь, с краю. Точно он!

Варвара. А это (*показывает коронки*). Его зубы... Фа-шис-ты!..

Петрович. О-о! Что делается!

Варвара. Это они...

Петрович. Сколько их?

Варвара. Тт-рое! Два му-жи-ка и маль-чиш-ка...

Петрович. Кто они такие?

Варвара. Ко-ман-ди-ров-ка... Вв-рут... Вол-ки, ма-ра-де-ры...

Петрович. А где наши?

Варвара. Там, в ба-не... Вот это и-щут. (*Показывает орден и коронки. Трясет Петровича за плечи.*) Их на-до за-дер-жать!..

Петрович. Спокойно! *(Подходит к окну.)* Степана могилу тронули... Ах, падаль человеческая... Ну, погодите, голубчики... Так! *(Командует.)* Сюда! Привяжись! *(Набрасывает веревку на Варвару.)* Стоп! Не то... Встань вот здесь, за углом... Двоих пропусти, а третьего вот... *(Дает бутылку.)* Прямо по макушке лупи. Иначе один уйти может. Ну, с богом, Варвара Александровна.

Варвара *(шепотом)*. Бо-юсь, Петро-вич! Тря-сет всю...

Петрович. Ничего, вначале трясет, а потом горлом злость стучится. *(Командует.)* Иди на место. *(Варвара прячется рядом с входной дверью. Держит бутылку наизготовку.)* Спокойно, Варя! Спо-кой-но! Не таких волков на дороге видели. *(Осматривается по сторонам.)* Нужна веревка. *(Быстро идет в соседнюю комнату.)*

Варвара *(испуганным шепотом)*. Пе-тро-вич, где ты? Нашел веревку?

Петрович. Порядок, нашел!

Варвара. Петрович, и-и-дут!

Из темноты появляется фигура Петровича, на плече у него веревка. Он медленно наводит ружье на входную дверь.

Слышны голоса.

Конец первого действия

Второе действие

Декорации те же. Крикливо бранясь, входят Сергей, Эдуард и следом – Григорий.

Сергей. Спросите Варвару, она подтвердит, что пропавшие вещи в бане. *(Кричит.)* Смелась!

В этот момент Варвара бутылкой бьет Григория по голове; тот, закачавшись, валится на пол к ногам входящих следом Капитолины и Любы. Сергей хватается табуретку и медленно идет на Варвару.

Голос Петровича. Руки! *(Все испуганно замирают, оглядываясь друг на друга.)* Опустите табуретку. Оружие заряжено. *(Кричит зычно и яростно.)* Смирно, сопляк! Руки вверх! *(Сергей только теперь заметил за углом фигуру человека. Он медленно ставит на пол табуретку, поднимает руки. Эдуарду.)* Мужчина в очках, отойдите от окна влево. Стоп! Если шелохнетесь, стреляю без предупреждения. Варя, свяжи своего бугая. Капа, Люба – отойдите в сторону! *(Варвара находит веревку, связывает руки лежащего на полу Григория.)* Варя, отойди за шкаф. *(Варвара уходит за шкаф.)* Эй ты, молокосос! *(Бросает веревку Сергею.)* Вяжи очкарика.

Эдуард *(опомнившись).* Вы что, с ума сошли? Кто вы такой? По какому праву?..

Петрович *(выходит из-за шкафа).* Молчать! *(Стреляет из ружья в стенку. Все перепуганы.)* Это первое и последнее предупреждение. Вяжи очкарика, кому говорю. *(Сергей поднимает веревку, заводит руки Эдуарда за спину и связывает.)* Привяжи его на место Варвары! *(Сергей привязывает Эдуарда к спинке кровати.)* Теперь отойди в сторону. Не туда! В угол! Кому говорят, в угол! *(Сергей, озираясь, отходит в угол.)* Варя, проверь, как он привязан? *(Варя еще крепче привязывает Эдуарда.)*

Варвара. Го-то-во, Петрович!

Капитолина. Петрович, господи, откуда ты? *(Бросается к Петровичу. В этот момент Сергей ринулся к двери, но его успевают схватить Варвара. Оба падают на пол. Борьба. Петрович подбегает к ним и придавливает Сергея стволом ружья к полу.)* Не шевелись! Или все кости разлетятся!

Эдуард. Бандит! Как вы себя ведете?

Петрович *(наводит на Эдуарда ружье).* Откроешь рот, душман, прямо в пасть попаду. *(Эдуард скисает.)* Варя, свяжи мальчишку. Капа, дай веревку.

Капитолина. Веревки больше нет. Есть шнур – подойдет?

Петрович. Подойдет! Давай. *(Капитолине.)* Не подходи! Бросай! Варя, возьми шнур. *(Сергею.)* Лицом на пол, руки за спину! *(Командует.)* Варвара Александровна, связать!

Варвара. Есть свя-зять! *(Вяжет руки Сергею.)*

Петрович *(Сергею).* Встать! *(Сергей встает. Варваре.)* Варя, привяжи мальчишку к другой спинке. *(Варвара подводит Сергея к другой спинке кровати и привязывает шнуром.)* Проверь! Крепко?

Варвара. За-ме-ча-тель-но.

Петрович. Всем оставаться на местах. *(Подходит к лежащему Григорию. Поднимает за волосы голову, внимательно смотрит.)* Хорошая работа! Жив... Ничего, скоро очухается... *(Вытаскивает из брюк ремень и ловко связывает ноги Григория.)* Все, конец! Операция по задержанию преступников закончена. Теперь надо принять решение, что с ними делать.

Капитолина *(бросается к иконе и на коленях читает молитву).* О Пресвятая Дева Богородица. Слезам молюсь пред Пречистым образом Твоим. Спаси в погибели и скорби. Воздвигни из глубины греховны, просвети ум наш, омраченный страстями, и врачуй язвы души и

телес наших. Даруй сокрушение сердечное и покаяние истинное, да очистившееся от скверны греховные. Ныне и присно и во веки веков. Аминь. (*Быстро встает с колен, бросается к Эдуарду и закатывает тому тяжелую пощечину.*) Петрович, я хочу рассказать тебе, что этот поганец еще сделал.

Петрович. Говори.

Капитолина. Нет, только тебе. (*Отходит в дальнюю часть столовой, к шкафу. Петрович идет следом. Эдуард прислушивается к разговору.*)

Петрович. Что он еще натворил?

Капитолина (*резко, с отчаянием*). Ты почему вовремя не приехал?

Петрович. Ноги у меня разболелись, Капа. Ты же знаешь, после ранения это. К хирургу съездил – укол сделали. Вот и опоздал. Приехал, когда хвост вашего поезда за углом скрылся. Поехал на следующем. Вот и все! Так что он тут натворил?

Капитолина. Ты не можешь себе представить, как мы волновались... Люба чуть с ума не сошла! Через каждую минуту спрашивала: что с ним? Может, завел кого-нибудь?

Петрович. Делать вам нечего? И это все, что ты мне хотела рассказать?

Капитолина. Нет, не все... (*Пауза.*) Есть еще одно... дело... (*Находит выход.*) Люба призналась... Советовалась со мной... (*Шепотом.*) Она... любит тебя... Подумай, Петрович.

Петрович. Слушай, Капа, здесь такое творится, а ты со своей любовью... Это все, что ты мне хотела сказать?

Капитолина (*спасая ситуацию*). Нет, не все... Икону он хотел купить. Пятьдесят тысяч предлагал.

Петрович (*с досадой*). Какую еще икону?

Капитолина (*показывает рукой в угол*). Вон ту.

Петрович. Что с тобой, Капитолина? Ты в своем уме? Разве иконами торгуют? И потом, при чем тут Люба? Ты меня удивляешь, Капа! Мне сводниц не надо! (*Резко отворачивается от Капитолины и проходит в центр столовой. Все настороженно смотрят на него.*) Ну что, все язык проглотили? Люба, докладывай, по порядку.

Любовь (*словно сорвавшись с колков*). А что тут докладывать?! Мы их приняли по-человечески... Усадили за стол, угощали... А они! (*Безапелляционно.*) Петрович, в полицию их надо... Они не те, за кого себя выдают. Какие вы геологи искусства, вы – бандиты... Рыщете здесь по нашим дорогам, как волки! И ты, Варя, хороша! Зачем тебе понадобились, тьфу, прости господи, блестяшки?

Варвара. По-мол-чи!

Только теперь до обеих женщин дошло, что Варвара говорит.

Капитолина. Варя, это ты сказала?

Варвара. Да, я.

Капитолина. Ты заговорила, Варенька?

Варвара. Спасибо Петровичу! (*К женщинам.*) Вот что еще бы-ло в его кар-ма-не.

Эдуард (*с энтузиазмом*). Вот, видите? Значит, кто был прав? Доказательство – налицо! Чего еще надо? Она схвачена с поличным! Немедленно развяжите меня. Слышите?!

Петрович. Сейчас мы разберемся, что это за поличное.

Эдуард. Эй, как тебя?.. Петрович, не делай глупостей! Это – уголовное дело! Статья 318, часть третья: нарушение законных интересов граждан с применением насилия. Лучше верните, что забрали, и мы по-мирному разойдемся. Я обещаю, что все останется между нами.

Сергей (*плаксиво*). Дядя, прости нас,пусти... Я случайно попал в эту... поездку. Ну, ударил я ее, но и она тоже хороша – заплевала всю морду. Отвяжи, дядя, шнур, руки онемели. (*Эдуарду, грубо.*) Лопухнулись мы, коню ясно! Выложи лучше бабки, и катим отсюда.

Эдуард. Чего-чего? Не понял?! Сережа, опомнись! Ты в чем-нибудь виноват? Что-нибудь сделал противозаконное? Чего заскулил, как щенок? Ну, связаны руки – развяжут! Закон для всех одинаков.

Капитолина. Для тебя закона нет. Бессуден ты.

Эдуард. Не надо, Капитолина Ивановна. Мы с вами... говорили о вашей семье, о дедушке... Так что нечего вам предъявить. Таких, как я, – много на дороге... Как говорится: «Молча пришел, молча и ушел». Лучше по-хорошему отпустите, и на этом все закончится. Гришу мы вылечим сами, у меня аптечка в машине.

Любовь. Петрович, может, и впрямь отпустить? (*Показывает на Григория.*) Ведь она его бутылкой... по голове... еще чего вдруг... Посмотри, не шевелится.

Петрович. Задумался он. Сновидения осваивает.

Эдуард. Любовь Александровна, спасибо! Правильно вы говорите. Она его чуть не убила. У него может быть сотрясение мозга. Ему помощь надо, скорую! Люди, дорогие мои, опомнитесь! Что вы делаете? Есть прокуратура, суд, полиция, наконец, – пусть они разбираются.

Сергей. Дядя, дядя, отпусти, рук не чувствую. Шнур в кости вьелся.

Григорий медленно, со стоном начинает шевелиться. Варвара переворачивает его на спину.

Варвара. Очу-хал-ся, вол-чара.

Эдуард. Ну вот, опять! Зачем так? Волчара! Какой он волчара? Вы его по башке, как немца какого-нибудь...

Варвара. А он и есть фа-шист!

Эдуард. Ну, знаете, это уже за гранью!

Петрович. Варвара, погоди! Вот! (*Показывает Эдуарду и Сергею орден, переданный ему Варварой.*) Откуда это у вас?

Сергей (*охотно, показывая на лежащего Григория*). Это – его! Это у него было.

Эдуард. Коллекционирует. Да-да, он – коллекционер, не удивляйтесь. Сегодня полно клубов коллекционеров, есть и комиссионки. Орден Красной Звезды можно купить в интернете за сорок тысяч рублей или поменять на первоклассный айфон. Сегодня спрос на боевые ордена огромный. За звезду Героя Советского Союза можно получить зарубежную машину, даже внедорожник среднего класса, но с большим пробегом.

Петрович. Значит, торгуете подвигом народа.

Эдуард. Ну зачем так? Все висит на сайте, который как раз так и называется – Подвиг народа. Есть там и предупреждение – за нелегальную продажу штраф восемьдесят тысяч рублей. У Григория – хобби. У него всяких побрякушек видимо-невидимо.

Петрович. Это орден Красной Звезды, а не побрякушка. Его за великую доблесть давали. Человек, получивший этот орден, был разведчиком, в расположении противника вызвал огонь на себя. Здесь же получил первое ранение – ему оторвало руку. О нем фильм «Председатель» снят.

Эдуард. Я очень рад этому. Фильм прекрасный. Но вы, видимо, не расслышали: Григорий коллекционер, у него ордена многих, в том числе и героев войны.

Петрович. А это откуда у него? (*Показывает золотые коронки.*) Он коллекционер чужих коронок?

Эдуард. Это тоже его. Кажется, у него заболели зубы, удалил коронки... В Щекино это было, в местной поликлинике.

Варвара. Мы зна-ем, чей э-то орден.

Петрович. Подожди, Варя! Сейчас я спрашиваю. Значит, все это его?

Эдуард. Совершенно верно.

Петрович. Варя, возьми ключи, сбегай ко мне домой. Наверху, в правом углу белого шкафа – металлическая коробка, принеси ее сюда. *(Передает ключи Варваре. Отводит ее в сторону.)* Там удостоверение должно быть на этот орден, найди. *(Варвара уходит. Петрович рассматривает коронки.)* А где зубы?

Эдуард. В поликлинике остались.

Петрович. В какой?

Эдуард. В городе Щекино. Там ему удалили мосты.

Петрович подходит к Григорию, пытается открыть ему рот. Тот уже пришел в себя и не дается. Петрович берет нож.

Капитолина. Петрович, остановись! От греха подальше.

Петрович. Поближе, Капитолина. Мы все от греха бежим, а он нас даже на том свете не оставляет, так запутались. Так что потерпи!

Любовь. У меня предложение, Петрович, давай я за полицией обернусь. Выйду на большую дорогу, кого-нибудь поймаю и вмиг обернусь.

Петрович. Что, нервы не выдержали? Чистенькими жить хотите? Другие чтобы за вас все делали? Нет, Люба, мы здесь без полиции разберемся. Знаем, как они перебиваются: с хлеба на воду. *(Подставляет нож ко рту Григория. Тот, отхаркиваясь, открывает рот.)* Где у тебя рвали зубы? Все на месте, сволочь! *(Показывает коронки.)* Откуда у тебя это?

Григорий. Мои! Поставить хотел в ближайшем городе. Пломбы у меня расшатались.

Петрович. Совесть у тебя расшаталась. *(Эдуарду.)* Повторяю, откуда у вас это? *(Пауза.)* Здесь один закон – вот! *(Показывает ружье.)* Будете говорить? Молчите! Ну, тогда пеняйте на себя. *(Деловито и спокойно.)* Капа, Люба, садитесь вот сюда. *(Капитолина и Люба садятся сбоку на табуретки.)* Вы хотите судиться? Что ж, суд так суд! *(Подкатывает старинное красное кресло, садится. Показывает орден.)* Здесь на ордене есть номер. *(Пауза.)* К ордену должно быть удостоверение. Будете говорить?

Сергей. Я! Я все скажу! Мы...

Эдуард. Подожди, Сережа! Чего ты боишься? Коронки? Это дело Григория. У него нашли, не у тебя... Петрович, вы человек опытный, знаете жизнь, воевали... Мой вам уважение! Но давайте по-хорошему! Мы здесь по серьезному и важному делу. Это – моя группа, если хотите – команда.

Петрович. Тебя послушать, еще за экспедицию себя выдашь.

Эдуард. Нет, нас не заносит. В наши планы входит найти умельцев: резчиков, граверов, народных художников... Словом, организовать большой, нужный для людей, для сохранения нашей исконной русской культуры промысел, с тем чтобы поставлять в центр лучшее, что создает народ в глубинке.

Петрович. Бросьте, вы обычные мародеры.

Эдуард. Вы опять о своем.

Петрович. Спасатели найдутся и без вас.

Эдуард. Возможно, и найдутся! Но пока их мало. Не секрет, что народное творчество двадцать пять лет брошено на произвол. Да-да, на произвол судьбы! Я не знаю, какие у вас убеждения, Петрович, но я считаю, что в стране воцарился нескончаемый хаос. Такое впечатление, что строят какой-то гигантский стадион, на котором никогда не будет победы. Хотим по своей воле пожить, а все время у разбитого корыта.

Петрович. Это такие, как ты, в 90-е к разбитому корыту страну привели. Еле-еле от него отползли.

Эдуард. Да, согласен. Но, несмотря на некоторую стабилизацию в нулевые годы, идеологическая смута в России продолжается. Разве не так?

Петрович. Так вы ее и делаете, смуту эту. К тому же на чужие деньги делаете. Вон на Украине что делается.

Эдуард. Вы правы, Петрович. Я абсолютно с вами согласен. Мы по глупости потеряли Украину, нас бросает из крайности в крайность. И при этом теряем свои позиции в народном творчестве, в литературе, в кино, даже в театре. Жирует только шоу-бизнес...

Петрович. Значит, вы в спасатели России нацелились?

Эдуард. Нет, у моей группы совсем скромная задача: мы хотим организовать свое хозяйство и приткнуться к крупному госпредприятию. В прошлом я архитектор...

Сергей. Ха, архитектор! Два курса, а потом?

Эдуард. Успокойся, Сережа! Да, я не закончил архитектурный и журналистику бросил. В девяностые стало не до учебы. Не хотелось терять время. Все наверстывали... Топтали социализм... Грабили страну. И я не ангел оказался, да-да, я из тех... Тут вы правы!

Петрович. Да, ты из тех, потому что не знаешь, что живешь в России. Иначе бы ты такую околесицу не нес. Россия таких, как вы, выплюнет. Где твой паспорт?

Эдуард. А зачем он?

Петрович. Нам надо знать, что писать на могиле. «Диссидент» – не знаю, как пишется.

Петрович подходит к Эдуарду, обыскивает его и достает из внутреннего кармана портмоне. Вынимает из него паспорт.

Эдуард. Диссидент пишется через «и». Но это плохая шутка, Петрович. И при чем тут диссидент? Я всегда был за народ. Просто я не доверяю тем, кто им рулит. Для меня главное – это возвращение русской культуры, ее корней... Да, здесь получилось... недоразумение.

Петрович (*показывает коронки*). Вот это ты называешь недоразумением?

Эдуард. Я понимаю, эти коронки... Григорий очухается и сам ответит. Но самое главное, Петрович, не надо конфликта! Бить бутылкой по голове человека – это преступление, связать и угрожать это тоже, простите, произвол! Вы – вооружены, мы подчинились силе, но есть закон.

Петрович. Я – закон! А это (*показывает на женицин*) ваш суд! Понял?!

Эдуард. Не понял. Вернее, понял одно: судя по вашему замечанию, вы не доверяете существующим законам?

Петрович. Повторяю для ясности: здесь закон – мы! Это наша земля. На ней мы родились и выросли. Сегодня ты и твои дружки на нашей территории. У нас тут свои правила. (*К женицинам.*) Надеюсь, вы запомнили, что сказал этот архитектор?

Любовь. Да, все! Врет, ни одному слову не верю. Говорит, как на диспуте по телику. (*Вскакивает.*) Не трогай Россию, гад! Она до сих пор обворовывается такими, как ты. (*Вновь садится на табуретку, рядом с креслом в котором сидит Петрович.*)

Петрович. Вот тебе, архитектор, голос народа. Итак (*тоном судьи*), будем считать, что эти нечистоты, высказанные гражданином (*смотрит в паспорт.*) Гозиным Эдуардом Михайчем по поводу России, были его защитной речью.

Эдуард. Прекратите шить мне дело! И потом, это не мой народ – это ваш народ! И потом, мы живем в свободной стране! Я имею право говорить то, что думаю. Вы меня не заткнете. Я буду жаловаться губернатору Назарову.

Петрович. Недавно снят. Коррупция – девять лет получил.

Эдуард. Тогда руководителю РУВД города Фоменко.

Петрович. Срочно ушел на пенсию.

Эдуард. Есть второй состав, он менее коррумпированный.

Петрович (*не обращая внимания*). Капитолина Ивановна, вы все запомнили из речи подсудимого?

Эдуард начинает долго и вызывающе хохотать.

Эдуард (*нагло, другим тоном*). Хватит! Ты беса не гони, Петрович! На прикол и дурняк меня не возьмешь!

Петрович. Ах, ты так заговорил. Тогда я тебе отвечу: я тебе барагозить здесь не дам. Борода тебе здесь будет, бубен. Заехали вы не туда и заработали на головняк. Понял?

Эдуард. Понял, чем мужик бабу донял!

Капитолина. Петрович, все, что он сделал и говорил, я запомнила. (*Пристраивается рядом с Петровичем и Любой. Возникает своеобразный судейский помост.*) Как говорил мой дед: «Купчик божится, когда кнутом бьют».

Сергей. Ха! Угадала! Мы его так и зовем: Купец. Попался, купчик! Заливаешься соловьем, страну костеришь, думаешь, все идиоты?

Эдуард. Не выступай, Серый. Без меня ты пыли лагерной не стоишь. Кого ты перепугался? Этих? Мы еще посмотрим, чья возьмет!

Сергей. Купец, немая про нас все знает, видела нас на кладбище, и нечего виноград сушить.

Эдуард. Хорошеньким хочешь быть, Серега? Что ты расскажешь? О ком? Ты же сейчас наше дело начнешь закладывать, шкуру будешь спасать!

Сергей (*на всю катушку*). Ненавижу! Пообещал кущи небесные, и думаешь, все – обвел меня. Архитектор?! Да ты комиссионкой рулил, а потом сел на пять лет. Да ворюга ты! Своих бывших дружков боишься, поэтому по деревьям шарить. Что, не нравится?

Эдуард. Что ты несешь? Какая комиссионка?

Сергей. Простая – московская! Что, съел?! Подделки, сделанные Яшкой Клебой, музеям и скупкам предлагаешь. У тебя ведь где-то в машине запрятана «кругленькая», небось трясет, когда от тачки отходишь. Все скажу! Дядя, руки ломит. Отвяжи хоть немного, подпругу ослабь, чтобы не затекали плечи. Все скажу!..

Любовь. Петрович, ослабь его немножко, ведь мальчишка. Лицом на соседского паренька смахивает.

Сергей. Дядя Афган, прости, давно я ему хотел в рожу съездить, да руки слабые – не поднимались. (*В сторону Григория.*) Этот, Шныряла, как бульдог за него тявкал. Слово поперек – в морду. Хорошо, хоть теперь со звоном валяется. Впутали они меня... Простите...

Эдуард. Заткнись! Кто тебя, мразь, путал?! Всади ему, Петрович, дробь в задницу, я тебе сто тысяч заплачу.

Сергей. Ты! Ты, сволочь! Я художественное училище закончил, картины из дерева вырезал – интарсия называется. (*В сторону Эдуарда.*) Он их поначалу по дешевке у меня скупал, а потом втридорога сплавлял кому-то. Спекулянт он, на нем пробы негде ставить!

Эдуард. Врет! Выгородить себя хочешь, Моцарт из ПТУ?! Не выйдет.

Сергей. Затянул он меня в круговерть, деньги давал... Потом таксистом устроил... Вози его, отпуск бери, когда потребует. Бросил интарсию, шальные деньги пошли... Шоферишь за похмелье, а он уже к вечеру с заданием лезет: там – скупим, у того – выклянчим, другого – объегорим... Дверь просил перед собой открывать – сука! К вечеру тыщу рублей мне в зубы: «Гуляй, Сережа, бутылку водки и хвост селедки – заслужил!» Запой у меня были...

Эдуард. Я тебя насильно не поил, сам к водке тянулся.

Сергей. Петрович, он нерусский, гадом буду, – из Молдовы! Сам, сволочь, пьет мало, а другим как из брандспойта льет. Девоч напоит – нагишом танцевать заставляет. Одна спьяну

лебеда изображать стала, руками махала и за окно шагнула. Отвертелся – сама шагнула. Дядя Афган, руку ослобони, нет сил говорить.

Петрович. Все, с тобой все ясно! Суд учтет твои признательные показания. Кстати, где твой паспорт?

Сергей. В машине! В бардачке! Хотите, принесу?

Эдуард. Задушить тебя надо, шпану, шнуром этим. За клевету – задушить!

Капитолина. Петрович, ослабь ему руки – мальчишка синий стал, затек весь. *(Петрович чуть высвобождает руки Сергею.)*

Сергей. Спасибо, дядя! Спасибо, женщины.

Эдуард. Ну и мухомор ты, Серый! Я его из дурдома вытащил – у тебя же глюки начались. Вспомни, на таракана от страха глаза пялил – «КГБ» кричал.

В этот момент Григорий сильным толчком переворачивается на спину и садится на пол.

Григорий. У-ух! За-са-да! *(Мотает головой.)* Словно шпалой по башке. *(Смеется.)* Ничего себе... Это ты, Афган, операцию провернул? Каким ветром тебя надуло?

Петрович. Сквозняком! Не ожидал?

Григорий. Я всего ожидаю. *(С ненавистью посмотрел на Сергея.)* Всего! Приучен. *(Оглядывается.)* Где она?

Петрович. Кто?

Григорий. Кто-кто? Конь в пальто! Где она – немая?!

Петрович. Вышла Варвара.

Григорий. Бабоньки, одеколону на башку полейте кто-нибудь, а то осколки заржавят.

Любовь. Нету для вас одеколону. Вот если коньяку только?

Григорий. Давай. А то раньше времени сдохну – радости для вашего народного суда никакой. *(Любовь льет на голову Григорию коньяк, тот хватая губами скатившиеся капли.)* И сюда тоже... *(Открывает рот. Любовь смотрит на Петровича.)*

Петрович. Капни, капни, пусть очухается. *(Любовь дает глоток коньяку Григорию.)* Ну что, Шныряля, так тебя, что ли, крестят? Давай по порядку. *(Показывает орден.)* У тебя ведь это нашли?

Григорий. Ишь ты, чего захотел! По порядку? Это у прокурора по порядку. А ты, Коряга, хоть и с пушкой – чиха моего не услышишь. Я тебе не этот котенок. *(Кивает в сторону Сергея.)* ПТУ, запомни: тебя на первой перепутке без телефона пришьют, охнуть не успеешь, червяк. Вдумайся в народную мудрость: «Не рой яму другому...» – продолжение знаешь. Коряга, закрой меня одеялом, я спать хочу. А когда твоя глухомань придет, я ее урою, вот так! *(Делает сильное движение телом и выбрасывает ноги высоко вверх.)* ПТУ, если я тебя еще раз услышу, считай, что приговор утвержден. А теперь тишина – спать буду. *(Поворачивается на бок.)*

Петрович. Будем считать, что и он высказался. Кстати, по поводу «не рой яму другому». *(Негромко.)* Нужна лопата и керосиновая лампа: будем по очереди рыть могилу. *(Все трое связанных мгновенно отреагировали.)*

Эдуард. Какая керосинка? Вы что, фашистские застенки хотите устроить?

Григорий. Купец, хватит хлебалом щелкать, не бзди – не все потеряно.

Сергей. Дядя, я им братское кладбище вырою, только освободи.

Григорий *(с угрозой).* Серый, я говорил тебе, не баклань. Теперь пеняй на себя: голову оторву и дам в руки поиграться.

Петрович. Капа, у тебя есть лопата?

Капитолина. Сейчас принесу. *(Быстро уходит и возвращается с лопатой.)*

Петрович *(пробует на прочность, негромко).* Подойдет. Приговор будем приводить в исполнение за домом. Здесь много крови будет, да и тащить далеко.

Входит Варвара.

Григорий. А-а? Не запылилась, жаба?

Варвара спокойно подходит к наполненному водой ведру и, большим ковшом зачерпнув воду, хлестко окатывает голову Григория. Тот, задохнувшись, долго откашливается.

Варвара (*отводит Петровича в сторону*). Пе-тро-вич, зд-десь все докк-ументы на на-а-грады. Вот. (*Передает коробку.*)

Петрович (*Тихо.*) Теперь ни крестом, ни пестом не отделаются.

Эдуард. Я хочу в туалет.

Петрович. А тебе не понадобится. До приговора осталось недолго.

Эдуард. Перед расстрелом и закурить дают, и в туалет водят. Неужели мне это здесь делать?

Петрович. Не велика проблема, валяй. Даже интересно, как это у тебя получится. Женщины, отвернитесь.

Эдуард. А кто мне откроет – ты, что ли?

Петрович. А ты сдай анализ в штаны – почки тебе больше не понадобятся.

Эдуард. А ты сдай мне свое ружье, и я скажу, из какого теста ты сделан. Ничего, вы еще ответите за все. Закон и таких обламывал.

Петрович. Неужели? А если я твоему закону не доверяю? (*Связывает руки и тащит Григория волоком к центру. Сажает на пол между Эдуардом и Сергеем.*)

Григорий (*все еще откашливаясь*). Коряга! Афган! Иди сюда, что скажу... (*Петрович подходит.*) Нет, на ухо. (*Петрович наклоняется. Григорий резким рывком пытается схватить зубами ухо Петровича, но тот успевает подставить кулак. Укус приходится на руку.*) А-а! Зацепил все-таки, Коряга. Он меня будет волоком, как падаль какую-нибудь, тащить...

Разъяренная Варвара бросается к Григорию, но Петрович перехватывает ее.

Петрович. Погоди, Варвара, я сам. Дай полотенце. (*Варвара подает полотенце.*)

Капитолина. Марганцовка есть. (*Идет искать.*)

Петрович. Не надо.

Обмывает руку водой из ведра, завязывает рану полотенцем. Незаметно берет целлофановый пакет, подходит сзади к Григорию и внезапно набрасывает пакет на его голову. Григорий начинает биться в конвульсиях. Через паузу Петрович сдергивает пакет.

Григорий (*жадно хватая воздух*). А-а-а-ох! Ну, все... – конец тебе. Теперь моя очередь!

Петрович. Это только шутка, Шныряла, расстрел – впереди!

Любовь (*насмех перепугана, тихо Петровичу*). Петрович, лучше их в полицию. еще развяжутся... Давай я сбегаю, за час обернусь...

Петрович. Нет. Здесь все решим! Сами! Сиди! (*Силой сажает Любовь на табуретку.*)

Любовь. Не могу я. Сил моих нет. А ты, Капа?

Капитолина (*тихо Любе*). А я могу! Этого (*показывает на Эдуарда*) я сама расстреляю.

Любовь. Отпусти меня, Петрович, они мне нервы на кулак намотали.

Петрович. А у меня нет на них нервов! Нет и не будет! (*Кричит.*) Здесь с с ними покончу! Пусть потом судят! (*Негромко, точно себе.*) Знаю я этот суд, свой никогда не забуду. На ровном месте три года дали. (*Подходит к Григорию и показывает орден.*) Где ты это взял?

Это орден Героя Советского Союза, героя войны Степана Игнатьевича Завьялова, схороненного нами месяц назад в Белых Камнях. Вот удостоверение на орден. *(Показывает.)* Этими руками по его просьбе я положил орден Красной Звезды к нему в могилу, а Звезду Героя сдал на вечное хранение в музей «Тульский некрополь». Как этот орден оказался здесь? По какому такому праву вы... туда... в могилу... Там ведь красный обелиск со звездой. Он всю войну колотился, весь израненный в землю лег, а вы... Нелюди вы, волки на большой дороге... Тысячи вас развелось!.. На троих теперь меньше будет! *(Вскидывает ружье.)*

Сергей *(визжит)*. Дядя, не я! Не я! Нет-нет, не я! Это – он, Шныряла! Он могильщиком был в Коломне. Там он это освоил. Он сам хвастал!.. Мне не раз хвастал, сколько денег зарабатывал...

Григорий. Молчи, курвец! Пусть стреляет! Чего заблеял, как ягненок? Жить, как падаль, мог, а умереть человеком сил не хватает, скот паршивый? *(Поет хриплым, яростным голосом.)*

А за темным окном моя бедная Русь,
Время вышло, осталось немного,
Я сегодня опять как скотина напьюсь
Перед этой последней дорогой.

Сергей. Дядя, он это сделал. Мы с Купцом подобрали его в Коломне. Он рассказывал, как сперва за копейки в парке на аттракционном колесе, на самой верхотуре стойку на одной руке делал. Вначале за пятьсот рублей жизнью рисковал, а потом нашел работу на кладбище. По пьяни признался, как за десять минут до впуска родных в морг покойникам зубы «оперировал». Он даже название своей работе придумал – слесарь-стоматолог. Народ ведь похороны не любит, покойнику в рот не заглядывает, а там эти слесари тысячами зарабатывают. А наш умный народ – знать ничего не хочет.

Григорий делает рывок, чтобы ногами ударить Сергея. Не достает.

Григорий. У-у, сволочь! Купец, это ты его выкормил. Теперь будешь хлебать парашу за эту падаль!

Сергей. Петрович, вчера это было... Темнело уже... Проезжаем мимо кладбища. Шныряла заставил остановиться: «Свеженькая, – говорит, – надо проверить». И пошел... Ночь наступает, темно уже, а у него словно чесотка по всему телу...

Григорий. Помолчи, тарактелка! Не толкай фуфайку в ухо.

Сергей. Потом приходит: «Посвети, Серега, темно!» Я пошел... Как за руку повели. А он – хоть бы хны! Не пойму, из какой утробы такие берутся? «Свети, – говорит, – вот здесь голова!» Я как увидел – не смог, бросил фонарь и деру назад, к машине. *(Показывает на Эдуарда.)* А этот вместо меня пошел...

Эдуард *(кричит)*. Ложь! Все – ложь! Не было этого. Что ты несешь? Ты в своем уме? Язык тебе вырвать надо!

Сергей. А?! Пронимает? Купец плащ натянул, брючата закатил – дождь пошел – и туда...

Эдуард. Я пошел вернуть его, притащить назад... Больной он. У него форма клептомании. Его лечить надо...

Сергей. Вскоре вернулись назад. Купец со страху начал коньяк хлестать, а эта сволочь орден нацепил: «За Победу!» – говорит. Полбутылки выпил и храпел на заднем сиденье. *(Показывает на Варвару.)* А эту мы видели, когда кладбище объезжали. Она как раз туда шла. Быстро шла, но нас увидела. Я ее здесь по платку узнал: чеченки так носят – узел сзади.

Капитолина (*тихо*). Господи, до чего же люди докатились. За что, Господи? (*Перекрестилась.*)

Эдуард. Ко всей этой грязной легенде я не имею никакого отношения.

Петрович. Значит, мальчишка врет?

Эдуард. Врет! Шкуру спасает. Ничего этого не было. Я требую вызвать полицию, Петрович, сдать нас в полицию. У вас нет никаких доказательств. (*Твердо и уверенно.*) Никаких ночных походов я не совершал. Я спал в машине. Они действительно куда-то отлучались... Если память мне не изменяет, Григорий за самогонкой хотел пойти... в деревню... Он коньяк не любит.

Григорий. Ну ты загнул! Ну, загнул! Это я-то коньяк не люблю? Да помочиться я ходил на кладбище, понимаешь, по-мо-читься! Да, не удивляйтесь – люблю острые ощущения. (*Резко и зло.*) Попались, Купец! Не крути! (*Шепотом.*) Коряга хитер, как бобер. Ему другое надо. Дай ты ему бабла, чтобы отвязаться.

Любовь (*решительно отводит Петровича в сторону*). Капа, Варвара, идите сюда. (*Капитолина и Варвара подходят. Заговорищицки.*) Петрович, позволь, я в полицию. Ведь проще: сдадим – пускай разбираются. Наше какое собачье дело. Ну почему ты рогом уперся? Накликать беду на всех нас хочешь? Ведь сидел уже! Откуда у тебя эта непокорность? Ты же нас подведешь под монастырь. Вместе сесть хочешь?

Петрович. Люба, остановись! Не скули. Послушайте меня, дорогие мои, если мы их отпустим в полицию – откупятся и Еще смеяться над нами будут. (*Громко.*) Все, заседание присяжных закончено! За мародерство, за осквернение памяти героев Великой Отечественной войны приговариваем этих волков к расстрелу. (*Наводит ружье, прицеливается.*)

Любовь (*становится перед стволом, кричит*). Стой! Подожди! Петрович, не забирайся выше закона! Тебя снова посадят!

Петрович. На этот раз не посадят! Я их так закопаю, что никто не найдет. На харчи народные, Люба, я этим паразитам сесть не дам! Посмотри, как они выворачиваются. Поди, и денег дадут, если отпустим?

Григорий. Дадим, Коряга, чтобы отрезвел ты и перестал мутить баб на самосуд. Купец, а ты давай башляй, а то и впрямь под Саранском мордой о парашу ударят. (*Запел.*)

Тянет лапы империализм,
Захлестнул отчизну бандитизм,
Мы, наверное, здоровы до сих пор,
Потому что клевый есть надзор.

Слышишь, Эдик, отвали ему сто тонн, и делу конец.

Сергей. В машине деньги, в тайнике... Давай покажу... Там красненькими пачка на пачке, иконы, картины, барахло разное...

Эдуард (*кричит*). Не смей! Убью, мерзавец! (*Пытается вырваться.*) Убью, гаденыш!

Григорий. Не ори! Дай сто тонн Афгану и бабам – по половине, и мотаем отсюда. Попались, Купец, давай на мировую.

Петрович. Ишь ты! Сколько же стоит твоя мировая?

Григорий. Сто тысяч тебе за глаза хватит. А то, что я забрал, – себе оставь. Хватит ссориться! Твоя взяла. Безденежье – корень всякого зла, Коряга. А заложишь полиции, передам ребятам по азбуке, перо получишь, будь уверен. У нас закон один: заложил – себя загубил. Купец, не кривляйся, а то эта сука... (*показывает на Сергея*) все ему выложит. Видишь, он обделался от страха.

Эдуард. Сам выкладывай! Кто тебя понес на кладбище? Сам ведь пошел, по своей охоте. Вот и плати теперь. А меня в эту историю не впутывай.

Сергей. Дядя Афган, давай покажу, где деньги. Ключ от тайника он прячет, но это не беда, найду. Ты только меня отпусти: обшарю и найду. Куча денег будет. Я им быстро и могилку выкопаю, дай только лопату.

Григорий. Я тебя за эту лопату утащу с собой, сука. Купец, видишь, куда дело идет, выкладывай бабки, а то все уведут. Дай больше – не откажется.

Петрович. Не купите! Здесь ляжете без суда и следствия. *(Наводит ружье.)*

Григорий. Слушай меня, дубина стоеросовая. Ты наверняка знаешь наши законы? Найду тебя, где бы ты ни был, только б землю топтал. Я с малых лет по тюрьмам. Если меня сдашь, я и половины срока не просижу, а тебя за это время трясушка доконает. А может, и сдохнешь, не дождавшись меня.

Капитолина. Но и ты в тюрьме можешь умереть, или ты уверен, что бессмертный?

Григорий. Да, я – бессмертный! Потому что зачали меня трое охранников на зоне. Мама там сидела, была очень красивая... После родов ее совсем доконали, чтобы она лишнего не сказала. Так что от троих у меня силы и хватит на троих. Коряга, советую тебе отпустить меня, пока я сам не развязался. Ты этим ружьишком в руках хочешь меня испугать? Знай, больше восьми лет мне не дадут, а ты сон потеряешь. А потом я вернусь, чтобы посмотреть тебе в глаза. Так что не выдрючивайся больше...

Петрович. Не пугай! А до лагеря ты не доживешь. Здесь твоя последняя остановка. Ты волк, хищник и будешь расстрелян, как преступник. *(Взводит курок и целится.)*

Капитолина *(бросается к Петровичу, отводит в сторону).* Нельзя здесь стрелять, Петрович. Сколько ни отмывай – кровь останется. Жизни здесь не будет. Этого я сама бы застрелила, но нельзя! Зачем тебе вторая судимость? Лучше их туда... Позвони, пусть приедут и заберут.

Петрович. Нет у меня телефона.

Любовь *(подключается к разговору).* Петрович, Капа правильно говорит: прознают – до конца жизни там останешься. *(Решительно.)* Все, решено, я в полицию. Обернусь мигом. *(Направляется к двери.)*

Варвара *(перекрывает выход).* Ни-ку-да! Зз-десь их... су-ди-ть будем. Я су-дить бу-ду! Все! *(Любе.)* Ся-дь на ме-сто! *(Люба испуганно садится на табуретку. Варвара разворачивается к подсудимым.)* Кре-ста на вас н-нет! Вы и-роды! Отку-да вы, та-ра-каны та-кие, взялись? От-куда и ког-да вы-пол-зли? Люба, нель-зя их жа-леть. Видишь, как он плюю-ет на все! Ему за-кон ды-шло... *(Подходит близко к Григорию.)* Фа-шист-ты! *(Подходит еще ближе.)* А ли-цо твое я уже ви-дела... Вот такое же ря-бое и гряз-ное. Пот так же зли-лся. А, бо-ишься?

Григорий. Отойди! Отойди, ведьма! Что ты на меня вылупилась? Я тебя тронул? А, тронул? Шутка это была! Шут-ка!..

Варвара. Ты Степана тро-нул! Ты всех, если бы тт-воя во-ля, из-му-чил и до Мо-сквы бы все рас-копал и пере-тряс. Чер-вяк ты!

Григорий. Отойди, сатана! Что ты от меня хочешь? Чего? Что ты на меня глаза вылупила? *(Кричит.)* Сгинь, кобра!

Эдуард. Господа, я прошу слова... Как говорится, «кондуктор, нажми на тормоза...» Давайте без крика мирно поговорим...

Григорий. Хватит говорить, Купец! Не виляй! Башляй им. Иначе не вылезем.

Сергей. Дядя, прости. Руки затекли. Отпусти, ради Бога. Я все вам сказал. Все, по совети. Пойдем, деньги найду, а потом – на машину и в полицию. Сам повезу, и все как один сдадимся. *(Рыдает.)* Сдай, дядя, в ближайшее РУВД, но развяжи. Не могу больше, шнуром сердце перетянуло.

Капитолина *(Петровичу).* Отпусти ты, ради бога, мальчишку. Они же его с панталыку сбили.

Сергей. Спасибо, тетенька. Вы, дядя, наверно, коммунист. Я когда в Москве был, то прежде всего в мавзолей пошел, к Ленину – как к родному отцу...

Григорий. Да ты просто Павлик Морозов.

Сергей. Я не люблю эти новые партии. Все на одно лицо...

Эдуард (*торжественно*). Господа, я прошу слова! Позвольте мне обратиться к вам: ваша честь... В уголовном праве зафиксированы случаи, когда по просьбе осужденного приговор заменяется более мягким видом наказания, то есть крупным штрафом. Сколько хотите, чтобы все аннулировать?

Петрович. Ах, так! Откупиться наконец-то решил?

Эдуард. К делу, Афган! Я люблю хруст... Полмиллиона вам хватит? Тебе, Афган, – двести тысяч и им – по сто, а? Полмиллиона на стол, украденное все возвращается, и... дело в шляпе. Ну, идет?

Петрович. Вот так! Лихо!

Эдуард. Мы здесь одни – никто не узнает. Клянусь! Такими сделками, старик, не бросаются. Ты прекрасно знаешь: Россия – у разбитого корыта. Здесь хорошо можно жить, если у тебя бабла много. Ну, полез этот идиот туда, куда не следует, тронул твоего Степана... Да, Героя тронул. Так ведь больной он, Гришка! Ты на него так и смотри.

Григорий. Не больной, а любопытный.

Капитолина. А ты, ты, подонок, здоровый?

Эдуард. Но и не больной, Капитолина Ивановна, у меня все на месте. Правда, есть грех: при прошлой власти я не согласился строить светлое будущее. Не уговорили! А подкрашивать его фасад, на который без зависти взирали пролетарии всех стран, я не стал. И новым господам я не верю. Вот сейчас, если ты согласишься, я тебе полмиллиона дам, а у них, старик, ты спасибо не дождешься. Потому что если ты отступишь, я им отсыплю то, что тебе обещаю.

Петрович. А если не возьмут? Посмотрят на твою рожу и не возьмут.

Эдуард. Будь спокоен: возьмут! Так эта власть их научила. Когда к руке пачка прилипает – не оторвешь! И запах у нее настоящий, настоящий... Тут пахнет властью, свободой, выбором... Ну, Афган, давай по совести: что ты защищаешь? Кого?

За окном отчетливо слышно, как пошел дождь.

Петрович. Друга! Друга, сволочь! Героя великой войны! Разве поймешь ты... человеческое. Вот Варвару защищаю. Миллионы людей защищаю, что легли в землю... Вы не только к Степану забрались, вы к ним ко всем забрались... А тебя, Купец, с такой философией в клетке держать надо. Потому что ты все сотворить можешь. Оборотень ты, любое предательство оправдаешь. Прикидываешься солью земли, а для тебя человек – тля, пустое место, тать. Все, кончаем разговоры. (*Переламывает ствол ружья, смотрит патроны и встает наизготовку.*)

Эдуард. Ты, Афган, святым-то не прикидывайся. Вон как целишь! Умелец! Небось в Афганистане не одного положил? Скольких там ни за что потеряли?

Варвара. Петрович, выводи его, не могу больше слушать.

Эдуард. Ах ты, цаца! Не может она. У преступника есть право последнего слова. Остановись, Афган! По тебе же жизнь проехала трактором, а ты на нее крестишься. Посмотри вокруг: от деревни твоей рожки да ножки остались, пахотная земля бурьяном заросла... От колхоза твоего и председателя только миф остался. Ты это защищаешь, Афган?

Петрович. Я дом свой защищаю! Ты – моль, черная моль, которая жрет эту страну.

Эдуард. Ложь! Я, как и ты, говорю правду! Но свою! Да, я работал на себя, на личное спасение. Вас учили коммунисты на три жизни замахиваться, а у меня – одна. И я никакому эксперименту ее дарить не собираюсь. Жаль, Афган, тебя, глупый ты!

Петрович. Для тебя ты – это все, вся правда, а для меня есть и другие...

Эдуард. Хорошо! Давай, Петрович, взаимную амнистию устроим. Все мы границу заступили. Прости нас, старина. Полмиллиона – хорошие деньги. Отпусти подобру, а все, что этот идиот вытащил, вернем! (*Григорию.*) Вставишь, гад, назад все, что забрал!

Григорий. Вставлю! Черт с ним, последний раз загляну на тот свет, если не вырвет.

Эдуард. Не глотал бы мух, не рвало бы.

Сергей. Дядя, не могу больше. Пустит хоть одну руку. Затекала... Болит... Простите...

Петрович. (*Григорию.*) На «тот» заглянешь, навсегда заглянешь. (*Эдуарду.*) А тебе вот что скажу: людям я служил и людям поклонюсь, если надо будет ответить за вас. (*Отчетливо и решительно.*) Все, прения в суде закончены. А ну, Варвара (*показывает на Эдуарда*), отвязывай его первого. Предлагаю (*читает по паспорту*) Гозина Эдуарда Михаевича, как преступника и главаря пойманной банды мародеров, приговорить к смертной казни. Кто за? (*Варвара поднимает руку. Любовь и Капитолина – нет.*) Против? (*Обе женщины замерли.*) Кто воздержался? (*Любовь медленно поднимает руку.*) Двое – за, одна – против, одна – воздержалась. Большинство – за! Отвязывай, Варвара, решение суда приводим в исполнение.

Эдуард (*до него наконец дошло*). Петрович, ты что, рехнулся? Я кого-нибудь убил? Я ни по одной статье не подхожу! Я неподсудный!.. (*Кричит.*) Убийца!

Сергей. Дядя, миленький, меня пожалей!

Эдуард. Я – бизнесмен! Любой большой капитал в России на крови делался!

Сергей. Я теперь за сотню километров от таких буду!

Эдуард (*кричит*). Я буду жаловаться. Это – произвол!

Сергей. Дядя, я все понял. Отпусти, век помнить буду.

Эдуард (*Сергею*). Перестань выть, гиена! Петрович, я все достать могу, если надо, новые мозги вставлю! Без таких, как я, вам продыху не будет.

Сергей. Я все могу... Дядя, давай я ему первому могилу выкопаю.

Эдуард (*кричит*). Миллион даю! (*Пауза. Все замирают.*) Тебе семьсот за то, что воевал и сидел, и им – по сто... Ну что, по рукам?

Сергей (*истошно*). Дядя, пожалей!

Петрович (*подходит к Сергею, проверяет, как связан*). Ну что, женщины, отпустим или как? Доброволец, хочет могилу рыть. Может, и впрямь поумнел.

Капитолина. Да-да, Петрович! Мальчишка весь синий стал, затек... Пусть отойдет немножко...

Любовь. Отвяжи его, Варвара. Ему наука, с кем связываться.

Петрович. Хорошо, хорошо... С ним будем разбираться отдельно. Развяжи его. (*Сергею.*) Отдохнешь, и вперед – яму рыть. Вон, возьми лопату.

Варвара развязывает Сергея.

Варвара. Ну, гуляй, бздило-мученик.

Сергей (*берет лопату, но внезапно отбрасывает ее, падает на колени и ползет к Петровичу*). Дядя, благодарю тебя. Вечно буду помнить. Обещаю вам, буду человеком. (*Приближается к столу, на котором лежит нож.*) Дядя! (*Обнимает ноги Петровича, виснет на шее.*) Спасибо тебе, дядя. (*Внезапно хватает нож и наносит удар Петровичу – тот валится на сторону и падает.*) Вот тебе, старый козел! Прежде, чем судить, сам Богу душу отдашь! (*Хватает ружье и наводит его на женщин. Отпивает из бутылки большой глоток коньяку.*) В угол, сучки! (*Капитолина бросается к Петровичу.*) Стоять! Ни с места! Стрелять буду! (*Капитолина останавливается. Сергей разрезает веревки, которыми связаны Эдуард и Григорий.*)

Григорий (*хлопает Сергея по плечу*). Серега, да ты голова! Я-то, дурак, не сразу усек, куда ты ведешь!

Эдуард. Да, Серый, поработал лихо! Недаром два года в учениках ходишь. Даже я тебя пожалел, когда синеть начал. Молодец! С нас большой кусок тебе причитается!

Григорий (*оглядывает эсеницин, Сергею*). Надо кончать с ними.

Любовь. Что, как вы сказали? Мальчики, вы что? Вы шутите? Зачем так? Сережа, мы же тебя освободили. Я же все время просила за тебя. Ты это помнишь?

Григорий. Молчи, стерлядка, не удалось похорохориться. (*Сергею*.) Серега, лишние глаза и свидетели не нужны. Гады, шнуром такого парня связали. Давай!

Сергей (*Любе*). Ты, по-моему, больше всего рвалась в полицию? С тебя и начнем.

Капитолина (*склонившись над Петровичем*). Божечка, что наделали, ироды. Какого человека сгубили. (*Плачет*.) Петрович, голубчик... Петрович, слышишь меня?

Эдуард. Сережа, подожди, не торопись.

Сергей. Нет, я за все отплачу. (*Переводит ружье то на Любу, то на Варвару*.) Ну, прошамановка полицейская, приготовься. Крестись и ты, зайка.

Капитолина (*достает из шкафа простынь и сильным рывком отрывает кусок*). Человек кровью обливается, а он... горло дерет от радости.

Сергей (*в экстазе*). Молчать! Я здесь хозяин!

Варвара. Убб-ивец ты, гни-да.

Любовь. Варя, замолчи! Мальчики, не убивайте меня. Я ничего не скажу, они тоже молчать будут. Честное слово. Я расписку дам. Капа... Варя... Скажите, ради бога, что будете молчать. (*Капитолина перевязывает Петровича. Варя незаметно отступает к печке*.) Прошу вас, Сереженька, ни-ни... Ни одного слова.

Сергей (*вставляет Любе ружье в рот*). Вот так хочешь?

Любовь (*выталкивает ствол изо рта*). Сереженька, убери ружье... Все! (*Ползет на коленях*.) Слышишь, все. Больше никто эту историю не помнит, не знает и знать не хочет. Клянусь вам, что ни звука не пророню. Сережа, мальчик...

Капитолина (*бинтует Петровича*). Его надо в машину, к врачу, в больницу. А то истечет кровью! Слышите, ироды! (*Кричит*.) Человек умирает!

Варвара (*метнувшись к печке, вооружается топором*). Ну? Что? Стреляй, мос-ляк! (*Медленно идет на Сергея*.) Чего ты ско-со-ро-тился. Стре-ляй!

Григорий (*выхватывает у Сергея ружье*). Да их всех под корень надо.

Варвара. Вол-ки! Вы вол-ки! Вас всем миром из-жить на-до! И гнать из всех ще-лей, закут-ков и по-моек, по-ка вы все не сдох-не-те.

Григорий вскидывает ружье на Варвару и нажимает курок. Тишина. Все замерли. Григорий, сломав ружье, вытаскивает гильзы.

Григорий. Пустые! Ружье не заряжено.

Плюет. Издалека слышен звук подъезжающего мотоцикла. Где-то совсем рядом мотоцикл заглох.

Эдуард (*быстро подходит к окну*). Мужик подъехал к соседней избе. Открывает дом. В нашу сторону повернулся. Черт, машину заметил. Кажется, собирается сюда... А ну, ребята, давай, а то поздно будет.

Сергей и Григорий хватают сумки, гитару. Эдуард берет свой паспорт и бумажник, кладет их в дипломат; вдруг быстро подходит к иконе и забирает ее. Капитолина бросается к выходу. Встает в дверях. В руках у нее лопата.

Капитолина. Не смей ее трогать, мерзавец! Убью!

Эдуард (*испуганно оглядывается по сторонам, бросает икону на стол*). Ладно, будь по-твоему. Но предупреждаю: если хоть слово – найдем! И тогда – конец. Запомните это!

Все трое спешно выбегают. За окном сильно льет дождь. Звук стартера. Машина срывается с места. Люба бросается к окну. Варвара, оставив топор, подходит к Петровичу. Опускается на колени. Нарастающий шум мотора внезапно заканчивается сильным ударом. Издалека доносится сильный треск.

Любовь (*кричит*). С моста соскользнули! В реку... Черт попутал, по старой дороге пока-тили. Дождь их подкосил.

Варвара (*подбегает к окну*). На-казал! Господь нака-зал! (*Крестится, возвращается к Петровичу*.) Ка-па, как он?

Капитолина. Ну вот, перевязала. Рану промыла марганцовкой и крапиву на спирте положила. Как знала, с прошлого года пузырек с крапивой держала. Крови много...

Любовь. Внучек Степаниды приехал. Мужик – шестнадцать лет. Степанида, знать, за картошкой послала.

Варвара. Лю-ба, езжай с маль-чишкой за вра-чом. А я к ре-ке про-бе-реть...

Капитолина. Люба, скорее... Доктора надо, а то... Плохо ему...

Любовь. Да-да, сейчас... (*Идет к двери. Останавливается.*) Капа... Варя... Простите меня, если можете, испугалась. (*Берет плащ и выходит. Через паузу слышен звук отъезжающего мотоцикла.*)

Варвара. Давай его на кровать положим.

Капитолина. Нет-нет, дай подушку, пусть голова повыше будет. (*Варвара подает подушку.*) Варя, пойдешь все-таки взгляни, что с ними?

Варвара. Боюсь, Капа.

Капитолина. Тогда я...

Варвара. Не-т, ты здесь нужна. Я пой-ду. (*Надевает плащ, платок и выходит.*)

Капитолина (*тихо*). Петрович? А, Петрович? Ты меня слышишь? Не говори, не говори... Я по глазам вижу – слышишь.

Петрович. Пить... Воды... (*Капитолина подает воду. Петрович медленно пьет.*) Где они?

Капитолина. Болит?

Петрович. Где они?

Капитолина. В реке. Соскользнули со старого моста. Варя пошла туда.

Петрович. Вот оно как... Не ушли, стало быть?

Капитолина. Не знаю. Болит?

Петрович. Ничего, терпимо. Глаза только плохо видят. Лицо твое как слезами залило. Эх, просмотрел я мальчишку.

Капитолина. Я виновата, прости...

Петрович. Милосердная ты...

Капитолина. Виновата я перед тобой...

Петрович. В чем, Капа?

Капитолина. В Прощеное воскресенье скажу, не сейчас. (*Пауза.*) Как же ты с пустым ружьем судить собирался?

Петрович. Накатило сегодня... Людям справедливость нужна, а она не дается. В суде удобно, как за забором в палисаднике. А тут Божий суд, даже нелюдям страшно стало. (*Кашляет.*)

Капитолина. Потерпи, сейчас доктор будет. Люба поехала в Большие Степанцы.

Петрович. Не доживу я до доктора, Капа.

Капитолина. Ты что, Петрович? Ты же мост хотел наладить, чтобы люди сюда ездили. Ты нас-то пожалей, родимый. Как же мы без тебя будем? А я куда? И слышать не хочу!

Петрович. Вот и разговорились, а так, может, и не решилась бы. **Капитолина.** А ты? Ты-то что молчал?

Петрович. Не знаю, совестно было. Да и не молод!

Капитолина. Не молод! Да ты еще любого молодого на прямой объедешь.

Входит Варвара.

Варвара. Двое у-шли, а маль-чишку ру-лем зажало. Только не пойму, голова сзз-ади про-бита.

Петрович. Волки... Добили, значит...

Варвара. На-до в Сте-панцы, в РУ-ВВД, пока далеко они не уш-ли. Пойду я...

Капитолина. Ты смотри, осторожно...

Варвара. Чего уж, на-до... Льет вот толь-ко... (*Подходит к Петровичу.*) Ты вот что, не взду-май уми-рать... То-то... Пош-ла я... (*Надевает плащ Петровича и уходит.*)

Капитолина (*берет с полки старинную книгу*). Петрович, скажи мне страницу?

Петрович. Зачем?

Капитолина. Так, проверить хочу.

Петрович (*тихо*). Двадцать пятая...

Капитолина. А строка сверху?

Петрович. Строка? Семнадцатая.

Капитолина (*читает*). И пошел дождь, и разлились реки, и подул ветер и устремился на дом тот; и он не упал, потому что был основан на камне. (*Закрывает книгу.*) Вот видишь, Петрович, выстоим! (*Проходит к столу, берет икону и ставит ее на место. Встает на колени, тихо читает молитву.*) Владыко, Премилосердный Боже, в нераздельной Троице поклоняемый и славимый, призри благоутробно на раба твоего; подай ему исцеление, возврати ему здравие и силы телесные, подай ему долгоденственное и благоденственное житие, чтобы он вместе с нами приносил благодарные мольбы тебе, Всещедрому Богу и создателю моему. Ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Слышно, как подъехала «скорая», радостно салютуют мигалки. Все громче тикают ходики. По-прежнему шумит дождь. Медленно гаснет свет.

Конец

Пикник под старой крышей *Пьеса в двух действиях*

Победитель 12-го Международного конкурса современной драматургии «Время драмы, 2017, весна» в номинации «Пьеса»

Действующие лица:

Святополк Соловьев – инженер.

Ирина – его жена.

Михаил Лазин – врач-хирург.

Рая – его невеста, студентка.

Валентин Терехов – реставратор.

Нила – его жена, музейный работник.

Охранник.

Первое действие

Загородный дом археолога Соловьева. Внутренняя часть разделена на две комнаты. На стене большой комнаты развешено оружие: сабли, мечи, шлемы, охотничье ружье. В центре – большая фотография хозяина дома, стоящая на старинном проигрывателе. В другой комнате: диван, стеллажи с книгами, несколько икон, вмонтированных между полками, семейные фотографии. В углу запасная дверь во двор. В центре сцены – длинный стол, вокруг деревянные стулья. В глубине – огромное чучело в доспехах – «Цинь». Перед входом в дом столик со скамейками, небольшой навес с лежаком, покрытым соломой. Входят Святополк с сумками и Ирина с детской коляской.

Святополк (*кладет сумки на столик. Слышен отдаленный лай собаки*). Слава Богу, добрались! Баян! Баян! Что он так расшумелся? (*Уходит за дом.*)

Ирина. Смотри, Катю разбудил. (*Качает коляску.*) Что, моя девочка? Не пугайся, мы уже дома.

Святополк (*возвращается, чистит брюки от собачьей шерсти*). Постарел пес, линяет, глаза слезятся... Настоящий волк. Прав был отец: гибриды на старости лет на волков похожи.

Ирина. Все, Катя проснулось. (*Усиленно качает коляску.*)

Святополк (*зло*). Наверняка Степаныч его плохо кормит, куча старых костей вокруг... (*Смотрит в коляску.*) Катюха, спокойно, мы дома!.. Посадил пса на короткую цепь. (*Вой собаки.*) Смотри, теперь завыл.

Ирина. Как из преисподней воет.

Святополк. Тихо, Баян!

Ирина. Не кричи так, Катю напугаешь. Пошли, надо что-то приготовить, скоро гости приедут. (*Смотрит на часы.*) Боже мой, да они вот-вот будут!

Святополк. Где ключи?

Ирина. В черной сумке.

Святополк (*роется в сумке*). У тебя здесь миноискателем надо искать. А, вот они! (*Глубоко вздыхает.*) Чувствуешь воздух – сплошной озон. (*Открывает дверь.*)

Ирина. Помоги мне поднять коляску. Внимательно! (*Заносят коляску в дом, Святополк открывает окно.*) Зачем открыл окно?

Святополк. Проветрить.

Ирина (*резко*). Четыре года назад ты так Гришку простудил, а сейчас и Катю хочешь? Быстро закрой окно!

Святополк. Ты можешь немножко притормозить? (*Утрированно копирует последнюю реплику жены.*) С минуты на минуту появятся гости... Надо проветрить помещение, убрать, стол накрыть... Ты не мать, а шаман какой-то. (*Подает ей одеяло.*) Закутай ее и поставь коляску в маленькую комнату.

Ирина (*зло*). Зачем ты мне эту грязь суешь? Этому одеялу сто лет. К тому же оно грязное. Ничего себе, папочка проявил заботу! (*Снимает плащ и закутывает ребенка. Провозит коляску в маленькую комнату.*) С тобой не шаманом станешь, а шарманкой.

Святополк. Не слышу, что ты там бормочешь?

Ирина (*издалека*). Вот так, моя девочка, здесь тебе будет хорошо.

Святополк. Ирина, надо обогреватель включить, холодно в доме.

Ирина. Подожди! Сейчас, успокою Катю, и все сделаем.

Святополк. Спокойно, я сам все сделаю.

Включает обогреватель, убирает со стола пустые бутылки и кладет их в угол, стряхивает скатерть, снова кружит по дому.

Подходит к чучелу «Цинь», пробует включить светильники.

Святополк (*тихо*). Отцовская техника сломалась.

Ирина (*из другой комнаты*). Не слышу.

Святополк (*щелкает выключателем, громко*). Светильники у «Циня» не горят.

Ирина (*выходит*). Жалко! Дом трещит по швам – надо его продавать.

Святополк. Сбылись предсказания отца – китайская цивилизация становится первой.

Ирина. А где мы?

Святополк. У нас еще все впереди.

Ирина. Сколько я себя помню – у нас всегда все впереди.

Святополк. То, что мы знаем, или то во что мы верим, – в конечном счете, большого значения не имеет, Ира. Важно лишь то, что мы делаем.

Ирина. И кто это сказал?

Святополк. Не я.

Ирина. То, что это сказал не ты – я знаю. А вот кто – не пойму.

Святополк. Это сказал теоретик.

Ирина. Какой?

Святополк. Английский.

Ирина. Слушай, теоретик, нужны дрова... Надо распаковаться... (*Подходит к чучелу «Циня» и пытается включить светильники.*) Действительно не горят. Жалко. (*Замечает на полке деревянную папиросницу.*) Смотри-ка, папиросница Александра Федоровича нашлась. Он ведь «Беломор-канал» курил. Я те годы вспоминаю, как праздник. Как не кошмарят их, мы тогда были счастливы. Помнишь, как Нила перед светящимися глазами «Циня» читала «Незнакомку» Блока. (*Читает.*)

Вдали над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель булочной,
И раздается детский плач.

Все прямо, как у нас: и детский плач, и скука загородных дач. Помню, Нила только что приехала из Таганрога: худенькая, красивая, хорошенькая, как капелька...

Святополк. После этого вечера Мишка начал таять, как масло на сковородке.

Ирина. Надо попросить ее сегодня почитать стихи. Кстати, она последнее время и свои пишет, мне нравятся. Соловьев любил ее слушать. Слава Богу, наконец-то соберемся. Больше всех Вальку хочу видеть. Как он после больницы? Вчера о нем пыталась поговорить по телефону с Нилой – молчит, наверняка Валька рядом был. (*Трогает глаза лампочки чучела.*) Да, не горят – жалко! Принеси сумки, надо стол накрыть и собаке приготовить. (*Святополк уходит и возвращается с сумками.*)

Святополк. За оврагом с юга туман с гор спускается – дождь пойдет, а с востока солнечно – степь, дорога, вся Россия, как на ладони. Что с природой делается? Не знаешь, чего ждать?

Ирина. Природа нас уважать перестала. Мстить начала!

Святополк. Это почему?

Ирина. Потому что одурели! Насилуем ее и друг друга. Одни строят дворцы, городят заборы выше деревьев, деньги мешками за границу вывозят, а другие наперегонки «хрущевки» покупают, чтобы под снос попасть.

Святополк. Люди крутятся, чтобы выжить, Ира.

Ирина. Да-да, одни, чтобы выжить, а другие крокодилов в бассейне держат. Соседка наша, Верка, на детской площадке резанула: жизнь наша на корриду стал похожа: одних забивают, другие на их место готовятся, а третьи утверждают, что они так хорошо никогда не жили.

Святополк. У вас там эстрада, а не детская площадка.

Ирина. А ты забыл, какие мы здесь капустаники делали? Осторожничали, только своих приглашали. А вспомни, какие репризы?! Как нас только не прессовали!

Святополк. Одну я до сих пор помню. *(Цитирует.)* «Что такое вобла? – Это кит, доплывший до коммунизма».

Ирина. Была бы у меня яхта, я бы и от нашего капитализма уплыла бы на фиг. Вон рядом – элитный дачный район, у всех бассейны, зоопарки, тосканские вина, а у нас в кране вода желтая, дороги разбитые, а электростолбы – деревянные, совсем на ладан дышат.

Святополк. Предлагаешь в Сибирь? *(Достает из сумки бутылки, выкладывает съестное.)*

Ирина. А что, Кузбасс моя родина.

Святополк. Знаем, знаем – на нас Россия держится.

Ирина. А что, родители живут – не жалуются. Мать пятьдесят литров груздей засолила. *(Берет метлу, начинает подметать пол.)* Знал бы ты климат Кузбасса: летом буйство степных цветов, а зимой...

Святополк. Так я летом с тобой там был, причем дважды.

Ирина. А зимой еще лучше. Наступает чудо: кругом бело, чистота, снежок хрустит, никакой сырости, теплее оделся и – на гулянье. Пикник на улице – лучший праздник. Время бежит, как спринтер с Ямайки. *(Приглядывается к щиту чучела, куда вмонтированы часы.)* А у нас часы остановились. *(Гневно.)* Займись часами, Святополк. Я стол сама накрою.

Ирина прерывает уборку комнаты и начинает накрывать стол.

Святополк *(пробует передвинуть гирьки у часов на щите чучела).* Цепочка где-то заедает, черт побери!

Ирина. Здесь будут сидеть Валя и Нила, а тут Миша и его возлюбленная. Как ее зовут?

Святополк. Кажется, Рая.

Ирина. Не терпится ее увидеть. Она дочка Куликова?

Святополк. Да.

Ирина. Смотри-ка, девочка – не нашего полета.

Святополк. Зять начальника, кум Бога.

Ирина. Ты видел ее?

Святополк. Мимоходом.

Ирина. Кстати, они могут и не приехать, у него то операция, то дежурство...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.